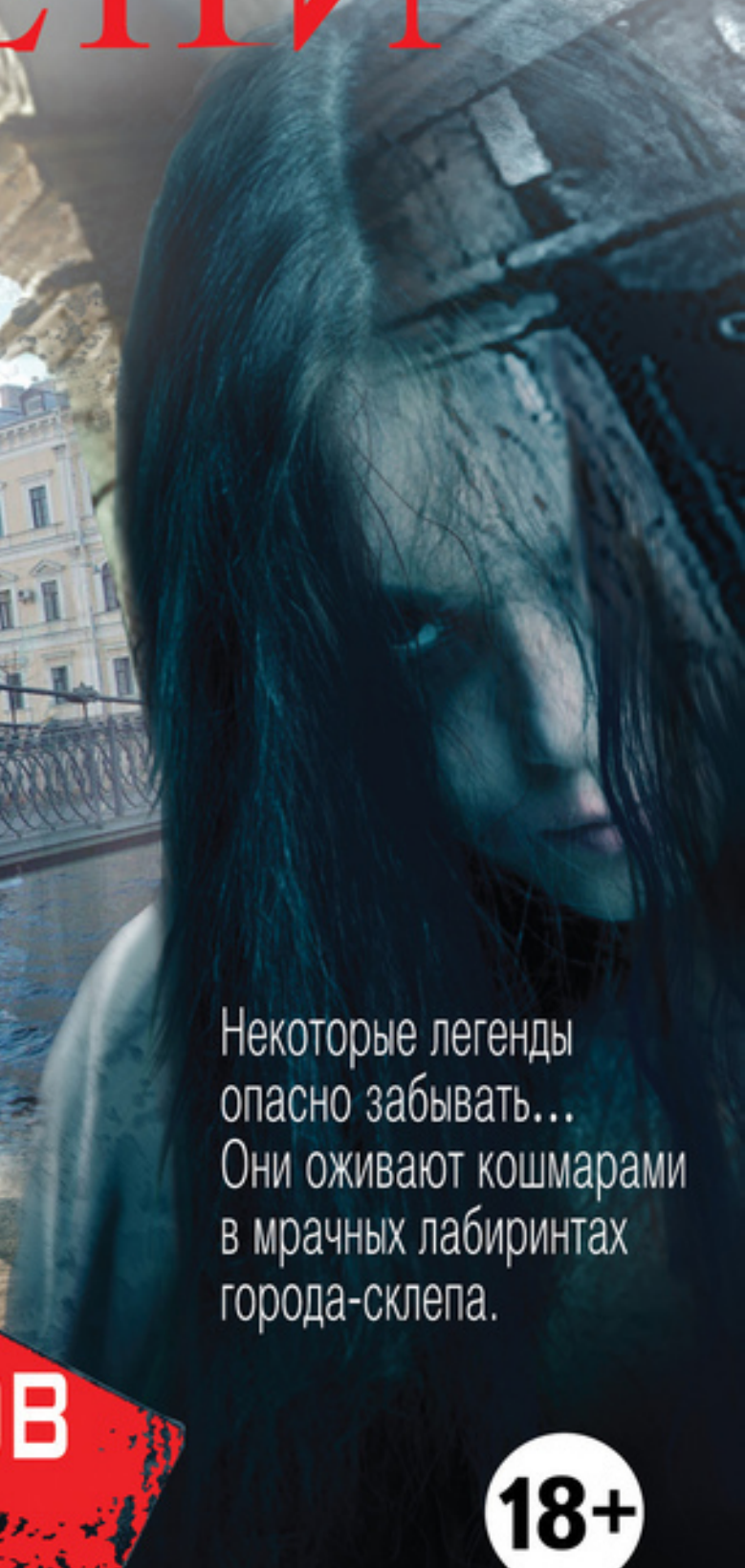

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

КРАСНЫЕ ЦЕПИ

Некоторые легенды
опасно забывать...
Они оживают кошмарами
в мрачных лабиринтах
города-склепа.

КОНСТАНТИН
ОБРАЗЦОВ

18+

Красные цепи

Константин Образцов

Красные цепи

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Образцов К.

Красные цепи / К. Образцов — «Эксмо», 2016 — (Красные цепи)

ISBN 978-5-699-87159-9

Петербург. Загадочный и мрачный, временами безжалостный и надменный, вззирающий на суету мира живых с холодной чопорностью мертвеца. Этот город потрясает, завораживает и непрестанно пожирает человеческие жизни, превращая людей в призраков, а призраков делая похожими на людей. За его парадным фасадом в обветшавших коммунальных квартирах, среди лабиринтов серых улиц, в гулких недрах хмурых подъездов и колодцах дворов скрываются сумасшедшие гении, адепты древних культов, извращенцы, лидеры тайных организаций... и ядовитое нечто, не постижимое здравым рассудком. И каждое новолуние в этом городе происходят жестокие убийства молодых женщин. Но зловещий ночной потрошитель – лишь звено в багрово-красной цепи демонических страстей, безумия и одиночества, удавкой протянувшейся сквозь пространство и время из мрака средневековых легенд... От автора: «Красные Цепи» - аттракцион из невероятных, страшноватых, но захватывающих развлечений: тут можно гулять в старом парке среди ветшающих особняков, защищать с мечом в руках средневековый замок, поиграть в частного детектива и попытаться спасти «леди в беде», палить из дробовика по зомби, читать таинственные манускрипты, поучаствовать в ураганных перестрелках с бандитами и заблудиться меж призраков и теней прошлого в лабиринте мрачных петербургских дворов. Книга приглашает читателя на постмодернистский карнавал масскульта девяностых и нулевых с вампирами, попсовой мистикой, «Секретными материалами», фильмами Тима Бартона и Романа Полански, ночными клубами и пьющим интеллектуалом-мизантропом с данными супермена в качестве главного героя. До сих пор этот невероятный литературный коктейль остается самым популярным из моих романов и охватывает самый широкий круг читателей всех возрастов, образования, опыта и убеждений. Для меня

же он особенно дорог множеством личных кодов и чувством совершенной внутренней творческой свободы, из которого был написан.

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87159-9

© Образцов К., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	45
Глава 5	61
Глава 6	81
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Константин Образцов

Красные цепи

Тайны существуют, чтобы человек не сошел с ума.
Нил Гейман

Но там, где есть чудовище, есть и чудо.
Огден Нэш

Самая великая уловка Дьявола – в том, чтобы заставить нас поверить, что он не существует.
Шарль Бодлер

© Образцов К., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Часть I

Ртуть

Глава 1

Огни фонарей дрожат и мерцают, как капли воды на стекле под порывами ветра. Ночь накрыла город стылой тьмой и тяжелым осенним дождем, который колотит во все стороны, куда направит его недобрый ветер.

Три слабо светящихся во мраке окна кажутся окнами в другой мир, таинственный, теплый, уютный: здесь мягкий желтый свет десятками мерцающих огоньков отражается в стекле бутылок и зеркальные полки выглядят праздничными, как рождественская елка. Из двух колонок негромко и хрипло поет Армстронг. Я поднимаю стакан, вдыхаю аромат виски – запах дыма с рыбацких верфей, дегтя, просмоленных канатов и густого тумана над озером – и делаю глоток. Жидкое торфяное пламя пробегает через гортань и согревает меня изнутри. Я оглядываюсь вокруг. Несколько маленьких столиков, вокруг которых стоят старые шаткие стулья, большой пыльный диван, рядом с ним стол из круглой деревянной катушки для кабеля и двух пивных кегов. Темные стены, увешанные фотографиями и старыми плакатами рок-групп, теряются в пыльном полумраке. Поздним вечером буднего дня в баре почти никого, только за дальним столиком в самом углу сидят напротив друг друга двое молчаливых пьяниц, гипнотизирующих бокалы с пивом у себя под носом так, словно ждут, что оно обратится в водку. На стойке по левую руку от меня скалится провалом пустого рта большая желтая тыква – заготовка на Хэллоуин. Впрочем, этот праздник здесь можно отмечать каждую ночь уик-энда. Надпись, сделанная белой канцелярской замазкой на зеркале у входа, честно предупреждает: «В пятницу и субботу – АД!» Тогда в два маленьких зала битком набивается жаркая толпа, грохочет музыка, бурлит алкогольный паводок, прорывая плотины рассудка, и к двум часам ночи люди уверенно превращаются в гоблинов и ведьм. Впрочем, некоторые уже такими сюда приходят.

Но сейчас тут тихо и пусто, музыка не валит с ног, и никто не толкает под локоть, расплескивая тебе на грудь твой же собственный скотч. Я делаю еще один глоток. Здесь я давно уже дома.

Каждому человеку нужно такое место, где можно почувствовать себя дома, и часто в гораздо большей степени, чем там, где мы ужинаем, засыпаем, просыпаемся и уходим, чтобы снова вернуться вечером. И бар как нельзя лучше подходит для того, чтобы стать таким местом – во всяком случае, для меня. Чтобы на улице лил вечный дождь, а здесь был теплый желтый свет, и негромкая музыка, и чтобы можно было сказать бармену: «Налей-ка мне как всегда, дружище, плесни на два пальца этого пойла».

– Налей-ка мне еще, Маришка, – говорю я. – Плесни на два пальца этого пойла.

– Это что-то новое, – смеется Марина. – Тебе уже хватит на сегодня, по-моему. С каких это пор односолодовый виски у тебя стал пойлом?

– Если бы ты была знакома с ним так же хорошо, как и я, могла бы тоже называть его пойлом. Дружеское прозвище.

Я улыбаюсь и смотрю на нее сквозь сияющий янтарь скотча, который еще остается на дне моего бокала.

– Сделаю лучше тебе кофе, пьяница, – говорит она и идет к кофейному аппарату. Я одним глотком допиваю виски и закуриваю. Дым поднимается к потемневшему абажуру над стойкой и клубится там, похожий на причудливый вращающийся светильник.

Я вижу ее в «Винчестере» почти каждый вечер уже полгода. В последние пять-шесть месяцев у меня достаточно времени, чтобы приходить сюда постоянно и просиживать до глубокой ночи. Иногда выпадают нелегкие дни, заполненные делами и суетой, и я прихожу в бар, пропахший формалином, ладаном и сырой землей; иногда пустые, как те дневные телевизионные передачи, которыми я заполняю время в ожидании вечера. А вечер – это мягкий свет, похожий на сияние скотча в бокале, и старая барная стойка, испещренная царапинами и бесчисленными следами каблуков-шпилек, и согревающий сердце виски, и ветхий деревянный стул, и Марина. Главное – это Марина. Конечно, есть еще маленькая веселая Иришка Орешкина, и томная Снежана, и Настя, но главное – Марина. Я никогда не узнавал заранее, кто работает вечером, чтобы сохранить то радостное мгновенное чувство, когда открываешь деревянную дверь с матовым стеклом, звякает треснувший колокольчик, и вот секунда – и в полумраке за стойкой видишь знакомый профиль, темные волосы, быстрое изящное движение, и она пока не видит меня, а я уже прошел половину пути до стойки по затоптанному грязному ковру, и тогда она поворачивается, и улыбка ее расцветает навстречу.

– Привет, мой любимый бармен.

– Привет, пьяница!

Наверное, за полгода почти ежедневного общения можно неплохо узнать человека. Что до меня, то я вообще считаю, что внутреннее содержание большинства людей полностью исчерпывается за несколько минут разговора. А за шесть месяцев поговоришь и расскажешь вообще обо всем: о прошлом и будущем, о разочарованиях и радостях, о друзьях, родных и знакомых, о книгах и фильмах... В общем, более чем достаточно, чтобы исчерпать все возможные темы для бесед. Но с Мариной все по-другому. Нам всегда есть что сказать друг другу и есть что послушать. И в конце концов не так важно, о чем мы разговариваем. Иногда слова – это просто фон, как музыка или бормочущий телевизор, избавление от тишины. И тогда становится важно другое. Важно, насколько близко к моей руке на стойке бара лежит ее рука, как она улыбается мне, и вот я тоже улыбаюсь в ответ. Я смотрю на нее, и мне кажется, что ничего и никого прекраснее я не видел в своей жизни. Может быть, причиной этому уютный домашний полусвет и мерцание зеркальных полок бара, может быть, скотч, а может быть, это что-то большее. И сейчас я хочу думать именно так.

– Вот твой кофе, – говорит Марина, ставит передо мной дымящуюся бодрящими ароматами чашку и остается стоять рядом. Нас разделяет только стойка. Я сижу и смотрю на ее руки, лежащие на темной деревянной поверхности, – такие легкие, красивые и изящные.

– Трудный день? – спрашивает она.

– Так заметно? – Я поднимаю голову. Ее лицо в обрамлении темного каре волос прямо передо мной.

– Ну... вообще-то, да, – отвечает Марина и снова улыбается.

Я чуть отодвигаюсь в сторону, стараясь рассмотреть свое отражение в зеркальной стене за полками. Из-за бутылок выглядывает мой унылый двойник: всклокоченные волосы, щетина, бледная вытянутая физиономия и покрасневшие глаза.

– Да, – соглашаюсь я. – Денек тот еще. Были нелегкие проводы.

– Кто на этот раз?

– Молодая девушка. Самоубийца. Прыгнула с шестнадцатого этажа. Закрытый гроб, родители, и все такое.

– Ужас. – Марина передергивает плечами.

Ветер, набрав полные ладони холодного дождя, бросает его в темные стекла окон, и вода стекает струями вниз, как будто скользят руки созданий, скрывающихся в ненастной темноте. Тяжелые капли громко стучат в окно, словно кто-то просит впустить его внутрь. Двое молчаливых субъектов в углу как по команде поднимаются из-за своего столика, оставив бокалы с

недопитым пивом, и так же безмолвно идут к двери, натягивая на ходу серые куртки. Коротко звякает колокольчик над входом.

– Всего доброго, приходите к нам еще! – звонко говорит им вслед Марина, но они уже исчезают во тьме вместе с мгновенным порывом ворвавшегося в бар холода. Стукнула, закрываясь, дверь. Теперь мы здесь только вдвоем.

Армстронга сменил Синатра: зеленые деревья, розы в цвету, какая прекрасная жизнь...

– Ужас, – снова повторяет Марина и смотрит на меня.

– Иногда единственное чудо, к которому человек может прикоснуться за всю свою жизнь, это именно смерть, – говорю я.

– Почему?

– Потому что вообще чудо – это свидетельство о том, что есть нечто большее, чем наша обычная жизнь. О том, что вечно. И нет ни одного столь яркого напоминания об этом, как смерть. А еще это то, что нельзя проигнорировать – так, как это делает человек, сталкиваясь в своей жизни с другими проявлениями чудесного или читая про то, что называется чудесами, или глядя на них по телевизору. Смерть не дает ни одного шанса остаться незамеченной теми, к кому она прикасается.

– Все равно... я бы, наверное, не смогла так работать, как ты. Мне было бы очень жалко людей: и тех, кто умер, а особенно тех, кто остался жить. Ну, просто это столько страданий...

Я кивнул и одним глотком выпил половину чашки горячего кофе. Марина знает, что я похоронный агент, и часто спрашивает меня о тех, кого я провожаю. Наверное, в ее глазах я некий Харон, медиатор потустороннего мира, хотя лично я организую проводы только для тела: тем, что было человеческой личностью или душой, занимаются совсем другие.

– Люди становятся гораздо лучше в минуты страданий, поверь мне. Я имею дело только с теми, кто неравнодушен к своим покойным, такая специфика работы. Возможно, за всю свою жизнь эти люди не испытывали чувств более чистых, искренних и сильных, как при потере близких, – причем и к этим самым близким в том числе.

И это истинная правда. Полтора года назад, когда я почти случайно начал работать в этом бизнесе, мне уже было трудно и неприятно общаться с большинством окружающих меня людей, если не сказать, что со всеми. Я и сейчас не могу назвать себя ни альтруистом, ни филантропом, но те несколько дней, что я провожу со скорбящими родственниками, отчасти примиряют меня со всем человеческим родом.

– А еще в такой ситуации люди часто искренне благодарны за помощь – тоже не самое распространенное человеческое качество. Так что можно сказать, что у меня просто прекрасная работа: я постоянно имею дело с чудом и искренними чувствами.

Марина улыбается.

– В твоём изложении звучит просто волшебно. Проводишь меня?

– До дома?

– Нет... когда я умру. Если уж этого чуда никому не избежать, я бы хотела, чтобы именно ты все для меня организовал. Мне кажется, у тебя неплохо получится.

– Очень надеюсь, что до этого не дойдет, – серьезно отвечаю я.

– Только положи меня в гроб красивой. – Марина веселится: смерть кажется ей чем-то далеким и совсем нестрашным. – Нос мой горбатый, может, наконец поправишь мне, потому что я точно умру раньше, чем сделаю себе пластику.

– Еще чего, – отвечаю я. – Я не лишу тебя посмертно главного в твоём шарме и обаянии.

Марина смеется и поворачивается в профиль. У нее очаровательный носик с горбинкой, предмет общего восхищения и ее постоянных шуточных издевательств над собой.

– Все равно, если что, я буду рассчитывать на твои услуги.

– Тогда нам нужно будет состариться вместе – при этом условии я согласен.

Марина смеется, откидывает темные волосы, и ее знаменитая улыбка сияет ярче, чем отраженный свет в зеркалах и стекле у нее за спиной. Она выходит из-за стойки и идет убрать стаканы с дальнего столика. Стрелка на часах уже приближается к двум, а значит, скоро нужно будет готовить бар к закрытию. Очередной вечер, незаметно ставший ночью, подходит к концу.

Я гашу сигарету, а Марина возвращается за стойку.

– А вообще я бы хотела никогда не умирать, – говорит она.

– Мне кажется, это ужасно тоскливо.

– Только если сидеть в баре каждый вечер, – парирует Марина. – А если постоянно чем-то заниматься, новым, интересным... ну, ездить по разным странам, читать, учить языки...

– То хватит тебя лет на сто, – отвечаю я. – А потом ты окажешься запертой в этом мире, как в склепе, в унылой компании опостылевших стран, надоевших людей и наскучивших занятий. Смерть придает жизни хоть какую-то осмысленность, хотя бы в качестве подведения итогов.

– А мне кажется, что умирать очень обидно, как выйти из кинотеатра посередине сеанса: фильм еще не закончился, а ты уже ушел.

– Тогда налей мне еще немного, и я выпью за апокалипсис: пусть фильм закончится для всех и сразу.

Марина с улыбкой качает головой, но наливает немного виски на дно моего стакана. Я залпом проглатываю огненный напиток, запиваю его остатками уже остывшего кофе, встаю, кладу деньги на барную стойку. Марина возится в углу с кассой.

Я смотрю наружу сквозь темное мокрое стекло. Дождь и ветер поджидают меня, как уличные хулиганы.

– Тебя проводить? – спрашиваю я.

– Все-таки решился? – улыбается Марина.

– Я имею в виду, до дома. Погода дрянь, да и время суток не располагает к прогулкам.

– Не надо, – Марина машет рукой, – я такси вызову. Спасибо. Да и мне тут еще нужно посчитать, потом выключить все... Поезжай.

– Как джентльмен, я должен был предложить.

– Спасибо, леди наймет себе экипаж.

Все, наш обычный ритуал прощания состоялся. Я ни разу за полгода не настоял на том, чтобы проводить ее, а она ни разу не согласилась, точно так же, как я ни разу не сделал попытки пригласить ее встретиться где-нибудь за пределами «Винчестера», а она ни разу не дала мне ни намека на то, что ожидает от меня чего-то подобного. Может быть, так даже лучше, оставаться друг для друга ночными собеседниками. А может быть, я просто боюсь потерять то, что есть между нами сейчас, и превратить это в двусмысленное слово «отношения». Пусть уж лучше все остается как есть.

Я застегиваю пальто и иду к дверям. Марина провожает до выхода. Я снова смотрю на нее, и у меня вдруг чуть сдавливает сердце от какого-то промелькнувшего щемящего чувства. Марина стоит передо мной, смотрит мне в глаза и улыбается. Я думаю о том, какая она красивая, а еще о том, как мне не хочется оставлять ее здесь одну.

– Ну все, пока, – говорит она и целует меня в щеку.

Я целую ее в ответ, прикасаясь губами к теплой мягкой коже, и чуть касаюсь руки.

– До завтра, – то ли прощаюсь, то ли спрашиваю я.

– До свидания, – улыбается она.

Я открываю дверь и выхожу на улицу.

Темнота, холод, ветер и дождь мгновенно обрушиваются на меня, злобно радуясь неожиданной ночной жертве. Ледяные капли бьют по лицу, сыплются за воротник, который я стараюсь поднять повыше. Из темных узких коридоров улиц с завыванием вырываются сквозняки. Чуть правее виднеется в сумраке серая громада стадиона. Стены домов уходят прямо в клу-

блещущее серыми тучами небо. Кошмарные сновидения их обитателей смотрят на меня через черные мокрые стекла. Я подхожу к набережной и поднимаю руку. Машин в этот час совсем мало, и только минут через десять, когда стылый ветер уже пробрал меня до костей, из мрака вырывается нечто, словно наспех склепанное гоблинами из плохо подогнанных листов железа. Собственно, один из этих гоблинов и сидит за рулем.

– Куда ехать? – слышу я каркающий голос.

– Черная речка, – отвечаю я, – самое начало Приморского проспекта.

И, не дожидаясь переговоров о цене, падаю на продавленное сиденье и захлопываю дверцу.

– Поехали, – говорю я, откидываюсь на спинку, стараясь не очень надавливать ногами на ржавое днище, и прикрываю глаза.

* * *

Я просыпаюсь мгновенно, как будто кто-то повернул выключатель, и сразу открываю глаза. В комнате тихо, и только сквозь оконные рамы едва доносится протяжный шум просыпающегося города. Некоторое время я просто смотрю перед собой, осознавая реальность, к которой вернулся после долгих и тревожных блужданий во сне. Я лежу на диване, завернувшись в покрывало. Прямо передо мной темный экран молчащего телевизора. В одном углу комнаты неуклюжее кресло, в другом – большой старомодный шкаф. Залежи коробок с DVD громоздятся на полу по обе стороны от телевизионной тумбочки. Рядом с диваном небольшой шаткий столик, на нем две пустые бутылки из-под ирландского эля и пластиковый контейнер с остатками какой-то еды. Значит, вчера я еще заходил в магазин по дороге домой. Постепенно возвращаются воспоминания о прошлом вечере: ржавая колымага с угрюмым водителем, дождь, бар, Марина. Я приподнимаю покрывало, с удовольствием отмечая, что все-таки успел раздеться перед тем, как провалиться в сонное забытие. Некоторое время я еще лежу, пытаюсь вспомнить сон, который видел, но образы сновидений мгновенно лопаются, как мыльные пузыри, стоит только мысленно к ним прикоснуться и попытаться обозначить словами. Постепенно от сна остается только смутное неуловимое ощущение, как будто близорукий человек пытается рассмотреть картину, расплывающуюся у него перед глазами в одно пестрое, но бесформенное пятно.

Я откидываю покрывало и встаю. Тело отвечает легким головокружением, но это уже привычное для меня ощущение. Иногда организм выражает свои протесты по поводу моих ночных бдений гораздо более радикально.

В окно льется мутный утренний свет. По проспекту уже несутся машины, постепенно формируя нескончаемый железный поток. Небо немного просветлело, дождя нет, и солнце висит за тонким пологом серой дымки размытым, но ярким пятном. Темная вода в реке сонной холодной змеей ползет мимо рассыпающихся набережных и каменных лестниц, подступающих к ее свинцовой поверхности. Деревья в парке на другом берегу расцвели, как печальные цветы смерти: желтым, багровым, лихорадочно-красным и рыжим.

Я иду на кухню, по пути заглядывая в кабинет, служащий мне одновременно и спальней: костюм аккуратно висит на вешалке, зацепившейся крюком прямо за крышу шкафа. Я не помню, как снимал одежду, но приятно, что некоторые рефлексy не зависят от состояния сознания. На кухне я наполняю стакан водой из-под крана и жадно пью. Наливаю второй, выпиваю почти до конца и выплескиваю остатки воды в раковину, на что она сразу отзывается недобрым хрипением. Часы на стене показывают восемь утра, и я не могу понять, что могло разбудить меня так рано, вырвав из сна, словно по сигналу тревоги.

Я возвращаюсь в комнату и вижу, что телефон слабо мерцает: пропущен звонок или сообщение. Так и есть: оповещение о новом письме, пришедшем на мой электронный ящик. Я беру

телефон, иду в кабинет и включаю ноутбук, вяло раздумывая о том, от кого могло быть сообщение и не потребуется ли от меня в связи с этим каких-то активных действий прямо сейчас. Пусть уж лучше это будет спамом.

Систему оповещений о новых письмах, приходящих на электронную почту, я поставил себе год назад. В работе похоронного агента своевременное получение информации – это гарантия успешного бизнеса, а многим моим информаторам – сотрудникам полиции, врачам «Скорой помощи», вообще всем тем, кто первым оказывается у еще не успевшего остыть тела, часто гораздо проще послать СМС или отправить сообщение на электронную почту со своего телефона. Кого-то из этих людей я знаю лично, с кем-то знаком только заочно, а некоторые предпочитают скрываться за анонимными электронными адресами, получая свою долю от моих комиссионных с помощью электронных платежей. Меня это вполне устраивает – во всяком случае, гарантирует то, что какой-нибудь участковый или санитар не станет навязываться мне в приятели и надоедать лишними разговорами.

В почтовом ящике одно новое сообщение с адреса dilleachta@gmail.com. Да, так и есть – один из моих анонимов. Пара интересных дел за последние полгода, стандартная оплата, электронный анонимный кошелек.

На этот раз в теле письма я вижу только одно слово, набранное крупным шрифтом.

МАРИНА.

Я откидываюсь на спинку стула и чувствую, как кровь с шумом приливает к голове, мгновенно вымывая остатки алкоголя. Пару секунд я просто смотрю на слово, написанное крупными буквами. Ощущение такое, словно кто-то в пустой квартире неожиданно окликнул меня по имени: внезапное, очень личное и страшное обращение.

Шум в голове сменяется крикливым хором мыслей. Я хватаю телефон и набираю номер. Секунда ожидания, и женский голос вежливо сообщает мне, что «аппарат вызываемого абонента выключен или находится вне зоны действия сети». В следующее мгновение я срываюсь с места и лихорадочно начинаю одеваться. Письмо так и остается открытым, и на экране по-прежнему светится имя: МАРИНА. Я мельком вижу его, когда захлопываю входную дверь.

Мой «Wrangler» стоит у парадной. На лобовом стекле несколько крупных желтых листьев – штрафные квитанции осени. Я прыгаю за руль и, уже выезжая из двора, понимаю, что не знаю, куда мне ехать. У меня есть фамилия Марины и номер ее мобильного телефона, но для того, чтобы установить адрес, мне потребуется два звонка и пятнадцать минут времени, а я не хочу ждать ни секунды. Я решаю ехать в «Винчестер» и, если ситуация не прояснится, потом разобраться на месте.

Через одиннадцать минут я резко торможу у дверей бара, наплевав на правила парковки и на возмущенные сигналы подрезанного мной «Jaguar». Мне невероятно везет: за эти несколько минут бешеной гонки я раза три должен был лишиться прав, два раза разбить свою и чужую машины, и это не считая очевидных последствий вчерашних алкогольных возлияний.

Железные жалюзи «Винчестера», которые обычно опускают на ночь, защищая двери и окна, сейчас подняты, и я вижу, что в баре горит свет. Сердце сжимается в тугой комок. Любое нарушение установленного порядка в этом мире – это сигнал опасности или уже свершившейся беды. Внезапный ночной звонок в дверь, чужие люди у дома или офиса, настежь раскрытая дверь соседской квартиры – и свет в ночном баре в девятом часу утра.

Я открываю дверь: она не заперта, колокольчик отзывается тусклым, неживым звяканьем.

Под потолком горят тусклые лампочки в большой погнутой люстре, похожей на висящего паука. Включенный свет странным образом создает ощущение, что в помещении темнее, чем если бы оно было освещено только утренним солнцем, лениво заглядывающим через окна. Неприглядные детали интерьера, обычно скрытые полумраком, теперь бесстыдно лезут в глаза: неопрятные стены, ковер, похожий на втоптанную в пол грязную тряпку, пятна на обивке дивана. Я вижу, как что-то метнулось за барной стойкой, и подхожу ближе. Маленькая Ира

Орешкина, еще одна девушка-бармен этого заведения, смотрит на меня огромными округлившимися глазами так, будто увидела призрака.

– Ой, – говорит она. Я вижу, как дрожит ее рука, сжимающая пивной бокал с какой-то желтой жидкостью, плещущейся на дне.

– Привет, Ириша, – говорю я.

– Ой, – отвечает она, и я вижу, как в ее больших карих глазах появляются слезы.

Из небольшого коридора, отделенного от зала тремя ступеньками, доносятся голоса и несет холодным воздухом. Я иду туда. В коридоре тоже горит свет, я иду мимо туалетов и вижу, что дверь черного хода, обычно запертая на тяжелый железный крюк, открыта настежь. Голоса становятся громче. Из подсобки, расположенной рядом с черным ходом, слышится звук падения чего-то тяжелого. Мне навстречу выходит Толик – хозяин бара. Его лицо, обычно покрытое красно-бронзовым загаром спортсмена-экстремала, сейчас непривычно бледно, короткие светлые волосы взъерошены.

– Уже знаешь?.. – спрашивает он меня и, не дожидаясь ответа, скрывается за одной из боковых дверей. Я прохожу мимо подсобки. Еще один совладелец «Винчестера», Андрей, длинными волосами и бородкой похожий на постаревшего мушкетера, вместе с каким-то незнакомым человеком возится с упавшим пивным кегом. Он не замечает меня, и я выхожу через дверь черного хода во двор.

Двор этот квадратный и почти всегда пустой. Его иногда используют как ринг для поединков гости бара, достаточно пьяные, чтобы необходимость физически выяснять отношения казалась неизбежной, но сохранившие довольно благоразумия, чтобы не делать этого на танцполе. Дома, окружающие двор с четырех сторон, похожи на троллей, которых застал свет утра, и они окаменели, разинув беззубые провалы дверей и вытаращив мутные остекленевшие глаза окон под низкими тяжелыми бровями карнизов. Бледные солнечные лучи скользят по их изрытой оспой времени серой каменной коже.

Первое, что я вижу – это машины. «Скорая помощь», рядом с открытыми задними дверцами которой курят санитары. Полицейский автомобиль ППС. Еще пара машин с номерами МВД и прокуратуры припаркованы в дальнем углу. Оба въезда – через арку и со стороны набережной – перекрыты желтыми лентами, рядом с которыми мается пара молодых полицейских. Еще один человек в форме, толстый, усатый, негромко разговаривает недалеко от входа в бар с двумя оперативниками в штатском. Какие-то хмурые люди расхаживают с мобильными телефонами. Периодически где-то хрипло включается рация. На меня никто не обращает внимания. Я поворачиваю голову влево, смотрю вниз и наконец вижу Марину.

Для того чтобы понять, что это она, мне требуется несколько секунд. Она лежит на спине, вытянувшись на грязном асфальте чуть левее двери черного хода. Одежда превратилась в комок раскромсанных заскорузлых лохмотьев. Сквозь грязь и кровь можно различить только несколько клеток на юбке из шотландки. Собственно, эта юбка и бледная кисть руки – изящная, легкая, красивая, безжизненно лежащая на асфальте, – то единственное, по чему я могу узнать Марину. На вытянутых ногах зияют рваные раны на месте вырванных из тела кусков плоти, в одной из ран сквозь обрывки ткани и почерневшей кожи белеет бедренная кость. Изодранные в ключья руки раскинуты в стороны, запястья раздроблены. Тело обнажено до пояса, но это понятно не сразу, потому что на месте груди зияет огромная багрово-черная дыра, оскалившаяся беловатыми осколками сломанных ребер. Грудная клетка словно взорвалась изнутри, вместо мешанины органов – кровавая пустота. Горло отсутствует, и сквозь красноватые и белесые жилы видны шейные позвонки.

Я перевожу взгляд на лицо. Даже сквозь сплошную бурую пленку запекшейся крови видно, что оно белое, как листок бумаги, брошенный на серый асфальт. Глаза зажмурены, словно это было единственным средством защититься от обрушившегося на нее кошмара.

Губы растянуты в последнем предсмертном оскале. Темные волосы слиплись от крови в один большой колтун, нелепо торчащий в сторону.

Я делаю выдох. Похоже, я не дышал минуту-другую, и сейчас воздух все-таки вырвался из легких с сиплым, свистящим звуком. Рядом с телом я вижу брошенную сумочку, из которой раскатилась какая-то пластиковая мелочь, связку ключей и раздавленный мобильный телефон.

«Аппарат вызываемого абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

– ...собаки, – слышу я обрывок разговора усатого участкового и двух оперативников в штатском. Я с трудом отвожу взгляд от тела и прислушиваюсь.

– Я тоже видел, этим летом. Только там другое было. – Усатый не спеша закуривает сигарету. – Меня на труп вызвали, в коммуналку. Тут недалеко. Короче, там старуха умерла, а вместе с ней в комнате жили собаки, мелкие, но штук пять. Дворняги, в общем. Два дня соседи ничего не замечали, а собаки в это время труп обгрызли почти до костей. Ну, а на третий день, когда на жаре старуха уже протухла, тогда уже стали выть, и соседи запах почувствовали. В общем, когда мы приехали, там уже все тело в опарышах... Так вот, очень было похоже на это. – Оперативник машет сигаретой в сторону тела Марины.

Я продолжаю слушать.

– Пару лет назад в питомнике два ротвейлера алкоголичку порвали, – говорит оперативник в черной кожаной куртке. У него неприятное рыхлое лицо и маленькие бегающие глаза. – Она там смотрела за ними, пьяная вошла в вольер – ну и все. Как здесь почти: руки начисто отгрызли, ноги порвали, ну и горло...

– Эксперт когда будет? – спрашивает второй.

– Десять минут, – откликается один из мужчин с телефоном. – Уже звонили, сказали, едет.

Я бросаю еще один взгляд на тело. Растерзанная и брошенная на грязный асфальт упаковка человека. Словно кто-то очень жадный, злой и нетерпеливый рвал обертку конфеты, чтобы быстрее добраться до начинки живой души.

Я возвращаюсь в бар и вижу, как Ира Орешкина выливает в пивной бокал маленькую баночку энергетика, а потом до краев доликает бокал водкой. Судя по ее неуверенным движениям, проделывает это она сегодня уже не в первый раз. Я сажусь напротив нее и закуриваю. Некоторое время она молчит и только делает несколько жадных глотков. Я не тороплю ее и ни о чем не спрашиваю. Она тоже видела тело.

Наконец Ира отрывается от бокала и начинает говорить, сбиваясь, путаясь в словах заплетаящимся языком и проглатывая слезы.

Около двух, как обычно, Марина закрыла кассу. В 2:10 она послала СМС Толику с отчетом по вечерней выручке. В 2:15 позвонила и вызвала машину, знакомого таксиста Валеру, который был почти официальным водителем для сотрудников и некоторых постоянных гостей. В 2:35 Валера остановился перед входом в «Винчестер» и сидел в автомобиле. Свет в баре уже был погашен, но Марины на улице не было. Он подождал минут десять, потом позвонил ей на мобильный, но телефон оказался выключен. Валера подумал, что она уже поймала другую машину, или, скорее всего, вообще ничего не подумал, развернулся и поехал домой.

«Если бы этот недоумок оторвал свой зад от сиденья и обошел бар с другой стороны, все могло быть иначе», – думаю я, кивая и слушая Иру. Потому что именно в то время, пока он сидел в теплом салоне автомобиля, слушая блатные напевы и ленясь выйти под дождь, буквально в нескольких метрах от него умирала Марина.

Конечно, Валера ничего не слышал, и это неудивительно: в закрытой машине с включенной музыкой сквозь шум дождя он действительно мог не слышать, что происходит за домом, в глухом дворе. Судя по всему, Марина выключила свет в баре и прошла через черный ход, чтобы потом с помощью пульта опустить со стороны улицы железные жалюзи на входную дверь

и окна. Девочки-бармены всегда делают именно так. Только вот на этот раз выйти из двора ей было уже не суждено.

«Проводишь меня?» Я вспоминаю улыбку и взгляд. Я мог бы задержаться на полчаса. Даже меньше. Я мог бы просто подождать ее для того, чтобы посадить в это чертово такси. Вместо этого я поехал домой и как раз покупал в круглосуточном супермаркете пиво, когда Марина умирала на грязном заднем дворе, захлебываясь болью и кровью.

Я открываю глаза, мотаю головой и стараюсь сосредоточиться на том, что говорит мне Ира.

Марину нашли примерно в семь утра, когда старуха из дома во дворе вышла по каким-то своим старушечьим делам. Она увидела издали что-то, что показалось ей порванным мешком для мусора с кухонными отходами: фаршем и обломками костей. Подумала еще, кто же это выбросил мусор прямо у задней двери бара, а потом подошла ближе... Приехавшие сотрудники полиции позвонили Толику и Андрею, те и опознали Марину. Толик срочно вызвал Иру – зачем, она не знает, да и он тоже вряд ли понимал, зачем это делает, наверное, просто чтобы кто-то был в баре, если уж двери открыты. И вот сейчас еще нет девяти, а она уже пьяная, и что теперь делать весь день, а сегодня ее смена, а ты ее видел, и что же это такое, и как это может быть, и я теперь никогда не останусь тут ночью... Ира снова начинает дрожать, слеза капает в наполовину опорожненную кружку с водкой и энергетиком. К негромким мужским голосам, доносящимся со двора, присоединяется женский. Наверное, приехал эксперт. Я молча гашу сигарету и снова иду к двери черного хода. Настало время кое-что уточнить. Боковым зрением я вижу, как Ира опять тянется к бутылке с водкой. Похоже, скоро Толику придется вызывать сюда еще одного бармена.

Рядом с телом Марины присела молодая женщина в светлом пальто. Длинная прядь золотисто-рыжих волос упала на лицо, когда она нагнулась над кроваво-черным провалом раны на месте груди – как ангел, опоздавший прийти за душой и теперь ищущий ее в жутких глубинах мертвого тела. Пальцы в перчатках пробегали по лохмотьям плоти и окровавленной ткани.

– Часов пять точно, может быть, шесть, – сказала она стоящему рядом с ней оперативнику, тому, кто интересовался, когда приедет эксперт. Его напарник с неприятной физиономией стоял чуть поодаль и делал какие-то пометки на листе бумаги, положенном на папку.

– Алина Сергеевна, в протокол что вносим?

– Так и пишешь – от пяти до шести часов.

Я вижу, как женщина-эксперт внимательно смотрит вокруг, окидывая взглядом серый асфальт, потом снова склоняется над телом. Она прикасается пальцами к торчащим осколкам ребер и вдруг вздрагивает. Я отчетливо замечаю, как задрожали ее пальцы, напряглись плечи, замерло дыхание. Она еще ниже склоняется над раной и уже двумя руками проводит по ее рваным краям. Прядь рыжих волос почти касается мертвого тела и чуть колыхнется от дыхания, вырывающегося из приоткрывшихся губ.

– Увидели что-то необычное? – спрашиваю я.

Глава 2

Самое важное в жизни часто происходит тогда, когда мы меньше всего этого ожидаем. Можно очень желать чего-то или, напротив, бояться: встречи, события, случая, можно годами жить с этим желанием и страхом, так что состояние подсознательного ожидания становится привычным, почти незаметным. Можно даже забыть обо всем вовсе – но вот те самые встреча, событие, случай наконец-то происходят и неизбежно приносят с собой шок и мгновенную растерянность. Потому что именно сейчас, в этот момент, мы готовы к ним меньше всего.

Об этом подумала Алина, когда, склонившись над мертвым телом, увидела именно то, что хотела, ждала и боялась увидеть уже несколько лет.

Начало дня совершенно не предвещало ничего необычного. Да и какие предвестья могут быть в таком случае? Вещий сон? Визит привидения?

Раннее утро было чудесным и даже каким-то радостным, насколько вообще радостным может быть осеннее утро в Петербурге. Ливший всю ночь дождь закончился, неяркое солнце просвечивало сквозь тонкую завесу серой дымки. Прозрачный воздух замер в торжественной неподвижности и с высоты одиннадцатого этажа далеко видны были деревья на берегу Муринского ручья, и сам ручей, серой извилистой лентой уползавший вдаль, и широкий черно-зеленый ковер парка Сосновка, где на темном фоне елей и сосен яркими пятнами вспыхивали желтый, красный и оранжевый цвета.

Алина проснулась бодрой, отдохнувшей, утренний душ был горяч, утренний кофе – крепко. Она быстро собралась, взяла ключи от машины и бросила последний взгляд в большое зеркало холла. Необходимый акт самоидентификации каждого: точно ли это я сейчас выйду во внешний мир? Да, несомненно: невысокая молодая женщина, золотистое каре волос до плеч, зеленые глаза смотрят внимательно и немного строго, светлое приталенное пальто подчеркивает выразительную фигуру. Алина улыбнулась отражению и вышла из квартиры.

На улице она с удовольствием вдохнула прохладный воздух, в котором были растворены тонкие нотки осенней влаги и запаха прелых листьев. Красный «Peugeot 307», казалось, встретил ее радостным ожиданием, как веселый пес встречает хозяина, собираясь идти на прогулку. Автомобиль был подарком отца на двадцатипятилетний юбилей и сменил выдавшую виды «девятку», на которой Алина ездила до этого. Вообще Алина крайне неохотно принимала от папы такие подарки, и он выбрал максимально веский повод для того, чтобы заставить дочь пересест из вызывавшего у него ужас «ведра» в более безопасный и во всех отношениях лучший «Peugeot». Собственно, так же получилось и с квартирой: ее папа подарил Алине на двадцатилетие, и она переехала сюда из съёмной «хрущевки», которую арендовала вместе с двумя подружками по Медицинской академии. Алина с восемнадцати лет жила отдельно от отца и ни разу за это время не попросила его о помощи, как бы трудно ей ни приходилось, просто потому, что это претило ее самостоятельной натуре. Сейчас, когда уже приближалось ее тридцатилетие, она даже с некоторой тревогой думала о том, что подарит ей папа на этот раз.

Алина села за руль и выехала на проспект, по которому уже торопились машины, спеша образовать утренние пробки, проехала мимо парка, раскинувшегося вдоль Муринского ручья, свернула на улицу Руставели и уже почти подъезжала к Пискаревскому проспекту, когда подал голос ее мобильный телефон. Алина взглянула на экран и чуть поморщилась. «Иванов Эдуард», – высветилось на экране. На самом деле ее непосредственного начальника, руководителя отдела судебно-медицинских экспертиз трупов, звали Эдип. Эдип Михайлович Иванов. По вполне понятным причинам он предпочитал называться Эдуард. Алина помнила, как, узнав настоящее имя начальника, удивилась безрассудной смелости его родителей.

– Да, Эдуард, доброе утро, – сказала она в трубку.

– Алина, привет, ты где?

Рабочий день в Бюро судебно-медицинской экспертизы начинался в десять часов, но Алина была сегодня дежурным экспертом, и теоретически это означало, что уже в восемь она должна быть на месте. Сейчас было ровно восемь утра. Впрочем, практически для дежурного эксперта было достаточно просто быть на связи в это время.

– Я подъезжаю, буду где-то... – Алина бросила взгляд на уплотнявшуюся пробку перед Пискаревским проспектом, – минут через десять.

– Зря торопилась, – сказал Эдип-Эдуард. – На Петроградской труп, только что позволили, так что... адрес можешь записать или так запомнишь?

Алина вздохнула, кое-как нацарапала в ежедневник адрес, держа одной рукой руль и прижимая плечом мобильник. Потом убрала телефон, протиснулась через пробку к проспекту, и, немного проехав вперед, повернула в сторону центра.

У криво натянутой поперек арки двора желтой ленты слонялся молодой патрульный.

– Экспертиза, – бросила на ходу Алина, нырнула под ленту и быстро вошла во двор. Каблуки звонко печатали ее шаги по асфальту.

Здесь было темнее и почему-то холоднее, чем на улице, где Алина припарковала машину. Наверное, причиной тому были сквозняки, задувавшие сюда стылый влажный воздух с реки и пронизывавшие двор насквозь через две арки. Алина осмотрелась. В каменном колодце уже собрались все обычные статисты последнего акта человеческой трагедии: два «убойщика» из РУВД, криминалист, участковый в явно тесной для него форме, следователь из Следственного комитета, фотограф с помятой недовольной физиономией и санитары в синих робах у стоящей с открытыми задними дверцами машины «Скорой помощи». Оперативники показались Алине смутно знакомыми, а вот следователя она знала достаточно хорошо для того, чтобы вспомнить его имя, когда надо было ответить на приветствие.

– Доброе утро, Алина Сергеевна!

– Было таким, Борис Аркадьевич. Что тут?

Следователь махнул рукой в сторону. Алина посмотрела: что-то растерзанное было навзничь распростерто у открытой железной двери в правой от Алины стене двора. Видимо, дверь вела не в жилые помещения: за ней виднелся тускло освещенный узкий коридор, уходящий в глубь дома.

– Девушка, бармен. Тут вот служебный вход как раз... Судя по всему, собаки поработали. Я так думаю, не криминальный труп.

«Надеешься, что не криминальный», – подумала Алина.

– Опознали? – спросила она, на ходу вытаскивая из кармашка портфеля латексные перчатки и натягивая их на руки.

– Да. Хозяева бара уже тут, опознали. Лицо сохранилось более или менее, и паспорт нашли.

Алина подошла к телу, поставила рядом рабочий портфель, запахнула полы пальто и присела на корточки у изуродованного тела. Да, похоже, что собаки: рваные беспорядочные раны, ключья разодранной плоти, отсутствующие фрагменты... Странно, как зияет грудная клетка: ребра с остатками грудины торчали вверх, словно их раздвинули изнутри. Алина заглянула внутрь багрового провала. Сердца не было, обрывками лент болтались аорты. Рана продолжалась до середины живота, нижний край ее скрывали лохмотья изорванной одежды.

– Нашли около часа назад, чуть больше, – продолжал рассказывать следователь. Два опера подошли поближе, один из них доставал из папки бланк протокола. – Сейчас ребята проводят опрос жильцов, выясняют, не местные ли собачки...

Алина кивала, пальцы в белом латексе совершали привычные быстрые манипуляции: разжали стиснутые веки, коснулись глаз, пробежались по покрытому сплошной пленкой засохшей крови лицу, задней части шеи, суставам рук.

– Вводную часть составили уже? – спросила она, приподнимая безжизненно лежащую на грязном асфальте кисть руки и чуть сгибая ее в суставе.

Один из оперативников с физиономией, похожей на кусок непропеченного теста, пома- хал в воздухе бланком протокола.

– Ага, описательная только осталась.

Алина отпустила руку мертвой девушки, пальцы с характерным звуком стукнулись об асфальт. «Яркий маникюр, – отметила Алина. – Свежий. Недавно делала, чтобы быть краси- вой...»

Она вздохнула и достала из портфеля два градусника.

– Время смерти примерно какое? – спросил один из оперативников.

– Пять, может быть, шесть часов, – ответила Алина. Огромная зияющая рана на груди несчастной девушки притягивала взгляд. Она посмотрела вокруг, на серый асфальт вокруг тела, сохранивший влагу ночного дождя, отложила в сторону градусники и снова коснулась пальцами краев сломанных ребер.

– Алина Сергеевна, в протокол что вносим?

– Так и пишешь – от пяти до шести часов.

«Тупой, что ли?» – раздраженно подумала Алина и нагнулась чуть ниже, чтобы лучше рассмотреть то, к чему прикасались ее руки.

Сердце вдруг тяжело ударило в груди и замерло. Пальцы в перчатках застыли на обломках костей. Время тоже замерло, словно соизмеряя свое течение с ударами сердца, и сейчас проме- жуток между секундами стал долгой тягучей паузой. Из каменной арки, ведущей во двор, дох- нуло холодом. Внезапный шум в ушах растворил в себе звуки голосов. Алина затаила дыхание и нагнулась еще ниже к огромной ране, так, что золотистая прядь волос, свесившись, едва не коснулась рваных краев. Да, это оно. Почти наверняка. Конечно, не может быть стопроцентной уверенности, но очень, очень похоже на...

– Увидели что-то необычное?

Алина вздрогнула и быстро подняла голову. Реальность разом вернулась на место: сердце учащенно забилося, наверстывая пропущенные удары, с улицы доносился гул машин, опера- тивники разговаривали со следователем, но вопрос, который вывел Алину из подобия транса, задали не они.

В проеме двери стоял человек: высокий, худой, в черном пальто нараспашку. Под пальто – белая рубашка сомнительной свежести и черный костюм, явно дорогой, возможно, сшитый на заказ, но непохожий на ту бизнес-униформу, которую Алина видела на отце или его зна- комых. Алина быстро окинула незнакомца взглядом: бледное узкое лицо, прямой нос, густые темные волосы то ли растрепаны, то ли уложены каким-то модным стилистом в живописном беспорядке. Присмотревшись, она решила, что, скорее, все же просто растрепаны: вид у муж- чины был усталый, костюм помят, на лице темнела щетина, но взгляд серых глаз был внима- телен и тверд.

– Простите, а вы кто? – резко спросила Алина.

– Родион Гронский, – представился мужчина и протянул Алине черную визитную кар- точку. Алина взяла карточку и, держа ее на вытянутой руке, прочитала: «Родион Гронский. Организация похорон». Ниже был указан номер мобильного телефона.

Понятно. Похоронный агент. Алина терпеть не могла эту публику, слетавшуюся на место любого трагического происшествия, как черные падальщики. Алина отдала карточку обратно и повернулась к следователю:

– Боря, скажи, пожалуйста, что делают посторонние на месте происшествия?

Следователь и два оперативника одновременно замолчали и повернулись к Гронскому, словно только сейчас обратили на него внимание.

– Я здесь не по роду занятий, – быстро сказал тот.

Алина холодно смотрела на него снизу вверх. Руки ее все еще касались растерзанной грудной клетки распростертого перед ней тела, и она почувствовала, как пальцы снова начинают дрожать – на этот раз уже от нетерпения.

– Тем более не вижу причин для того, чтобы вы тут находились.

Оперативник с рыхлой физиономией, подняв перед собой руки, двинулся к Гронскому.

– Мужчина, войдите обратно в помещение, не мешайте проводить следственные мероприятия...

Гронский посмотрел на него. На мгновение Алине показалось, что он сейчас ударит полицейского. Тот, видимо, тоже что-то почувствовал и остановился, все так же держа перед собой руки. Но Гронский сделал шаг назад, еще раз окинул быстрым взглядом двор, задержал взгляд на теле, а потом развернулся и скрылся за дверью. Оперативник пожал плечами и не спеша пошел за ним.

Алина снова повернулась к труп. Теперь ее пальцы коснулись раны на горле, чуть раздвинули края, и Алина несколько секунд всматривалась в переплетение разорванных жил и сосудов. Да, это именно то.

Во двор снова подуло холодом. Светло-серый квадрат неба, обрамленный крышами домов, стал темнеть, словно у кого-то там, наверху, стремительно портилось настроение. Алина резко поднялась, срывая с рук латексные перчатки.

– Я все закончила. Тело доставить ко мне в лабораторию. Немедленно.

Следователь недоуменно взглянул на нее.

– Алина... так быстро? А протокол?..

Алина посмотрела ему в глаза.

– Боря, есть профессиональная необходимость в интересах следствия срочно доставить тело на судебно-медицинскую экспертизу. Протокол я составлю тебе позже, хорошо?

– Да что случилось?

Алина вздохнула.

– Возможно, на теле жертвы сохранились следы биологического происхождения, которые могут быть безвозвратно утеряны при промедлении, – выдала она на одном дыхании первое, что пришло в голову. – Хочешь протокол? Будет тебе протокол, прекрасный. Очень, очень подробный, хорошо? И я тебя прошу: запрос на экспертизу подготовь для меня как можно скорее, ладно? Вот прямо сейчас приедешь к себе и сразу сделай, будь другом. А я тебе в обмен на постановление сразу пришлю протокол. И заключение получишь быстро, буквально завтра. Идет?

Следователь покачал головой.

– Ну, как скажешь... мы-то свою работу уже выполнили...

«Отвечать будешь сама», – услышала Алина очевидный подтекст.

– Молодцы, просто молодцы, что выполнили. Все, я забираю тело. – Последние слова она произнесла, уже направляясь к машине «Скорой помощи». Врач и санитар при ее приближении бросили окурки, добавив их еще к десятку таких же, валяющихся у них под ногами.

– Дорогие коллеги, берем тело и везем на Екатеринбургский. Я еду вперед, так что когда будете на месте, позвоните мне. Я сразу заберу труп.

Врач удивленно посмотрел на Алину.

– Лист регистрации заполнять не будете?

Алина уже с трудом сдерживала растущее раздражение. Все сегодня словно сговорились медленно думать, медленно говорить и медленно действовать.

– Нет, не буду, – отрезала она. – Направление давайте сюда, подпишу. И вот еще номер моего мобильного – как приедете, сразу отзовитесь, хорошо?

Врач только пожал плечами. Прекрасно, когда существует разделенная ответственность: Алина только что нарушила несколько норм и правил подряд, в том числе предусмотренных

процессуальным кодексом, но поскольку вся вина за это ложилась только и исключительно на нее, ни следователю, ни врачу «Скорой» в общем-то не было до этого дела. И Алину сейчас это вполне устраивало. Она нацарапала свою подпись на листе бумаги, который протянул ей врач, на обратной стороне быстро написала номер телефона и вихрем вылетела из двора. Темные окна серых домов равнодушно смотрели ей вслед.

Уже захлопнув дверцу машины, она увидела, как из бара вышел тот самый высокий похоронный агент, посмотрел на нее и сел в припаркованный прямо у входа черный, выдавший виды джип «Wrangler». Алина повернула на набережную, вдавила в пол педаль газа и успела увидеть в зеркало, как джип, резко развернувшись через двойную сплошную, поехал за ней. Впрочем, сейчас это ее нисколько не беспокоило.

* * *

Тело Марины, обнаженное, омытое губкой, освещенное хирургической лампой, лежало на лабораторном столе. Мертвенно-белая кожа почти сливалась с белизной металлической поверхности. Рядом, на другом столе, разложена порванная, перепачканная грязью и кровью одежда: черная футболка с белыми буквами WINCHESTER, юбка из шотландки, легкий кардиган, короткая кожаная куртка, колготки, нижнее белье. Здесь же стояли коричневые полусапожки и лежали рядом два браслета из полосок кожи и золотая цепочка с крестиком.

Внешний осмотр и описательная часть были уже завершены. Многочисленные раны: вырванные куски тела с передней поверхности бедра и рук, частичное раздробление лучезапястных костей, трещины на костях голеней обеих ног, зияющая рана на груди и шее, а также многочисленные следы клыков на конечностях, животе, груди – были сосчитаны и описаны максимально подробно. Изъятие уцелевших внутренних органов и трепанацию черепа Алина решила провести позже. Сейчас ей нужно было зафиксировать самое главное.

Алина поправила клипсу микрофона на лацкане лабораторного халата, посмотрела на свою ассистентку, светловолосую, серьезную девушку Леру, на стоящего рядом санитаря, вздохнула и стала говорить:

– Помимо описанных повреждений на трупе имеются явные следы, не относящиеся к воздействию, которое могло быть оказано зубами животных. Первое. Грудинная кость имеет след ровного разреза вдоль по всей длине. Характер повреждения позволяет предположить, что оно было нанесено путем разрубания одним вертикально направленным движением сверху вниз с небольшим отклонением влево. Второе. Передняя стенка брюшной полости имеет аналогичный след вспарывания в том же направлении. Фрагменты сохранившихся внутренних органов, в частности желудка, имеют характерные надрезы, свидетельствующие о данном вспарывании. Третье. На краях раны передней части шеи, фрагментах кожных покровов и тканях имеются следы разрезания, протяженностью от правого до левого сосцевидного отростка черепа. Данный разрез также сделан одним движением, предположительно в направлении слева направо. Все указанные повреждения имеют характер прижизненных и могут быть определены как причина смерти потерпевшей. Четвертое. На левой стороне лица имеется обширная гематома с кровоизлиянием в левое глазное яблоко. Возможные переломы лицевых костей будут установлены позже в ходе исследования. Данное повреждение также носит прижизненный характер. Пятое. Отсутствие сердца, обеих почек и селезенки не может быть объяснено избирательным воздействием животных. Состояние соединительной ткани, а также вен и артерий сердечной мышцы свидетельствуют о травматическом удалении (вырывании) внутренних органов в первые минуты после наступления смерти. Шестое. Тело полностью обескровлено. Состояние тканей, подвергшихся воздействию зубов животных, свидетельствует о том, что на момент нанесения укусов ткани и сосуды были обескровлены, а повреждения зубами животных имеют посмертный характер.

Алина перевела дыхание. Сейчас, после осмотра на лабораторном столе тела несчастной девушки, у нее не оставалось сомнений в том, что открылось ей еще там, во дворе. И наговаривая в диктофон описания ран, она знала, что некоторые из них почти слово в слово повторяют текст другого медицинского заключения, сделанного много лет назад...

Резкий звук телефона, стоящего в нескольких шагах на столе, вывел ее из задумчивости. Ассистентка вопросительно посмотрела на Алину. Та недовольно нахмурилась.

– Лера, если это опять Эдуард, пошли его к черту, пожалуйста. И скажи, что это я так распорядилась.

Эдуард-Эдип звонил за последние полтора часа уже трижды. Первый раз на мобильный, с вопросом, почему она так быстро забрала тело. Второй раз, после того как Алина проигнорировала подряд несколько вызовов на сотовый, он дозвонился на местный телефон и поинтересовался, есть ли постановление о проведении экспертизы. И наконец, третий раз с просьбой немедленно прекратить исследование и зайти к нему по какому-то неотложному делу. Алина, раздраженная всем этим до крайней степени, сказала, что зайдет сразу после того, как закончит. И вот теперь снова...

– Алина Сергеевна, это не Эдуард, – сказала Лера, держа в одной руке телефонную трубку. Глаза ее округлились, а в голосе звучал испуг. – Это Даниил Ильич. И он говорит, чтобы вы шли к нему. Прямо сейчас.

Даниил Ильич Кобот. Начальник всего Бюро судебно-медицинской экспертизы. Похоже, случилось что-то действительно серьезное. Неужели Эдик нажаловался так грамотно?..

– Лера, ты сказала, что я на вскрытии?

– Да. И он ответил, что это не просьба, а приказ.

Алина вздохнула, отошла от стола и стала снимать перчатки.

Сначала она хотела идти в лабораторном халате – своего рода демарш, демонстрация того, насколько несвоевременен этот вызов к высшему руководству прямо от прозекторского стола. Но потом подумала и переделалась. Для визита к Коботу ее серый деловой костюм подходил больше. Это с Эдипом она могла позволить себе разговаривать почти в любом тоне: в конце концов, она старший судмедэксперт, кандидат наук, работает здесь далеко не первый год и ее непосредственный начальник был для нее в большей степени коллегой-администратором, чем руководителем. Иное дело начальник Бюро судебно-медицинской экспертизы Даниил Ильич Кобот, личность яркая, в чем-то даже одиозная и однозначно заслуживающая уважения. В прошлом талантливый военный хирург, участник боевых действий, доктор наук, автор нескольких монографий, а также обладатель лимонно-желтого «Range Rover», похоронного бюро «Асфодель», которым владел совместно с бывшей женой, а с начала этого года еще и руководитель какого-то частного медицинского центра... Тем более странным и тревожным казался этот внезапный вызов.

Ощущение тревоги только усилилось, когда Алина вошла в приемную. Из-за неплотно прикрытых двойных дверей кабинета доносился яростный баритон Кобота:

– А надо было уточнить, Эдик! Надо было поинтересоваться! И не было бы сейчас всего этого!

В ответ раздалось невнятное лепетание испуганного тенора, в котором Алина не без труда узнала голос Эдипа. Алину всегда удивляла и несколько даже забавляла эта способность некоторых мужчин менять в присутствии разъяренного начальства свой вполне уверенный мужской голос на какой-то детский писк. Но сейчас забавно не было.

– Именно, что не подумал! – громыхнуло из-за двери. Алина посмотрела на секретаршу Кобота, немолодую и некрасивую женщину, сидящую за столом спиной к дверям кабинета. Та опустила голову и перебирала какие-то бумаги, делая вид, что ничего не слышит.

Дверь в кабинет распахнулась. Вместе с дуновением жаркого воздуха, пропитанного тестостероном и адреналином, оттуда вылетел бледный Эдип, мельком взглянул на Алину и исчез. Секретарша подняла взгляд от бумаг.

– Алина Сергеевна, проходите, пожалуйста, – сказала она бесстрастным голосом.

Алина одернула пиджак и вошла.

Даниил Ильич Кобот расхаживал по кабинету. Он обладал внешностью стареющего плейбоя: статный, седеющие волосы аккуратно пострижены, черты лица крупные, но правильные и не лишены привлекательности, а долгие годы руководящей работы придали ощущение силы и власти, исходивших от его фигуры.

Алина поздоровалась и присела за дальний край стола для совещаний. Кобот еще походил немного вдоль сплошной стенки шкафов с медицинской литературой и какой-то дежурной сувенирной мелочью и тоже уселся в большое кожаное кресло за письменным столом. Многочисленные грамоты и дипломы на стене, веером расходящиеся у него за спиной, выглядели как ореол непогрешимости.

– Алина Сергеевна, я хотел бы видеть постановление, на основании которого вы проводите сейчас судебно-медицинское исследование, – холодно произнес Кобот.

«Вот оно что, – подумала Алина. – Ожидаемо».

– У меня его нет, – спокойно ответила она.

Кобот уставился на нее тяжелым взглядом. Алина спокойно посмотрела в ответ.

– Очень хорошо, – сказал он. – Тогда я хочу видеть запрос от следственных органов на такое исследование.

– Его тоже нет.

– Прекрасно. Прекрасно.

Кобот взял со стола массивную позолоченную ручку, открыл колпачок, повертел в руках и снова закрыл со щелчком.

– Тогда, может быть, вы объясните мне, на каком основании вы вообще проводите исследование трупа с нарушением существующих правил и до истечения положенных двенадцати часов?

– Даниил Ильич, – Алина постаралась говорить как можно спокойнее и примирительнее, – вы сами знаете, что практика нашей работы не всегда может быть строго регламентирована. Запрос обязательно будет, постановление тоже. Но в данном случае я сочла возможным приступить к исследованию как можно раньше. А учитывая результаты, думаю, что мои действия могут быть вполне оправданы.

– Какие результаты? Там нападение животных, насколько я знаю. Что еще могут быть за результаты?

Алина увидела, как по лицу Кобота словно пробежала какая-то тень.

«Он знает», – мелькнуло у нее в голове.

– Есть все основания полагать, что причина смерти потерпевшей не связана напрямую с нападением животных. Это убийство, Даниил Ильич.

Кобот мотнул головой и снова встал. Подошел к шкафу с книгами, постоял немного, вернулся к столу, взял из подарочного настольного набора золоченый нож для разрезания бумаг и принялся вертеть его между пальцами.

Алина молчала.

– И на основании чего такие выводы? – спросил Кобот.

Алина пожала плечами.

– Грудина явно разрезана или разрублена холодным оружием. Характеристики смогу сказать после окончания экспертизы. Такие же следы разреза на горле и животе. На лице с левой стороны характерная гематома: скорее всего, от первого оглушающего удара. Конечно, повреждения, которые нанесли посмертно собаки, очень сильно затрудняют постановку заключения,

но тем не менее... Я, кстати, не исключаю, что при помощи животных убийца или убийцы хотели затруднить определение причин смерти.

Кобот кивал, глядя в окно, по которому стекали капли начавшегося дождя. Свет не был включен, и в кабинете постепенно сгущались мрачные сумерки.

– Ну и какие ваши действия дальше?

– Закончу экспертизу. Составлю заключение. Если в запросе от следователей будут дополнительные вопросы – а я так не думаю, – отвечу. Отправлю образцы срезов тканей с краев ран и костных фрагментов на микроскопию. Хорошо бы еще с кинологами проконсультироваться, возможно, сможем определить породу собак.

Кобот снова сел и посмотрел Алине в глаза.

– В выводах уверена?

«О как, – подумала Алина. – Мы перешли на “ты”».

– Да, – сказала она.

Кобот положил нож на место, опустил голову и стал вертеть массивный золотой перстень на пальце.

– Внутренние органы все на месте?

«Знает, знает!»

– А почему вы интересуетесь?

Кобот смотрел на Алину и молчал. Она тоже молчала, не отводя взгляд.

– Так, я еще раз повторяю: внутренние органы на месте?

– Отсутствует сердце, почки и селезенка. А еще тело практически полностью обескровлено.

Кобот откинулся на спинку кресла и стал смотреть в сторону. В кабинете повисла тишина. По оконному стеклу тихо и дробно стучал дождь.

– Кофе хочешь? – неожиданно спросил Кобот.

Алина даже растерялась на мгновение.

– Да... да, спасибо...

Кобот нажал кнопку интеркома.

– Лена, два кофе сделай. И лимон еще принеси мне.

И снова стал смотреть в сторону. Алина терпеливо ждала. Через несколько минут томительного молчания появилась Лена, сняла с подноса кофейные чашки, тарелочку с лимоном и бесшумно вышла. Алина пригубила горячий напиток и выжидательно посмотрела на Кобота.

Он положил ладони на стол, словно опираясь на него для большей уверенности, и сказал:

– Алина, с этим случаем не так все просто. Есть определенная ситуация.

Алина пила кофе и ждала.

– Ситуация заключается в том, что смерть потерпевшей наступила в результате нападения бродячих животных. Что и должно быть отражено в акте судебно-медицинского исследования.

Алина со стуком поставила чашку.

– Что, простите?..

Нельзя сказать, чтобы это стало для Алины каким-то шокирующим откровением. За годы работы она десятки раз сталкивалась с просьбами, давлением, угрозами и другими попытками повлиять на результаты экспертизы, как правило, со стороны следствия, когда нужно было или закрыть дело, или подвести под обвинение конкретного подозреваемого. Конечно, это не было нормой, но и чрезвычайным происшествием такие попытки назвать тоже было нельзя. Но заведомое сокрытие факта убийства, грубое искажение результатов экспертизы, да еще и по прямому указанию начальника Бюро – это было не просто чрезвычайным, но и невероятным происшествием. От потрясения Алина даже не заметила, что Кобот уже несколько секунд что-то говорит, и ей потребовалось некоторое усилие, чтобы начать его слушать.

– ...понимаешь, что мы работаем в сложной структуре. И мы, эксперты, только часть единой, отлаженной системы. Да, не всегда приходится делать то, с чем мы согласны, но ты сама говорила, что наша работа не может быть строго регламентирована, и я с этим полностью солидарен. Поэтому в данном случае...

– Даниил Ильич... – подала голос Алина.

– Просто Даниил! – махнул рукой Кобот.

– Даниил Ильич, вы сами понимаете, что вы сейчас говорите?

Кобот словно не услышал вопроса.

– Вот как мы поступим: Эдип подготовит заключение, тебе ничего делать не надо. А ты просто подпишешь, и все. С лаборанткой твоей, поверь, я договорюсь. И кстати о договоренностях... Я, в принципе, давно хотел тебе это предложить, просто так совпало неудачно, ну да что уж теперь. Ты знаешь, наверное, что я руковожу медицинским центром «Данко». ДАНИИЛ КОБОТ, да. – Кобот нервно засмеялся, обнажив великолепные белые зубы. – Так вот, у меня есть вакантное место врача общей практики. В принципе, ничего особенного: три вечера в неделю вести прием, общаться с пациентами, работа очень, очень простая...

Кобот говорил быстро, почти захлебываясь словами. Он снова встал, и, жестикулируя, ходил по кабинету, не глядя на Алину и как будто разговаривая с самим собой. В сером полумраке и на фоне залитого дождем окна это зрелище выглядело пугающим.

– Я предлагаю: сохранение полной ставки здесь, работу в «Данко» буквально на десять – двенадцать часов в неделю и заработную плату в месяц вот в таком размере...

Кобот метнулся к столу, нацарапал на бумажке несколько цифр и сунул под нос Алине.

– Насколько я знаю, это твоя зарплата в Бюро примерно за полгода, так что...

Это было последней каплей. Алине и так уже последние несколько минут казалось, что она находится в каком-то сюрреалистическом бреде, но вот эта неуклюжая и дикая попытка подкупа после предложения фальсифицировать результаты экспертизы переполнила чашу терпения. Она вдруг почувствовала, как в голову ударила мгновенно поднявшаяся от сердца горячая волна. Алина резко встала.

– Спасибо за кофе. Мне пора.

Кобот замолчал и посмотрел на Алину непонимающим взглядом. Бумажку с шестизначной цифрой он все еще держал в руке.

– Алина, куда?..

– В прокуратуру, – бросила Алина. – Сообщить о попытке оказания давления при проведении судебно-медицинской экспертизы и о подкупе. Заодно и в своем нарушении процессуальных норм сознаюсь.

Алина развернулась и стремительно вышла из кабинета.

Кобот некоторое время еще постоял, глядя на захлопнувшуюся с треском дверь. Потом медленно скомкал бумажку, бросил ее в мусорное ведро, но промахнулся – бумажный комочек запрыгал по серому линолеуму. Кобот тяжело опустился в кресло, вздохнул и закрыл лицо ладонями.

Алина валькирией пролетела по коридорам Бюро, заскочила в кабинет, набросила пальто, взяла сумочку, ключи от машины и через минуту уже была на улице. На некрасивом бетонном крыльце под навесом печально курил Эдип. В толстых губах торчала тлеющая сигарета, редкие курчавые волосы намokли от сырости – ветер заносил сюда облака холодной дождевой пыли. Он увидел Алину и кивнул.

– Ну как, поговорили?

Алина остановилась и лучезарно улыбнулась.

– Да, все прекрасно.

– Все решили?

– Да, без проблем, – Алина тряхнула волосами. – Обо всем договорились. Слушай, Эдик, а почему он так на тебя орал?

– Потому что на эти дела я обычно сам езжу. Или Мампорию посылаю. Тебя вообще сегодня не должно было там быть, понимаешь? Ну вот он и разорался. А я откуда знал, что сегодня будет «собачий» труп? Его вообще не должно было...

Алина слушала, кивала, и какое-то холодное, неприятное чувство сковывало ей сердце.

– Эдик, ты говоришь, на «эти дела»... Это на какие?

Эдип непонимающе уставился на Алину.

– Как на какие? Ну, как сегодня... Подожди, ты же сказала, что вы договорились?..

Но Алина уже быстро шла к машине.

* * *

Кобот еще некоторое время сидел в кресле. Потом убрал руки от лица, подошел к дверям, плотно закрыл обе и запер внутреннюю дверь на ключ. Позвонил секретарше и сказал, что следующие полчаса его нет ни для кого. Пусть хоть провалится все к чертовой матери. Затем подошел к шкафу, достал оттуда початую бутылку коньяка, стакан и наполнил его наполовину. Снова сел в кресло и сделал большой глоток.

Если до разговора с Алиной еще оставалась вероятность того, что все это *действительно* несчастный случай, что просто по какому-то дурацкому совпадению непонятные собаки в самом деле загрызли кого-то во дворах центра города, то теперь все надежды рухнули. И самое неприятное в этой ситуации было даже не то, что эта упрямая маленькая девочка-эксперт случайно увидела нечто, чего видеть была не должна, а то, что именно сегодня, 15 октября, этого вообще не должно было произойти. Не должно было быть никакого тела с разрубленной грудиной, вырванным сердцем и ранами от собачьих клыков. В другие дни – да, но не сегодня. А это значило потерю контроля над ситуацией, и не только с его стороны, а и со стороны того, с кем он уже успел пообщаться сегодня сразу, как только узнал об этом происшествии. И это уже очень, очень серьезно. А тут еще эта Алина... Какого черта она не согласилась замять дело?

Кобот сделал еще один глоток, прикрыл глаза и подумал об Алине. Он несколько раз встречал ее до этого: в коридорах лаборатории, на корпоративных праздниках, и каждый раз останавливался, чтобы перекинуться парой слов и улыбнуться своей непобедимой сверкающей улыбкой. Она ему нравилась: золотисто-рыжие волосы, строгие черты лица, большие зеленые глаза, а еще этот деловой костюмчик с белой блузкой под ним... Ей бы пошли такие прямоугольные очки: готовый образ строгой учительницы, холодной и сексуальной. Алина удивительным образом не реагировала на его улыбки и подчеркнутую любезность, но Коботу нравилось и это. Он был охотником, настоящим: ходил с ружьем на крупную дичь, кабанов, даже медведей, и любил трудные мишени. А Алина была, несомненно, именно такой мишенью – трудной, но оттого еще более желанной. Когда она выходила из его кабинета, пылая праведным гневом, он поймал себя на том, что провожает взглядом ее круглую попу, туго обтянутую серой юбкой, а до этого, во время разговора, даже встал с места, чтобы удобнее было бросать взгляды в декольте. И вот теперь такое развитие событий...

Кобот помотал головой, отгоняя ненужные мысли. Сейчас нужно сосредоточиться на решении проблемы, а для этого он должен сделать еще один звонок.

Он вздохнул, залпом допил коньяк и набрал номер.

– Але, – прокаркал в динамике хриплый голос с явным грубым акцентом. – Говори уже, ну!

Кобот откашлялся.

– Абдулла, это снова я. В общем, ничего утешительного. Труп наш. Разрезы все те и органов нет на месте...

Из трубки донеслись гортанные ругательства на непонятном Коботу языке.

– А что эта твоя экспертша? – спросил хриплый голос.

– Ну... в общем, пока договориться не удалось. Она сорвалась и сейчас едет в прокуратуру.

На этот раз извергся поток брани на русском. Кобот поморщился и отставил трубку подальше от уха. Господи, как же это иногда утомляет...

Наконец ругательства сменились более информативным текстом.

– Хорошо, черт с тобой, с прокуратурой я сейчас решу, ничего она там не сделает. Если ты ничего не можешь, опять мне все придется.

Кобот встал и снова достал бутылку. Сегодня придется вызвать водителя, сам он за руль уже не сядет.

– Но ты вот что, – продолжал вещать его собеседник, – ты узнай все по этому телу. Я пока ничего выяснять не буду, но мы должны быть уже точно уверены, что это наше тело, понимаешь? Все, как резали, чем резали, чтобы уверенность была, понял? На сто пятьдесят процентов! Тогда уже будем предъявлять. Поручи это кому-то толковому из своих, а лучше сам сделай.

Кобот слушал, кивал и наливал коньяк. Пусть на этот раз будет полный стакан.

– И с девчонкой этой реши что-то. А то опять я буду решать, да?

Кобот снова вспомнил Алину. Глаза. Декольте. Попа.

– Я решу, решу, – поспешно сказал он в трубку. – Абдулла, просто для нее это тоже получилось неожиданно... Не беспокойся, я договорюсь.

– Хорошо, договорись, – послышалось еще несколько непонятных каркающих фраз, и телефон замолчал.

Кобот взял в руку стакан, развернул кресло спиной к столу и стал смотреть на дождь.

Глава 3

Я сижу в машине напротив въезда на территорию судебного морга. Лобовое стекло покрыто каплями воды, как холодной испариной. Пока я ехал сюда, небо постепенно темнело, словно старое одеяло, набухающее грязной водой, и наконец сквозь него стал просачиваться дождь: частый, мелкий, как серый влажный туман. Окрестности здесь и в самую солнечную погоду вряд ли могли бы обрадовать чей-нибудь взгляд, а сейчас, под бесконечным морозящим дождем, тоскливой безысходностью вынули бы душу из каждого, у кого она еще есть. Екатерининский проспект – это извилистая лента асфальта, стиснутая с двух сторон железными заборами и решетчатыми оградами бесконечных парковок. Я остановился на узкой полоске мокрой земли и пожухлой травы рядом с задней металлической стеной какого-то ангара. Отсюда я вижу шлагбаум на въезде в Бюро и пузатую фигуру охранника, мыкающегося около серой будки. Впереди у поворота, среди зарослей чахлах деревьев, виднеются покосившиеся деревянные постройки.

Я приоткрываю окно и выбрасываю окурочек. В пачке остается всего две сиротливо болтающиеся сигареты. В голове звенящая тишина.

Через сорок минут ожидания вчерашний алкоголь, недосыпание и душное тепло машины заставляют меня на мгновение прикрыть веки. Я вижу Марину: открываются зажмуренные глаза на покрытом багровой коркой лице, она смотрит на меня, окровавленные губы растягиваются в улыбке. «Проводишь меня?» Я вздрагиваю и несколько секунд тарашусь на капли дождя на стекле. Пытаюсь прогнать кошмарное видение, но воспоминания заставляют сердце болезненно заныть: Марина за стойкой, и желтый мягкий свет, и ее взгляд, и улыбка... «Проводишь меня?»

Свободен – это не только особое состояние души. Свободен – это слово, выкрикнутое в лицо жизнью, отправляющей тебя на обочину. Я сам это выбрал: у меня нет друзей, как нет постоянной работы, которая бы к чему-то меня обязывала, нет родных, жены, детей, долгов. Мой телефон оживает только для того, чтобы малознакомые голоса сообщили мне об очередной смерти. Сделав свою работу, я навсегда исчезаю из жизни тех, кому помогал: с похоронными агентами не дружат, их не зовут на семейные праздники, когда дело закончено. Поздравления с днем рождения приходят мне только от сотовых операторов и почтовых серверов. В пятницу, в этот Юрьев день офисных крепостных, никто не зовет меня присоединиться к веселой попойке: я сам прихожу в бар, когда захочу, и вполне удовлетворяю свою потребность в социализации созерцанием чужого пьяного веселья. У меня есть мои покой и воля. А еще до недавнего времени у меня была Марина. Так у старика, запертого в четырех стенах богадельни, есть цветок на окне или маленькое деревце во дворе, и он ждет, когда раскроется бутон или появятся первые листья. Так у забитого нелюбимого ребенка есть старая потертая кукла, которой он может рассказывать по ночам свои простые детские тайны. У каждого есть то последнее, что согревает душу и хранит ее тепло, очень личное и очень свое. Теперь этого у меня нет. Но вот только я не старик из богадельни и не обиженный ребенок, и тот, кто это сделал, даже не представляет себе, насколько злобную спящую собаку он разбудил.

То, что Марина была убита, не вызывает у меня никаких сомнений, как не вызвало бы сомнений ни у кого, кто потрудились бы внимательно посмотреть на место происшествия. Я знаю, что молодая женщина-эксперт тоже заметила это. Но кроме того, она увидела еще что-то, поразившее настолько, что она свернула осмотр и полетела сюда с такой скоростью, словно спешила спасти жизнь, а не разбираться в причинах смерти. Вряд ли ее так поразили раны, разорвавшие тело Марины: всего за год практики любой судмедэксперт насмотрится такого, что навсегда отучит пугаться и удивляться. Нет, здесь нечто другое, куда более важное, и я должен узнать, что именно.

За время ожидания я сделал пару звонков, и теперь рядом со мной на сиденье лежит раскрытая записная книжка с номером мобильного телефона: Назарова Алина Сергеевна, старший судмедэксперт, та самая молодая женщина, которую я встретил сегодня утром. И нам придется познакомиться, хочет она того или нет.

Я смотрю в сторону морга. Если Алина выедет с территории, я сразу замечу ее. А интуиция мне подсказывает, что это случится скорее рано, чем поздно: чрезвычайные события рожают чрезвычайные последствия, и я более чем уверен, что спокойного рабочего дня у Алины Сергеевны Назаровой сегодня не будет.

Я как раз собираюсь закурить одну из двух оставшихся сигарет, когда вижу, как красный «Peugeot» резко тормозит у шлагбаума. Он коротко сигналил, а потом пулей срывается с места и вылетает на проспект в сторону центра города, чуть ли не скрипя покрышками на повороте. Я разворачиваюсь и пристраиваюсь следом. Настало время пообщаться. Надеюсь, Алина не относится к тем людям, которые не отвечают на звонки от неизвестных абонентов: иначе придется ее таранить, а это вряд ли можно назвать хорошим началом дружбы.

* * *

Алина покосилась на настойчиво звонящий телефон. Номер показался ей смутно знакомым, но не был занесен в записную книжку. Она свернула на набережную, перестроилась вправо и взяла трубку.

– Я слушаю.

– Здравствуйте, Алина, – приятный мужской голос, тоже кажущийся знакомым. – Это Родион Гронский, мы уже встречались сегодня утром. У вас найдется для меня несколько минут?

Ах, вот оно что. Тот самый похоронный агент. Какого черта!

– Откуда у вас мой номер телефона?

– Это не имеет значения. Гораздо важнее то, что нам нужно поговорить. Так я могу рассчитывать на ваше внимание?

Алина разозлилась. День и так с каждой минутой все больше сползал в сторону хаоса и безумия, потемневшее небо, мелкий дождь, машины, пролетающие мимо в облаках водяной пыли, и тут еще этот бесцеремонный гробовщик. Впрочем, что от него ожидать: эта публика не отличается особой тактичностью.

– Послушайте, я уже все вам сказала: я не имею никакого отношения к вашим похоронным делам! Я спешу, мне неудобно говорить, так что прекратите меня преследовать и займитесь уже чем-нибудь более полезным!

– Но я и не собирался говорить с вами о похоронных делах, – мягко возразил Гронский, словно не замечая раздраженного тона Алины. – Я хочу поговорить об убийстве.

Алина вильнула рулем. Черный «Mercedes», яростно сигналил, пролетел слева всего в нескольких сантиметрах от ее машины. Алина чертыхнулась, выровняла автомобиль и включила сигнал поворота, готовясь въехать на Литейный мост.

– О каком убийстве?

– Об убийстве девушки, рядом с телом которой мы сегодня встретились.

– С чего вы взяли, что это убийство?

– Скажите мне, если я неправ.

Алина помолчала.

– Хорошо, – ответила она. – Но с какой стати я должна обсуждать это с вами?

– Потому что мне кажется, что в этом деле у вас найдется не много союзников, – ответил Гронский. – И ваш визит в прокуратуру мало что изменит в этой ситуации.

Алина вздрогнула. Похоже, все же стоило поговорить с этим типом – по крайней мере для того, чтобы выяснить истоки его странной осведомленности об убийстве и о том, куда она сейчас едет. Но лучше сделать это уже после того, как она пообщается с прокурором и напишет заявление о том, что произошло сегодня в Бюро.

– Давайте во второй половине дня, – предложила она. – Я сейчас действительно спешу.

– Лучше прямо сейчас, – не согласился настырный агент. – Я глубоко убежден, Алина, что вам не нужно обращаться в прокуратуру. Вряд ли это поможет делу.

– Можно я сама буду решать, что поможет делу, а что нет? – огрызнулась Алина. В этот момент слева пронесся тяжелый автофургон, обдав «Peugeot» потоком грязной воды. Густые коричневые потеки поползли по боковому стеклу.

– Да чтоб тебя!.. – в сердцах воскликнула Алина и тут же добавила в трубку: – Извините, это не вам...

– Послушайте, Алина, – все так же мягко сказал Гронский, – я прошу всего десять минут вашего времени. Если сочтете, что потратили их зря, будьте уверены, я больше вас не побеспокою, и вы спокойно продолжите заниматься тем, чем считаете нужным. Всего десять минут.

– Ладно, – сдалась Алина. Слева уже промелькнуло холодное здание Адмиралтейства, грязно-золотистый шпиль наполовину скрывался в клубящемся сером тумане. До прокуратуры оставались считанные минуты. – Когда?

– Прямо сейчас, – отозвался Гронский. – Я еду за вами. Мы можем встать в переулке и поговорить.

Алина посмотрела в зеркало заднего вида. Действительно, из-за идущей за ней «Mazda» высовывался черный «Wrangler». Дважды мигнули фары.

«О Господи, – мысленно вздохнула Алина, – он еще и следит за мной».

– Договорились, – сказала она. – Встанем в начале Почтамтского переулка. Не отставайте. Она положила трубку, резко перестроилась влево и нажала на газ.

Узкий переулок, стиснутый невысокими рядами домов, был пуст. Ветер рывками гонял мелкий мусор и мокрый газетный лист, словно кто-то невидимый поддавал по нему ногой. Газета тяжело подсакивала вверх, как раненая птица, безуспешно пытающаяся взлететь, и снова оседала в грязные лужи. Из подворотни вышла старуха, то ли в пальто, то ли в лохматом толстом халате, с бесформенным пакетом в руках, уныло прошествовала поперек переулка и скрылась в подворотне напротив.

Гронский подъехал через две минуты после Алины, остановил машину в нескольких десятках метров и вышел. Сквозь покрытое каплями воды лобовое стекло Алина видела, как он идет к ней: высокий, худой, полы черного пальто хлопали на ветру. Он подошел и встал у передней дверцы машины. Алина посмотрела на него в боковое окно и помедлила пару секунд. Гронский терпеливо ждал, стоя под морозящим дождем. Алина нажала на кнопку, щелкнул замок, Гронский открыл дверцу и сел в машину. Вместе с ним в салон ворвался мгновенный порыв влажного холодного ветра.

– И снова здравствуйте, – сказал он.

Алина покосилась на Гронского, держа руки на руле. Вблизи его узкое лицо казалось еще более бледным, белая рубашка еще более несвежей, а взгляд серых глаз еще более холодным и твердым. Салон наполнился отчетливым запахом вчерашнего алкоголя.

«Прекрасно, – подумала Алина. – Вдобавок ко всему он пьяница».

– Итак, – сказала она. – Для начала объясните мне, почему вы решили, что это убийство?

Гронский пожал плечами.

– Вы же сами все видели. Тело было растерзано, волосы запеклись в колтун, а на асфальте вокруг нет практически ни капли крови, хотя при таких ранах там все должно быть ею залито. Вывод очевиден, мне кажется.

Алина кивнула:

– Убили в другом месте.

– Вряд ли. Зачем тогда возвращать тело туда, где было совершено нападение?

Об этом Алина подумать не успела. Она бросила быстрый взгляд на Гронского. Тот смотрел на нее спокойно и уверенно.

– Вы правы, – ответила она. – На теле действительно множество ран, причиненных зубами животных – скорее всего, собак, и скорее всего, не одной. Но кроме этого есть и другие повреждения, и именно они были смертельными.

Алина замолчала. Гронский ждал.

– Какие? – наконец спросил он.

– Длинная рубленая или резаная рана по центру грудинной кости. И на горле явные следы разреза, по краям от того места, которое потом, уже после смерти, выхватили псы. Это не считая гематомы на лице: ее, скорее всего, оглушили, прежде чем...

– Все понятно, – сказал Гронский.

Лицо его, и без того не очень подвижное, словно окаменело. Черты заострились.

– А откуда вы знали, что я еду в прокуратуру? – спросила она.

– Догадался.

– Слишком хорошо для догадки.

Гронский снова пожал плечами.

– Вы спешно сворачиваете осмотр на месте и распорядитесь срочно везти тело в морг. Значит, для вас принципиально важно начать исследование немедленно, к чему вы, я уверен, и приступили. Я, конечно, не специалист, но примерное время, нужное для вскрытия и составления заключения, – часа три, не меньше. А вы уже через час выскочили из лаборатории так, словно за вами гнались черты. Никто не сорвет эксперта на новое происшествие, если он занят работой. Вывод: вам кто-то помешал, причем помешал так, что вы бросились вон из морга. Вряд ли это было сделано законными средствами. А куда может поехать судебно-медицинский эксперт, если столкнулся с грубым нарушением закона и попыткой помешать своей работе? В прокуратуру. Вот и все.

Алина молчала.

– Думаю, у вас состоялся какой-то малоприятный разговор с Даниилом Ильичом Коботом.

– Вы его знаете? – быстро спросила Алина.

– Нет, лично не знаком, – покачал головой Гронский. – Но много о нем слышал.

Повисла пауза. Капли дождя тихо стучали по крыше машины.

– Хорошо, вы правы, – вздохнула Алина. – Кобот действительно пытался уговорить меня дать фальшивое заключение. Нападение собак. Дело закрывается как несчастный случай.

– Предлагал деньги, я полагаю?

– Косвенно. Предложил работу в его медицинском центре «Данко» с зарплатой, на которую можно год содержать сельскую поликлинику.

Гронский кивнул.

– Я думаю, что вам нужно согласиться, – сказал он.

Алина вскинула брови и удивленно воззрилась на Гронского.

– Это еще с какой стати?

– Потому что это в настоящий момент единственный способ закончить то, что вы начали. Я могу ошибаться, но это дело очень важно для вас: не знаю почему, но уверен, что это так. И лучший способ довести его до конца – согласиться на предложение милейшего доктора Кобота.

Алина помотала головой.

– Ерунда какая-то. Если я соглашусь, то соглашусь и подписать фальшивое заключение. И потом, с чего вы решили, что это единственный способ?..

– Алина, подумайте сами. – Гронский чуть повернулся к ней и теперь смотрел Алине прямо в глаза. – Сегодня утром начальник Бюро судебно-медицинской экспертизы предлагает вам сфабриковать фальшивое заключение по еще не открытому уголовному делу. Пытается вас подкупить. Ведь вы понимаете масштаб события? Это не эксперт, сговорившийся со следователем и немного подтасовавший результаты вскрытия, чтобы тому было удобнее посадить подозреваемого. Это руководитель городской службы, который имеет настолько веские основания скрывать правду, что идет на прямой подкуп своего эксперта. Вряд ли он действует исключительно по своей инициативе, и вряд ли у него нет способов замять это дело иначе. Вы, конечно, можете сейчас подать заявление, только я уверен, что это в итоге ничего не даст. И уж точно не раскроет мотивы такого поведения нашего общего знакомого Кобота. Это не говоря уже о том, чтобы найти убийцу.

Алина молчала, глядя перед собой, и легко барабанила пальцами по рулю.

– По каким-то причинам смерть этой девушки является событием настолько неординарным, что заставляет действовать очень серьезные силы, – продолжал Гронский. – Сомневаюсь, что лобовая атака через заявление в прокуратуру будет эффективной. Гораздо лучше, если Кобот будет думать, что обо всем с вами договорился. Да и посмотреть изнутри на его медицинский центр тоже будет полезным.

Алина вспомнила короткий разговор с Эдипом перед тем, как она покинула территорию морга. «На эти дела я обычно сам езджу». Она уже понимала, что за стремлением Кобота вынудить ее подписать нужное ему заключение стоит нечто большее, чем желание скрыть именно это конкретное убийство. Скорее, речь идет о нескольких подобных случаях. А это уже серия. И чтобы скрывать серию, нужны действительно очень серьезные основания. И серьезный административный ресурс за пределами Бюро.

– Что вы предлагаете? – спросила Алина и посмотрела на Гронского.

– Позвонить Коботу и сказать, что согласны обсудить его условия. Вернуться на работу и оговорить следующее: вы подпишете его акт экспертизы, но только в обмен на возможность провести самостоятельное исследование всех обстоятельств этого убийства и использовать все имеющиеся в распоряжении Бюро возможности.

– С чего вы взяли, что он согласится?

Гронский чуть улыбнулся. Эта улыбка не была ни веселой, ни дружелюбной и что-то неуловимо изменила в его лице так, что Алине стало не по себе.

– Просто поверьте мне, Алина. Я думаю, он согласится с радостью. Ну а если я ошибаюсь... Вы просто не будете больше иметь со мной дела. В конце концов, вы ничего не теряете.

Алина задумалась. Некоторое время они сидели молча.

– Ладно, – наконец сказала она. – Попробуем сделать так.

– Договорились, – кивнул Гронский.

– Но, – поспешно добавила Алина, – если Кобот не пойдет на мои условия, я возвращаюсь к своему первоначальному плану. В конце концов, есть система, есть порядок и есть закон.

– Несомненно. Можете набрать Кобота прямо сейчас. Скажете ему, что у вас есть дополнительные условия – послушаем, что он ответит.

Алина покосилась на Гронского, достала из сумочки телефон и набрала номер. Кобот снял трубку почти сразу же.

– Даниил Ильич, это Алина Назарова... да... Даниил Ильич, я подумала над вашим предложением... наверное, я приму его... да, но... нет, просто у меня есть дополнительные условия...

Гронский сидел с отсутствующим видом и смотрел прямо перед собой, но Алина была уверена, что он внимательно прислушивается к разговору.

– Хорошо... хорошо... да, я сейчас приеду и все вам скажу. До встречи.

Алина опустила телефон и посмотрела на Гронского. На щеках ее проступил румянец.

– Ну и как?

– Обрадовался, – сказала Алина несколько смущенно. Кобот действительно разговаривал с ней с таким воодушевлением, словно обрел давно пропавшую блудную дочь. – Сказал, что готов обсуждать любые условия.

«Ради тебя все что угодно!» – если быть точной, сформулировано это было именно так, причем нетрезвый голос Кобота явно выдавал причину такого воодушевления.

– Ну вот и отлично. И еще один дружеский совет, если позволите. Попросите у него все материалы по аналогичным делам. Скажите, что это нужно вам для более полного исследования. Я уверен, что мы имеем дело не с единичным случаем.

– Почему?

– В самом начале сентября я хоронил девушку. На месте происшествия быть не довелось, но тело я видел. Это было очень похоже на то, что пришлось увидеть сегодня утром: такие же раны, так же разорвана грудь. Отсутствовали некоторые внутренние органы: сердце и, кажется, еще селезенка. Думаю, что вы уже увидели нечто похожее сегодня, когда исследовали тело. Родные сказали, что на девушку напали собаки, когда она возвращалась домой из ночного клуба.

Снова пауза и легкий шелест дождя по крыше.

– Мне сейчас нужно будет ехать по своим делам. Я очень прошу вас, когда закончите со вскрытием и архивом, дайте мне знать. Буду признателен, если у вас найдется время, чтобы еще раз встретиться вечером.

Гронский кивнул и взялся за ручку двери.

– Скажите, – спросила Алина, – а вам-то зачем это все нужно? Откуда такой интерес?

– Считайте, что это личное дело.

Гронский еще раз кивнул, открыл дверцу и вышел из машины. Потом обернулся и нагнулся обратно в салон.

– Хотел уточнить и забыл. Что вы увидели на месте преступления?

Алина напряглась.

– В смысле?

Гронский стоял согнувшись и смотрел прямо на нее. Холодный ветер ворошил его и без того растрепанные черные волосы.

– Во время осмотра тела что-то вас сильно потрясло. Я это очень хорошо заметил. Так что же?

Алина молчала.

– Считайте, что это личное дело, – наконец ответила она. – И закройте уже дверь. Дует.

Гронский снова слегка улыбнулся, чуть поклонился, захлопнул дверцу и пошел к машине.

* * *

Восемь часов вечера. Серый день сгустился в сизые сумерки. Желтые пятна фонарей преломляются, размываясь, в каплях воды на оконном стекле. Я сижу в полутемном зале паба, за столиком в самом дальнем углу, и жду Алину, которая должна появиться с минуты на минуту.

После встречи с ней я сделал еще пару звонков и поехал домой к Марине, вернее, в тот дом, где она жила когда-то – теперь казалось, очень и очень давно. Теперь я наконец узнал ее адрес. Теперь я познакомился с ее мамой и бабушкой. Я увидел ее комнату. Когда потеря по-настоящему огромна, а шок действительно силен, самое страшное – это детали. Именно они каким-то образом помогают понять истинный масштаб трагедии. Такой деталью для меня стала книга: я увидел ее на столике рядом с кроватью Марины. Чарльз Буковски, «Макулатура». Книжка лежала рядом с несколькими металлическими монетками, какими-то чеками,

и в ней была закладка: Марина заложила сложенным листочком бумаги то место, на котором закончила читать, чтобы потом, придя домой, открыть книжку и продолжить чтение. Наверное, потом она легла бы в кровать, зажгла вот эту лампу в изголовье... Но она не придет, а книжка так и останется непрочитанной, и закладка останется в ней, пока кто-то не вытащит ее, перед тем как вернуть книгу обратно на полку. «Умирать обидно: как будто выходишь из кинотеатра, а фильм продолжается без тебя». Ничего, Мариша. Я сделаю все для того, чтобы ты была довольна концовкой этого фильма.

Каким-то образом мне удалось донести до ее мамы, которая была почти без сознания, и бабушки, державшейся на удивление мужественно, кто я и чем собираюсь им помочь. Я получил в ответ только утвердительный кивок – большего мне и не было нужно. Я не стал говорить, что в данном случае мои услуги не будут стоить им ни копейки, это было само собой разумеющимся.

Между суетой похоронных забот я успел заскочить ненадолго домой. На экране ноутбука по прежнему была открыта страница почтового ящика, и слово «МАРИНА», набранное крупным шрифтом в теле письма, приветствовало меня с порога.

Алине я сказал правду о том, что уже имел дело со смертью, которую связывали с нападением собак. Это было 30 августа, как раз через два дня после дня моего рождения, который я отметил посиделками в «Винчестере» и на который получил единственный подарок, разумеется, от Марины: подсвечник в виде странной африканской маски, глаза которой светились в темноте огненными всполохами горящей за маской свечи. Но было еще одно обстоятельство: информация о той девушке, растерзанной в Юсуповском саду по дороге домой из ночного клуба, пришла мне с того же адреса электронной почты, что и нынешнее письмо.

Dilleachta@gmail.com. Ничего не говорящее имя. Безликий ящик. Никакой подписи. Первый раз от этого адресата я получил сообщение весной – это был очень хороший заказ, насколько вообще слово «хороший» уместно в подобных случаях. Глубокая ночь, автомобильная авария, изуродованный до неузнаваемости «Aston Martin», вылетевший с Приморского шоссе и подобно снаряду протаранивший рекламный щит. Тогда я был на месте минут через десять после прибытия нарядов дорожной полиции и за восемь минут до карет «Скорой помощи». Помню, как подумал о том, что мой анонимный информатор, скорее всего, принадлежит к правоохранительным органам, а не к медицинским службам. Я не стал ломать над этим голову и просто спокойно послал причитающуюся в таких случаях долю моего гонорара на указанный электронный кошелек. Вторым сообщением была информация о несчастной девушке, погибшей августовской ночью. На этот раз письмо пришло позже, и я приехал домой по указанному адресу, в самое средоточие скорби и горя. В обоих случаях неизвестный адресат четко указывал всю необходимую информацию: место, адреса, контактную информацию. И только сейчас ограничился просто именем.

Потому что был уверен, что я пойму.

Именно эта лаконичность не давала мне покоя. Кто бы ни писал эти письма, он меня знал, причем знал слишком хорошо.

Я попробовал было проверить IP-адрес, который ожидаемо оказался австралийским. Мои способности к добыванию информации в Интернете более чем скромны, поэтому я сделал еще один звонок и попросил максимально точно установить, откуда выходил в Сеть неизвестный мне адресат. Примерно полчаса назад мне ответили. Среди тьмы непонятных терминов и неизвестных слов, которые я выслушивал в течение добрых пятнадцати минут, мне удалось уловить следующее: анонимный информатор приложил немало усилий, чтобы оставаться таким и впредь, а его IP постоянно менялся, уводя то в Новый Свет, то в старую Европу. Впрочем, на настоящий момент я мог позволить себе на время перестать думать над этой загадкой. Убийцей мой неизвестный доброжелатель точно не был. А мне нужны были убийцы: и тот, кто

рубил и кромсал тело Марины, и те, кто направлял его руку. И для этого мне нужна помощь Алины и та информация, которую ей удалось раздобыть за этот день.

Конечно, можно было поступить гораздо проще, и возможно, даже эффективнее. Искушение наведаться к Коботу и выбить из него все дерьмо вместе с ответами на вопросы посетало меня сегодня не раз. Сделать это было бы не так уж и трудно. Но я был почти уверен, что Кобот является не первым и не последним звеном в кровавой цепи минимум из двух смертей. Силовой вариант решения вопросов, конечно, имеет право на существование, но если пытаешься дойти до конца цепи, последовательно разрывая все звенья, рано или поздно попадетс такое, разорвать которое ты будешь не в силах. А скорее всего, цепь в конце концов перегнется и больно ударит по голове. Это я уже проходил и знал на собственном весьма горьком опыте. Поэтому лучше немного подождать и найти сразу последнее, главное звено, на котором и держится вся конструкция заговора.

Для встречи с Алиной я выбрал «Френсис Дрейк», английский паб на Каменноостровском проспекте, выдержанный в старом и добром традиционном стиле: темное дерево массивной стойки, блестящая латунь поручней, потертая и потрескавшаяся кожа на широких и низких диванах – место респектабельное и в то же время уютное. Ехать сегодня в «Винчестер» было выше моих сил. Тем более что в «Дрейке» меня тоже знали.

Я прошел во второй зал, в котором в этот час не было ни одной живой души, и сел за столик в дальнем углу у окна. Попробовал поесть, но когда мне принесли клубный сэндвич, аппетит мгновенно пропал, и я только растерзал ножом верхнюю часть хлеба, расковырял бифштекс и разбросал по тарелке зелень и картошку. То, что напоминало вначале натюрморт, стало походить на худшие образцы судебной фотографии, и я спешно попросил унести останки сэндвича обратно. Гораздо больше, чем есть, мне хотелось выпить, но я решил не искушать судьбу и не повторять похмельный заезд сегодняшнего утра, поэтому взял большой бокал безалкогольного пива и медленно потягивал его, глядя на дождь и фонари за окном.

Алина входит в полутемный зал, отряхивая капли воды с большого ярко-розового зонта на длинной трости. Оглядывается, отыскивая меня взглядом. Золотистые волосы, светлое пальто, энергичные движения, бодрая, как будто и не было сегодняшнего непростого дня. Я машу ей рукой, она кивает, пробирается в мой угол и садится напротив. Только теперь я вижу тени вокруг усталых и печальных глаз.

Алина неодобрительно косится на стоящий рядом со мной бокал с пивом.

– Безалкогольное, – говорю я.

Она машет рукой:

– Дело ваше. Хоть упейтесь.

Алина шумно устраивается: большую сумку на стул рядом с собой, туда же портфель, который не помещается на узком сиденье и норовит соскользнуть на пол, зонтик рукояткой за спинку стула. Потом поднимается снова, чтобы снять пропитанное влагой пальто. Я встаю, чтобы помочь.

– Спасибо, не нужно, – отмахивается она и наконец усаживается, шумно вздохнув и откинув назад золотистые волосы, в которых дрожат мельчайшие капельки воды.

Алина заказывает кофе – большой, крепкий – и лосось на гриле. Я понимаю, что ей тоже вряд ли удалось сегодня поесть, но в отличие от меня она сохранила каким-то образом аппетит. Кофе приносят сразу, и некоторое время мы сидим молча, каждый со своим напитком, и смотрим в окно.

– Как прошел день? – спрашиваю я.

* * *

К восьми часам вечера Алина чувствовала себя совершенно измученной от переживаний и огромного количества информации, свалившихся на нее сегодня. Но она была вынуждена признать, что странный бледный субъект в черном пальто, с карточкой похоронного агента и запахом застарелого алкоголя, удивительным образом почти во всем оказался прав.

Кобот встретил ее как родную. О своем новом статусе человека, наделенного особыми правами и полномочиями, Алина догадалась, как только зашла в приемную: обычно надменная секретарша Лена, ревностно относящаяся к роли стража покоя своего босса, даже не посмотрела на нее, а только опустила нос к бумажкам на столе, низко нагнув пегую, стриженную под нелепый «горшок» голову, словно признавая право Алины входить без предупреждения и стука. В кабинете начальника Бюро было все так же сумрачно, только еще больше сгустилась атмосфера тревоги, изрядно сдобренная алкогольными парами. Говорила теперь по большей части Алина, а Кобот только с энтузиазмом кивал и соглашался.

– С сегодняшнего дня я занимаюсь только этим делом, – заявила Алина. – Если мне понадобится провести микроскопический или гистологический анализ, то мои заявки будут выполняться в первую очередь. Я буду использовать других сотрудников своего отдела по собственному усмотрению для помощи и ассистирования. Мне нужны все материалы исследований других таких же дел для сравнительного анализа и изучения.

На этих словах Кобот вздрогнул и посмотрел на Алину.

– Кто тебе сказал про другие дела?

– Эдик, – мстительно сказала Алина и добавила с улыбкой: – Он вообще очень разговорчивый, Даниил Ильич. И кстати, его я не хочу в ближайшее время ни слышать, ни видеть.

Кобот снова кивнул.

– А еще мне нужно разрешение на эксгумацию тел минимум двух жертв. Если вы, конечно, хотите от меня полных и исчерпывающих результатов.

Кобот покачал головой, но слабо махнул рукой в знак согласия.

Они договорились, что к работе в «Данко» Алина приступит с понедельника, а оставшиеся четыре дня будет полностью заниматься «собачьими» убийствами. С тем, что это именно убийства, никто уже не спорил.

– Ты пойми, на меня давили, – говорил Кобот, жарко дыша Алине в лицо коньяком. – Но ты меня вдохновила. Черт с ними со всеми! Давай раскрутим это дело. Только у нас на руках должны быть все исчерпывающие материалы, полное исследование, и самое главное – нужно определить, совершено сегодняшнее убийство тем же... теми же... в общем, насколько тут все совпадает. И я обещаю тебе: как только все будет готово, я сам дам делу официальный ход!

Алина кивала и не верила ни единому слову своего шефа.

– Только я прошу, – сказал Кобот напоследок, – обо всех результатах докладывать мне лично. Это очень, очень важно. И пожалуйста, никому больше ни слова о том, чем именно ты занимаешься.

Алина вышла из его кабинета в полной уверенности, что сильный, властный, харизматичный Даниил Ильич напуган и взволнован не меньше, чем была взволнована она, когда склонилась над растерзанным телом несчастной Марины сегодня утром.

Остаток дня пролетел как одна минута. Алина полностью закончила исследование, которое вынуждена была прервать утром, написала подробный акт, нимало уже не заботясь о том, будет ли запрос на экспертизу от органов следствия и какие вопросы будут в нем сформулированы. И когда она оторвалась наконец от изучения архивных материалов, то увидела, что до назначенной встречи с Гронским остается всего полчаса. Алина вздохнула и начала собираться.

Особого смысла она в этом не видела. Конечно, Гронский странным образом предугадал все: и поведение Кобота, и наличие в архивах не одного и не двух подобных дел, однако все это совершенно не было поводом посвящать его в детали исследования и делиться информацией. Но было данное обещание, а еще какое-то неуловимое, подсознательное ощущение необходимости предстоящего разговора. В конце концов Алина решила, что ничего не теряет. Встречу Гронский назначил в каком-то пабе на Каменноостровском, а это значит, что ей придется сделать всего лишь небольшой крюк по дороге домой. Будем считать, решила она, что я просто заехала туда поужинать.

Паб «Френсис Дрейк» оказался вполне уютным заведением в классическом английском стиле. Алина прошла вдоль длинной барной стойки из темного дерева, на ходу отряхивая зонт, и оказалась во втором небольшом зале. Гронский сидел в дальнем углу у окна и, увидев Алину, махнул рукой.

Только сейчас, сняв с плеча сумку, поставив на стул тяжелый рабочий портфель, повесив на спинку стула громоздкий зонтик, она поняла, насколько устала и измоталась за сегодня. Сидящий напротив Гронский тоже выглядел еще больше осунувшимся и мрачным, чем утром. На столе перед ним стояла пепельница и наполовину пустой бокал с пивом.

«Опять пьет, – подумала Алина. – Не просыхая».

– Безалкогольное, – сказал Гронский, словно услышав ее мысли.

Алина махнула рукой:

– Дело ваше. Хоть упейтесь.

Ей действительно было сейчас все равно.

Подошла официантка с меню. Алина хотела было заказать стейк, и побольше, что-нибудь типа T-bone, но посмотрела на Гронского и вдруг передумала. Ей почему-то не захотелось, чтобы он видел, как она уплетает почти полкило жареной говядины, и Алина, внутренне вздохнув, сделала более женственный, в ее понимании, заказ: лосось с овощами и большая чашка крепкого кофе.

Некоторое время они сидели молча.

– Как прошел день? – наконец спросил Гронский.

– Их восемь, – ответила Алина после недолгой паузы.

Гронский вопросительно посмотрел на нее.

– Как вы... как мы и предполагали, подобных случаев... убийств... не одно и не два. Я нашла информацию о восьми аналогичных случаях с начала года.

Алина щелкнула замком портфеля и положила на стол стопку одинаковых синих папок.

– Здесь все результаты исследований тел, протоколы осмотра мест происшествий, фотографии, – сказала она, положив ладонь на верхнюю папку. – Так что, если вам в самом деле это интересно...

Гронский кивнул. Алина раскрыла первую папку и подала ему.

– Первый случай. Седьмое марта, пятница. Девушка, 23 года. Стриптизерша. Вышла после выступления на какой-то корпоративной вечеринке – не знаю, кому пришло в голову устраивать стриптиз в честь женского праздника. Мероприятие проходило в ресторане на Большой Морской улице, а такси, которое она вызвала, почему-то остановилось на Малой: то ли водитель перепутал адрес, то ли было не проехать из-за дорожных работ. Она не стала ждать, пока он до нее доедет, и сама пошла к машине напрямую через дворы, откуда уже не вышла. Тело обнаружили около пяти утра. Предположительное время смерти – два часа ночи.

Несколько фотографий. Грязная плитка двора, кое-где – подтаявший снег. Лежащее навзничь тело в обрывках искромсанной одежды и плоти. Голова вывернута почти на 180 градусов и держится только на уцелевших шейных позвонках и лоскуте кожи. Покрытое запекшейся кровью лицо обращено вверх. На отдельном снимке – кисть правой руки, длинные

накладные ногти на трех пальцах оборваны под корень. Сами ногти яркими лепестками лежат рядом с телом.

– Готова спорить на что угодно, что под ногтями оставалась целая база данных – она их сорвала в попытках защититься. К сожалению, сейчас все возможные улики потеряны или уничтожены.

Алина взяла вторую папку, раскрыла и подала Гронскому. На фотографии – мертвая женщина в обрывках белого халата, густо испачканного грязью и кровью.

– Второе убийство. Шестое апреля, воскресенье, во дворах между Прачечным и Фонарным переулками. 26 лет, медсестра, шла домой после ночной смены в больнице на улице Декабристов, там недалеко. Сорванный плащ нашли в десятке метров от тела, вероятно, она пыталась вырваться, и верхняя одежда осталась в руках убийцы. Только вырваться не получилось.

Алина перевела дыхание.

– Смерть наступила около трех часов. Как следует из материалов, она в эту ночь отпросилась со смены пораньше. Мать-одиночка. Спешила домой к ребенку. В протоколе этого не указано, но даже на фотографиях видно, что, кроме обычных для этих случаев ран, у нее сломан нос, и, я уверена, есть еще и переломы лицевых костей. Видимо, в этот раз убийце потребовалось несколько ударов, чтобы лишить ее сознания и воли к сопротивлению.

Пятое мая, понедельник. Студентка Театральной академии, 19 лет, тело обнаружено во дворах между Моховой и Гагаринской улицами. Девушка иногородняя, снимала комнату в коммуналке недалеко от академии. Шла домой после репетиции около часа ночи. Ее нашли рядом с узкой щелью между стеной и мусорным баком, возможно, она пыталась там спрятаться. Нашел дворник в половине шестого утра.

Гронский посмотрел на фотографию. Заползти в такое узкое пространство можно было только в состоянии дикого, животного ужаса: тяжелый железный мусорный контейнер почти вплотную прилегал к грязной серой стене дома. На ногах несчастной студентки, сплошь покрытых рваными ранами от собачьих клыков, – вернее, на тех немногих частях, которые избежали укусов, – темнели широкие полосы ссадин: видимо, тот, от кого она так отчаянно стремилась спастись, вытащил ее за ноги из убежища, чтобы сделать свое кошмарное дело.

– Четвертый случай. Третье июня, вторник. Молодая женщина, 25 лет, стюардесса, направлялась домой после прибытия с ночного рейса. Жила во дворах между Разъезжей улицей и Свечным переулком, поэтому вышла из такси у арки двора и пошла пешком. Не дошла до дома метров десять. На теле есть одна нехарактерная рана – длинный порез вдоль спины, вероятно, убийца нанес удар, когда она пыталась бежать. Кроме обычной женской мелочи, раскатившейся из сумочки, рядом с телом найден элетрошокер, раздавленный в пластмассовую труху. Девушка явно боролась за свою жизнь, и судя по ярости, с которой убийца растоптал ее оружие, доставила ему несколько неприятных мгновений. Труп в половине третьего ночи обнаружил муж жертвы: он забеспокоился, позвонил жене на мобильный, а когда она не ответила, пошел искать. Скорее всего, он нашел ее не больше чем через полчаса после смерти: кровь даже не успела еще толком свернуться и засохнуть. В протоколе говорится, что кто-то из жителей домов слышал крики. Но они быстро прекратились, поэтому никто даже в окно не посмотрел.

– А это что такое? – Гронский смотрел на россыпь мелких вещей на асфальте. – Вот тут... яркое что-то.

Алина взглянула.

– Я тоже сначала не поняла. Это магнитик на холодильник. Она прилетела из Эмиратов, вот и привезла домой сувенир. Чтобы на холодильник повесить. На память.

Официантка принесла Алине ее заказ, бросила взгляд на раскрытые папки и разложенные фотографии, освещенные тусклым светом небольшой настенной лампы, побледнела и быстро ушла.

– Пятое убийство. Третье июля, четверг. Тело женщины обнаружено в подъезде собственного дома, во дворе между Английским проспектом и Дровяным переулком. Домохозяйка, 28 лет. Судя по всему, убийца напал на нее, когда она открыла дверь на улицу. Она ждала мужа из командировки, он должен был прилететь рано утром, и, видимо, вышла в ночной магазин купить что-то недостающее дома. Не знаю, может быть, хлеб. Ее нашли внутри, на ступенях лестницы, у входной двери. Все повреждения характерны для серии аналогичных случаев, включая следы ран от собачьих клыков. Никого, впрочем, не смутил тот факт, что, если верить заключению экспертизы, бродячие псы рвали женщину прямо на ступенях парадного. – Криков, кстати, никто из соседей не слышал, хотя они должны были быть ужасающими. Лично я считаю, что это или странная эпидемия глухоты, или убийца оглушил жертву первым же ударом в лицо.

Первое августа, пятница, Басков переулок, дворы на участке между улицами Маяковского и Восстания. Молодая женщина-телохранитель, 27 лет. Отвезла своего шефа домой после посиделок в ночном клубе – он живет на Крестовском острове – и возвращалась домой самостоятельно. Рядом с телом найден служебный пистолет «ИЖ», в обойме оставалось всего три патрона. Пять стреляных гильз обнаружены на дистанции почти в пятьдесят метров: судя по всему, она отступала и отстреливалась от того, что ее преследовало. В итоге была убита в нескольких метрах от арки, ведущей на улицу Маяковского. Сильная девушка. Среди прочих повреждений на теле отмечены переломы обеих рук. Их неумело пытались квалифицировать как раздробление челюстями животных, но по характеру описания я уверена, что они получены в ходе рукопашной схватки. Как и в случае со стюардессой, убийца едва не был застигнут на месте преступления: кто-то из жильцов услышал выстрелы и все-таки – о чудо! – вызвал наряд полиции. Тело было еще теплым, когда его нашли. Что характерно: ни трупов собак, ни следов чужой крови на месте преступления и по ходу возможного движения жертвы найдено не было. Получается, что опытный телохранитель, бывшая сотрудница полиции, выстрелила пять раз из пистолета и промахнулась.

– Слабо верится, – заметил Гронский.

– Мне тоже. Но есть один факт: преступник, даже если он был ранен, все же догнал и убил свою жертву. И я не очень представляю себе, как бы он это сделал с несколькими пулями в теле.

Алина открыла следующую папку.

– Тридцатое августа, суббота. Девушка, 20 лет, возвращалась домой после вечеринки в клубе.

Гронский кивнул.

– Это тот случай, о котором я говорил.

– Найдена в Юсуповском саду, недалеко от местного водоема. Самое поврежденное тело из всех: массивное отсутствие мягких тканей бедер, стенок брюшины, сорвана грудь. Видимо, глухой ночью в парке у преступника и его собак было больше времени, и те обглодали жертву почти до скелета. Кроме того, в этом случае отмечена полная декапитация... то есть голова отрублена полностью и найдена в двух метрах от трупа.

Алина посмотрела на Гронского.

– Даже не представляю себе, как вы готовили тело к погребению.

– Было нелегко, – сказал Гронский.

– И последнее. Двадцать девятое сентября, понедельник. Коломенская улица, дворы между Коломенской и Марата. Девушка, 21 год, иногородняя – приехала в Петербург из Южно-Сахалинска, трудно представить себе это даже... То ли художник, то ли дизайнер. Видимо, решила приобщиться к культурной жизни Северной столицы. Судя по всему, искала хостел, он там недалеко, в полукилометре от того места, где нашли тело. Но заблудилась и нашла совсем другое... Кстати, тело до сих пор находится в морге: какие-то трудности с транспортировкой на Сахалин, да и родители не проявляют активности. Похоже, она часто уезжала из дома, путе-

шествовала и не очень была нужна своим родным. Тут отмечено, что кроме нее в семье еще трое детей, младших... Может быть, это как-то помогает пережить потерю старшей дочери, хотя я что-то сомневаюсь.

Гронский склонился над раскрытыми папками и разложенными фотографиями. Бледное худое лицо в желтоватом тусклом свете приобрело какой-то нездоровый оттенок. На отодвинутой в сторону тарелке остывал лосось, в своей аппетитности выглядящий странно и неуместно среди этого паноптикума жутких смертей. Алина почувствовала, что уже не хочет есть.

Она никогда не считала себя впечатлительной или особенно ранимой. Еще во время учебы в Медицинской академии Алина спокойно переносила такие зрелища, от которых ее менее сильные духом сокурсницы падали в обморок. Годы работы в отделе экспертизы трупов только укрепили ее устойчивость к кошмарным картинам насильственной смерти. Но тут было что-то другое.

Первое, чему на практике учится любой судебно-медицинский эксперт, – отстраняться от осознания жертвы как человека, который жил, думал, чувствовал. Есть только тело как объект исследования, поврежденная оболочка, которую навсегда покинула жившая там личность. Но именно сейчас отстраненный взгляд Алине не удался. Она полдня провела за изучением медицинских заключений, чтением протоколов осмотра мест происшествия, и краткие комментарии по каждому эпизоду, которые она давала Гронскому, не отражали и десятой части того, что она видела как профессионал за написанными канцелярским языком строками отчетов.

Молодая танцовщица идет через дворы. На плече сумка со сценическим костюмом, она торопится, мысли ее уже впереди – там, в другом клубе, где ее ждут на еще одном выступлении. Она не слышит, не замечает приближающейся смерти, и через несколько минут ее залитое кровью лицо уже обращено к темно-серому угрюмому небу, а пальцы с оборванными ногтями скрючены в последней попытке защититься. Вот медсестра спешит привычной дорогой домой, радуясь, что удалось пораньше уйти со смены, и входит в темные проходные дворы, торопясь к своему спящему ребенку. Вот совсем юная девушка, рыдая от ужаса, забивается в грязный угол за мусорным баком, но смерть настигает ее и там, и жесткие сильные руки убийцы рывком тащат ее наружу, и она обдирает кожу с ладоней, пытаясь схватиться за шершавые стены. Трещит разряд электрошокера, и глаза жертвы распахиваются в смертельном страхе, когда она понимает, что оружие не помогло ей спастись от смерти. Девушка с правильным, строгим лицом, гладко зачесанными и забранными в тугий хвост волосами, поднимает оружие, целится, и грохот выстрелов разрывает глухую тишину дворов. Один, другой, третий, она отступает, продолжая отстреливаться от неведомой, неизъяснимой опасности, надвигающейся на нее из темноты, но погибает всего в нескольких метрах от спасительного выхода на улицу. Молодая художница, полная творческих надежд, мыслей и планов, вдыхает влажный воздух ночного города, радуясь его жутковатому колориту, а через час ее тело уже разорванной грязной тряпкой брошено на выщербленную плитку.

Восемь жизней, прервавшихся в лабиринте тесных темных дворов. Восемь жизней, которые отняла неведомая сила, гнездящаяся среди старых отсыревших стен, караулящая любое теплое дыхание, притаившаяся в подвалах, за углами мрачных домов, среди обвалившихся лестниц и покосившихся дверей. словно сам город забрал живых, чтобы поддержать свое падающее, гниющее тело, и даже кровь их впиталась без остатка в потрескавшийся влажный асфальт.

– ...общие признаки, – сказал Гронский.

Алина вздрогнула, очнувшись от тягостных мыслей, и посмотрела на него. Он сидел, откинувшись на спинку стула, серые глаза холодно поблескивали в тусклом свете.

– Простите, что вы сказали?

– Я предлагаю выделить общее, общие признаки во всех восьми случаях – точнее, уже девяти, считая сегодняшнее убийство. Давайте начнем с ран на телах жертв.

Алина кивнула.

– Они практически идентичны, насколько можно судить по актам экспертизы и фотографиям. Конечно, заключения везде липовые – нападение бродячих животных, но сами исследования проведены очень и очень подробно. Их делали два человека: мой непосредственный начальник, Эдип Иванов, и Георгий Мампория, еще один наш эксперт, кстати, очень толковый. Я помню, он просил меня весной пару раз поменяться с ним дежурствами, и теперь понимаю зачем: они оба знали, когда произойдет очередное убийство. Естественно, в их актах нет ни слова о разрубленных грудинных костях или следах разрезов на шее, но вот отсутствие внутренних органов зафиксировано абсолютно четко. Думаю, ребята страховались на тот случай, если вся эта история все же выйдет на поверхность: не заметить следы насильственной смерти – это халатность или низкая квалификация эксперта, а вот сокрытие того, что у жертв отсутствует сердце, – уже преступление.

– Насколько я понимаю, набор отсутствующих органов у всех идентичен?

– Сердце, почки и селезенка. Во всех случаях без исключения. Кроме того, по фотографиям видно, что грудина вскрыта одним и тем же способом. И горло, конечно: оно вырвано вместе с хрящами гортани у всех жертв. Кроме того, все тела обескровлены, а лица и волосы покрыты коркой засохшей крови. Думаю, что образ действия убийцы был во всех случаях одинаков: сильный удар или удары в лицо, которые оглушали жертву или лишали ее сознания. Потом разрез на горле: я думаю, он их опускал головой в какой-то сосуд... скорее всего, даже мешок из непромокаемой ткани, и ждал, когда из артерий вытечет кровь. Отсюда и кровавая корка на лицах и волосах. Потом он укладывал жертв на спину, разрубал грудину, распарывал верхнюю часть живота и извлекал внутренние органы. И уже потом появлялись повреждения, предположительно нанесенные собаками. Скорее всего, чтобы скрыть следы преступления от тех, кто не будет внимательно осматривать тело.

– Очень хорошо. – Гронский одобрительно посмотрел на Алину. – Еще что-то общее?

Алина пожала плечами.

– Все жертвы – молодые женщины в возрасте до тридцати. Хотя возраст может быть просто совпадением: дамы более зрелых лет реже оказываются среди ночи на улице. И еще, чуть более редкая особенность: в крови жертв не обнаружено алкоголя. На момент убийства все были совершенно трезвы.

– Да, это интересно, – согласился Гронский.

Он достал из-под своего черного пальто, небрежно брошенного на соседний стул, видавшую виды кожаную сумку и извлек оттуда ноутбук и потрепанную карту города. Развернул ее на столе поверх раскрытых папок и стал делать пометки – маленькие крестики в тех местах, где были обнаружены тела.

– Ожидаете, что места преступлений сложатся в рисунок пентаграммы? – полюбопытствовала Алина.

– Неплохо бы, – пробормотал Гронский, ставя крестик в районе Баскова переулка. – Это многое бы упростило. Но я просто хочу продолжить наш список общих черт во всех этих убийствах. Например, все они совершены в центре города, причем довольно компактно.

Алина взглянула на карту.

– И не просто в центре, а только по одну сторону Невы, – добавила она. – Убийца ни разу не отметился ни на Васильевском острове, ни на Петроградской.

– До сегодняшнего дня, – уточнил Гронский. – Марину он убил недалеко отсюда.

Алина молча смотрела, как Гронский делает пометки на карте.

– Есть еще даты, – сказала Алина. – Раз в месяц. Он выходит на охоту раз в месяц, обычно в первых числах, как по часам.

– Кроме августа, – добавил Гронский. – В августе он убил дважды, в самом начале и в самом конце месяца. И в сентябре девушка тоже погибла в последних числах.

– Думаю, тут важны не числа, а просто какое-то количество дней между ними. Такое бывает при компульсивном поведении у маньяков, у них как будто биологические часы срабатывают. Предположим, каждые двадцать девять дней.

– Нет, тут что-то другое... – Гронский задумчиво посмотрел поверх головы Алины. На большом экране, висящем на стене напротив, беззвучно металась фигура среди лихорадочных огней какого-то музыкального клипа.

– Другое, – повторил он и раскрыл ноутбук. – Можете еще раз продиктовать мне только даты?

Алина вздохнула, сгребла со стола папки и стала читать:

– Седьмое марта. Шестое апреля. Пятое мая. Третье июня. Третье июля. Первое августа. Гронский быстро набирал что-то на клавиатуре.

– Тридцатое августа. Двадцать девятое сентября. Послушайте, это бессмыслица какая-то, говорю же, здесь просто примерно одинаковые интервалы по времени, и...

– Это новолуния.

Алина осеклась.

– Что?

– Новолуния, – повторил Гронский. – Такая фаза Луны, знаете? Все даты, которые вы назвали, это даты вступления Луны в фазу новолуния. Наш убийца, похоже, живет по лунному календарю. Точнее, жил до сегодняшнего дня: до следующего новолуния еще две недели.

Алина почувствовала, как по спине пробежал неприятный холодок, но причины этого ощущения она понять не могла.

– Алина, можете что-нибудь сказать про убийцу? Я имею в виду, вы осматривали тело, видели характер ран и повреждений – что-нибудь может помочь хотя бы примерно представить его облик или какие-то специфические черты?

– Он очень силен, – сказала Алина. – Это несомненно. Знаете, когда мы проводим аутопсию, то при Y-образном разрезе для вскрытия грудины используем такие специальные ножницы, похожие на ножницы по металлу, с длинными рукоятками. Это нелегко физически – взрезать вдоль грудинную кость. А тут грудина разрублена одним ударом, причем очень быстрым и резким, так что даже не всегда ребра ломаются, а сама кость не вдавливается в полость грудной клетки. Это почти невероятно. Так что тот вариант, что убийцей могла быть женщина, практически полностью исключается.

Гронский кивнул.

– Оружие?

– Что-то тяжелое, с изогнутым однолезвийным клинком длиной около тридцати сантиметров, широким, массивным и невероятно острым. Не топор, а скорее очень большой и увесистый кривой нож.

– А рост?..

– У меня пока было мало материалов для исследования. Точнее можно будет сказать, когда будет хотя бы еще две проведенные экспертизы: я планирую эксгумацию, и в морге есть тело этой девочки с Сахалина. Но предварительно можно сказать, что рост убийцы выше среднего, причем значительно. Угол нанесения ударов плюс физическая сила... думаю, два метра, не меньше.

– Очень хорошо, – сказал Гронский. – А теперь давайте обобщим все, что у нас есть.

Каждую ночь, когда Луна входит в фазу новолуния, во дворах центра города появляется некто. Он гигантского роста и невероятной физической силы. Ему не страшны ни пули, ни удар электрическим током. Он вооружен огромным кривым тесаком, и сопровождают его несколько псов-людоедов. В ночь своей охоты он выслеживает молодых девушек и убивает их жестоко, но

методично, сливая кровь из разрезанного горла в непромокаемый мешок и вырывая им сердце, почки и селезенку. Все это он забирает с собой, а его собаки рвут на части еще теплые тела жертв. Вероятно, потом он уходит обратно, в свое убежище где-то неподалеку, и ждет следующего новолуния. Кроме того, обо всех убийствах заранее известно начальнику Бюро судебно-медицинской экспертизы, причем известно с самого первого случая. И означенный начальник прилагает все усилия, чтобы скрыть эти факты, совершая тем самым не только должностное, но и уголовное преступление. Я ничего не упустил?

Алина снова почувствовала, как по спине пробежал неприятный озноб. Сложенные Гронским воедино разрозненные факты образовали картину, от которой веяло холодной жутью и безумием.

– Нет, ничего не упустили, – сказала она. – Но я бы немного упростила, например, так: совершена серия преступлений, предположительно маньяком-убийцей, которого по неизвестной причине покрывает руководитель судебно-медицинского бюро.

На лице Гронского отразилось искреннее разочарование, как у учителя, чья лучшая ученица вдруг ляпнула что-то, недостойное даже двойки.

– Вы считаете, что версия маньяка все объясняет?

– Я считаю, что она ничему не противоречит, и... да, черт возьми, – эта версия объясняет все, кроме странного укрывательства со стороны Кобота. А вы думаете, что вот это, – Алина обвела рукой разбросанные по столу фотографии, – дело рук нормального человека?

– Я думаю, – ответил Гронский, – что это дело рук того, кто прекрасно знает, что делает. И для совершения этих действий у него есть свой, очень веский мотив.

– Тот, у кого есть мотив для того, чтобы по ночам вырезать сердца и селезенки у одиноких прохожих, и есть маньяк.

– Не упрощайте, – ответил Гронский. – Он слишком методичен для сумасшедшего или одержимого. Всегда одно и то же время – ночь наступления новолуния. Всегда одни и те же органы, совершенное хладнокровие, методичный и эффективный образ действий. И никаких признаков того, что им движет страсть или иное непреодолимое побуждение, – ведь следов сексуального насилия не обнаружено?

Алина покачала головой.

– В сегодняшнем случае – нет, все чисто. А вот про остальные мы вряд ли сможем что-то сказать: все тела, кроме одного, уже захоронены, и разложение уничтожит любые следы такого рода, даже если они там и были. Но я думаю, что их там не было.

Гронский кивнул:

– Я тоже в этом уверен. Во всех этих убийствах нет ни ярости, ни страсти: есть только холодная злая воля и точное понимание, зачем, как и когда нужно убивать. А значит, есть четко осознаваемый мотив, который...

– Сумасшествие – вот его основной и единственный мотив! – перебила Алина.

– Пусть так, – согласился Гронский. – Но оно имеет под собой совершенно конкретные основания, и это поможет его найти.

Алина прищурилась и посмотрела на Гронского.

– Вы серьезно полагаете, что можете найти в городе человека, имеющего веские основания потрошить девушек в новолуние?

– Совершенно серьезно. Более того, это гораздо легче, чем кажется.

Алина одарила Гронского еще одним скептическим взглядом.

– Подумайте сами, – продолжил он. – Чем экзотичнее мотив, тем легче найти преступника, ведь мотив – такой же идентифицирующий признак, как орудие убийства. Кого легче было бы отыскать: налетчика с пистолетом «макаров» или стрелка, использующего кремневый пистоль семнадцатого века? Так же и в нашем случае: если бы мотивом серии убийств стала кража мобильного телефона и бумажника, у нас были бы серьезные основания не стро-

ить надежд на то, что удастся быстро обнаружить преступника. Но этот убийца, я еще раз повторю вам, этот убийца знает, что он делает. И найти того, кто знает, зачем нужно убивать в новолуние, забирая кровь и внутренние органы жертв, так же легко, как стрелка со старинным пистолем.

Алина махнула рукой и стала складывать в папки фотографии и листы с материалами экспертиз.

– Вижу, я вас не убедил? – спросил Гронский.

– Посмотрим, – ответила Алина.

«Еще бы, конечно, нет», – подумала она. Впрочем, ничего страшного: она будет заниматься своими делами, экспертной работой, наблюдением за Коботом, а Гронский пусть развлекается поисками наугад маньяка, возомнившего себя новым Потрошителем. Она открыла портфель и засунула туда сложенные папки.

– Давайте собираться, – сказала Алина. – День выдался не из легких, да и завтра будет не лучше. Я хочу закончить с анализами, провести повторное исследование тела, которое хранится в морге. К тому же Кобот обещал организовать запрос на эксгумацию еще минимум одной жертвы, тут тоже много работы, и он ждет от меня результатов, просил докладывать ему лично. А в понедельник я уже должна выйти к нему в его «Данко», так что...

– Подождите, – сказал Гронский. – Есть еще один вопрос.

Алина защелкнула замок портфеля и посмотрела на него.

– Какой?

– Марина, – ответил Гронский. – Девушка из бара. Сегодняшняя жертва.

Алина продолжала вопросительно смотреть на Гронского.

– Просто сегодня отнюдь не новолуние, – пояснил он. – В этом месяце оно наступит двадцать девятого числа, только через две недели. Похоже, наш маньяк вдруг неожиданно решил сменить свой график. И забыл предупредить об этом своих друзей, из-за чего те невероятно расстроились.

«Расстроились – еще слабо сказано, – подумала Алина. – Скорее, испугались до паники».

– Возможно, это лишь доказывает, что в его действиях все же нет четкого мотива, о котором вы говорили, – заметила она.

Гронский покачал головой.

– Нет, тут что-то другое. Восемь месяцев он выходил на охоту строго в определенные дни, в определенных районах, и об этих днях прекрасно знал и Кобот, и его люди. И вдруг – другая дата, другой район, и те, кто должен прикрывать его похождения, совершенно не в курсе...

– Новолуния бывают только в начале или в конце месяца? Никогда в середине? – неожиданно спросила Алина.

– Крайне редко, – ответил Гронский. – Иногда выпадают на вторую половину десятых чисел, но как правило – первые и двадцатые.

Алина молчала. Да, действительно. Другая дата, другой район. Но те же раны, то же оружие, та же рука...

Порыв ветра бросил в окно тяжелые капли дождя. Алина вздрогнула, невольно посмотрела на влажную тьму, жадно липнущую к окну, и передернула плечами. Стоящие плотными рядами дома как будто поджидали, когда она выйдет на улицу. Где-то там, за их фасадами, такими разными, какими могут быть только человеческие лица, скрывались темные пустоты дворов-колодцев. За эркерами, похожими на вытянутые морды, башнями, уродливыми наростами возвышающимися над крышами, за вытянутыми или приплюснутыми окнами, каменными балконами, с которых, словно с отвисших челюстей, капала слюна дождевой воды – за этим всем притаилась безымянная смерть.

Сегодня опасности нет, удар был нанесен, и очередная жертва уже распростерлась на грязном жертвеннике двора, напитывая своей кровью мокрый асфальт. Алина живет в новых

районах, на далекой от центра Гражданке, но все же... От опасности можно укрыться дома, но страх последует за тобой всюду. Другая дата, другой район – но это не спасло несчастную Марину. И не спасло еще одного человека...

В полумраке паба «Френсис Дрейк» было тепло и спокойно. Гронский сидел напротив: строгое лицо, внимательный взгляд, черный костюм. Он пристально посмотрел на Алину, видимо, заметив ее минутное внутреннее смятение, и сказал:

– Ну что ж, оставим сегодняшние несовпадения в загадках. Как и мотивы поведения милейшего доктора Кобота. Будем надеяться, что этот случай так и останется единственным, и...

– Он не единственный, – выдавила Алина.

Гронский хотел что-то добавить, но промолчал.

Алина снова посмотрела в окно и перевела взгляд на своего собеседника.

– Это не единственный случай, когда подобное убийство совершается в другом районе и в другую дату.

Капли дождя сильнее застучали по стеклу. В тишине еле слышно доносилась из другого зала хрипая приглушенная музыка. Мерцали лихорадочные всполохи на экране за спиной, заставляя вздрагивать желтый полумрак. Гронский молча ждал.

– Тринадцать лет назад точно таким же образом была убита моя мать.

Глава 4

Раннее утро было свежим и радостным, каким оно бывает только в начале мая, когда прозрачный воздух полон ароматами пробуждающейся жизни, деревья подернуты зеленой дымкой молодой листвы, и каждый вдох рождает в груди удивительное ощущение счастья, от которого хочется улыбаться – просто так, без причины. Утро было таким, каким оно бывает только тогда, когда тебе семнадцать лет, и впереди у тебя прекрасное, восхитительно яркое лето жизни, а призрак осени маячит где-то совсем, совсем далеко, на другой стороне бесконечного мира. Солнце еще не поднялось высоко в чистое небо, чуть тронутое легким туманом утреннего дыхания земли, но воздух был уже светел, и вокруг лежали веселые, золотистые отсветы рождающегося дня.

Алина шла по тихой улице вдоль пруда, мимо просыпающихся деревьев и еще спящих уютных домов. Каблучки ясно и четко стучали по асфальту. Легкое, едва заметное касание ветерка, нежного, как дыхание семнадцатилетней девушки, чуть шевелило ее золотистые длинные волосы. Справа от нее блестела гладь водоема, зеленел яркой свежей травой спуск к воде и дорожкам по берегам пруда. Слева чинно стояли, почти скрытые высокими, старыми деревьями, такие же немолодые дома, словно добрые соседи, встречающие ее по дороге. Алина почувствовала, что здесь, в нескольких минутах ходьбы от своего подъезда, она давно уже дома.

Полчаса назад она позвонила маме от подруги, у которой она и еще две подружки-одноклассницы весело проводили эту ночь, радуясь последним праздникам перед трудными выпускными и еще более трудными вступительными экзаменами. Легкий хмель шампанского уже выветрился из головы, вымытый утренним воздухом, и Алина шла, улыбаясь этому утру, этим деревьям и этой жизни.

Несмотря на ранний час, мама не спала: наверное, опять читала всю ночь, как делала всегда, когда единственная дочь отправлялась на ночные посиделки. Впрочем, это случалось не так часто. Отца дома не было – он улетел в одну из своих очень частых в последнее время командировок, так что в квартире Алину ждали только мама, бабушка, которая наверняка сейчас еще спит, и Чипс – маленький веселый терьер, любимец семьи и, несмотря на свой малый рост, гроза всех соседей по подъезду.

Алина свернула налево, перешла через узкую пустынную улицу и направилась по подъездной дорожке к своему дому – прекрасному девятиэтажному белому зданию с двумя шестиэтажными пристройками по бокам, дому, построенному по специальному проекту для членов Академии наук. По слухам, когда-то здесь жил чемпион мира по шахматам и еще множество других, менее знаменитых, но не менее заслуженных людей. Возможно, что это, а не только прекрасный район и близость главного лесопарка севера города – Сосновки – послужило причиной того, что здесь четыре года назад купил квартиру отец Алины. Уже тогда его дела в алкогольном бизнесе шли более чем удачно, и семья переехала в роскошные четырехкомнатные апартаменты на третьем этаже, с холлом и лоджией. Алина посмотрела вверх. Она уже подошла к дому и могла видеть отсюда три окна: бабушкиной комнаты, гостиной и ее собственной комнаты с небольшим эркером.

На часах было без двадцати шесть утра. Алина не знала еще, что это время, это положение золоченых стрелок на маленьком круглом циферблате запомнится ей навсегда. Она нажала кнопки на механическом кодовом замке и вошла в подъезд.

В отличие от большинства других домов здесь было всего по две квартиры на лестничной площадке. Все соседи знали друг друга, все были примерно одного социального круга, и на лестнице всегда было тихо и безукоризненно чисто. Алина, легко шагая по ступенькам, поднялась до второго этажа, когда почувствовала какой-то странный и непривычный запах, словно

смешались противоположные тяжелые ароматы сырого, почти живого мяса и металлический запах мертвой меди. Тогда она еще не знала, что это такое.

Первым, что она увидела, поднявшись на лестничный пролет, ведущий к площадке третьего этажа, был Чипс. Тело маленького песика, как-то странно перекрученное, безжизненной шкуркой валялось на каменных ступенях. Глаза были плотно закрыты, а из приоткрытой пасти вытекла тонкая струйка крови. Сквозь коротко подстриженную серебристую шерсть на боках красными полосками тоже выступала кровь – в тех местах, где кожа не выдержала и лопнула, словно какая-то сила пыталась порвать пса пополам. Алина остановилась. Сердце заколотилось лихорадочно быстрыми ударами, как будто кто-то забарабанил внутри грудной клетки маленькими кулачками.

– Чипс, – позвала она, нагнулась и зачем-то потрогала нос песика. Тот был холодным и сухим, как наждак. Алина почувствовала, как дрожат ее колени, сотрясаемые нарастающей барабанной дробью сердца.

– Чипс, – снова сказала Алина, а потом посмотрела выше.

Стена лестничной площадки была покрыта густыми потеками разных оттенков красного, от ярко-алого до почти черного. Тяжелая жидкость еще не высохла и медленно стекала вниз, как густая краска, сливаясь с огромной темно-красной лужей на сером полу. Запах мяса и меди ударил в нос. Алина выпрямилась, борясь с нахлынувшим ощущением нереальности происходящего, и сделала еще два шага вверх по лестнице.

Ей потребовалось несколько секунд для того, чтобы понять, что именно она видит.

Много позже, десяток лет спустя, Алина часто будет видеть на лицах тех, кто приходил в морг для опознания своих родных, то выражение, которое она определила для себя как «кошмар узнавания». Человек на несколько секунд замирает, смотрит пристально и внимательно на ту странную восковую куклу, что лежит перед ним на столе, часто сломанную, изувеченную, и мучительно пытается совместить то, что видит, с образом близкого человека: живого, веселого, грустного. И только по прошествии этих долгих секунд говорит: да, это мой сын. Моя дочь. Моя жена. Мой муж.

Ноги полусогнуты и раскинуты в стороны в последней конвульсии. Тонкая светлая ткань веселого летнего платья натянулась на стройных бедрах. С правой ноги слетела туфелька. Рядом с левой рукой темной спиралью в густой луже на полу – свернутый собачий поводок. Когда-то светлые полы легкого плаща отяжелели, пропитались темным и раскинулись в кровавой луже, как беспомощные мертвые крылья. Вместо груди какое-то хаотическое багровое месиво, словно что-то взорвалось изнутри вулканом крови, мяса и обломков костей. Светлые волосы намокли красным, вокруг них ореолом смерти – кровавое пятно. Голова запрокинута на почти перерубленной шее, но лицо, белое, как бумага, застывшее, как воск догоревшей свечи, было обращено к Алине. Знакомые правильные черты, голубые глаза, подернутые уже белесой пеленой, как весеннее небо легкой туманной дымкой. Несколько секунд. Кошмар узнавания.

Это моя мама.

Алина плохо помнила, что происходило в последующие несколько минут, но точно могла сказать, что она не кричала. Крики, пронзительные, истошные, раздались тогда, когда в ответ на звонки Алины в двери всех соседей с первого по третий этаж какая-то женщина все же открыла дверь и вышла на лестничную площадку. После этого кругом сразу стало очень много людей, голосов, криков. Алина запомнила, как чья-то нога задела трупик Чипса, и тело пса съехало вниз на несколько ступеней. Тогда она подошла, подобрала песика на руки и положила у стены, в нескольких метрах от тела мамы. Еще кто-то непонятно зачем пытался укутать Алину то ли в покрывало, то ли в какой-то плед – наверное, потому, что она непрерывно дрожала крупной, размеренной дрожью, такой сильной, что не могла говорить.

Единственным человеком, удивительным образом сохранившим самообладание, была бабушка. Это она, увидев свою дочь распростертой в кажущейся бескрайней луже крови, не сорвалась на крик, а вызвала милицию и уже бесполезную «Скорую», в двух четких, строгих словах объяснив причину вызова. Она же увела в квартиру свою внучку, которая не то дрожала, не то билась в каких-то частых судорогах, напоила ее успокоительным и уложила в кровать, предусмотрительно открыв все двери так, чтобы видеть ее с лестницы. Это бабушка в две секунды прогнала обратно по квартирам всех лишних, оставив рядом с собой только двух соседей, которые были нужны как понятия. Она же разговаривала с сотрудниками милиции. И она звонила отцу.

События того утра и нескольких дней до похорон Алина помнила урывками и восстанавливала их потом не столько по памяти, сколько по материалам следствия, которые тщательнейшим образом изучила, как только через несколько лет у нее появилась такая возможность.

Судя по всему, после утреннего звонка Алины мама решила пойти ей навстречу и заодно прогуляться с Чипсом: утро было и в самом деле чудесным. Убийца стоял на лестнице, на несколько ступеней ниже третьего этажа, и, выходя из квартиры, она не видела то, что ждало ее за углом. Чипс, почувствовав чужого, бросился на защиту хозяйки: маленькому терьеру было не занимать отваги и боевого духа. Соседи слышали его мгновенный, яростный лай, который смолк так же внезапно, как и взорвался в тишине спящего подъезда. Впрочем, это никого не удивило: пес точно так же облаивал всех, кого встречал на лестнице, и ничего необычного в этом не было. Поэтому, когда потом раздался пронзительный женский крик, тоже мгновенно оборвавшийся, слышавшие его объяснили себе это тем, что хозяйка прикрикнула на пса.

Алина уже тогда понимала, что все это чушь и самооправдание. Много позже, читая показания свидетелей с мест происшествия, она узнала, что пробудить в людях ту степень тревоги, которая заставила бы их действовать, могут только постоянные крики и шум в течение минимум получаса. Очень трудно спутать окрик разбушевавшегося питомца с предсмертным женским воплем. Но ведь больше не кричали? Тихо? Так зачем просыпаться?

Уголовное дело, начатое очень активно, во многом благодаря статусу и деньгам отца Алины, постепенно шло все более вяло и наконец заняло свое место в архиве среди сотен и сотен других так и не раскрытых убийств. Единственной версией следствия была связь смерти жены бизнесмена с его профессиональной деятельностью, но на тот момент у Сергея Николаевича Назарова не было конфликтов, которые могли бы послужить причиной столь страшной трагедии. Сам он прекрасно держался, когда давал показания, когда бесчисленное количество раз общался со следователями и оперативниками, когда принимал соболезнования от друзей и родных, и даже на похоронах не проронил ни слезы. Но совсем иначе было дома. Он просто молча сидел на кухне: не курил, не заливал в себя алкоголь, просто смотрел перед собой, и когда свет дня сменялся вечерними сумерками, продолжал все так же сидеть за столом, в темноте, не включая свет и не ложась спать в опустевшее супружеское ложе. Только после похорон Алина заметила, что отец все-таки стал по ночам покидать кухню для того, чтобы лечь спать на диване в гостиной.

Сама Алина неделю не выходила из своей комнаты. Там, в привычных стенах, она еще держалась, словно знакомая обстановка помогала ей забыть о происшедшем, создавала иллюзию того, что все осталось по-старому, и когда она выйдет, то увидит маму, и та улыбнется ей и скажет что-нибудь смешное: она была очень веселой, ее мама. Но стоило перешагнуть порог комнаты, как горе наваливалось с такой силой, что страшные рыдания словно вымывали из Алины часть ее души – большую и лучшую часть.

Все это время их вдруг осиротевшая семья держалась на бабушке. Она не говорила слов утешения, не суежилась вокруг, но ее молчаливая поддержка, само присутствие были той благой энергией, которая помогла отцу и дочери пережить эти страшные дни. Может быть, тому причиной была удивительная сила духа пожилой женщины, пережившей блокаду, прошедшей

войну, вступавшей в освобожденные, но мертвые города вместе с передовыми частями Советской армии. А может быть, таким запасом душевных сил обладали все люди ее поколения, тех сил, которых нет и никогда не будет у ныне живущих. Чего стоило все это самой бабушке, не знал никто.

Через три недели после смерти мамы Алина блестяще сдала выпускные экзамены в школе, подтвердив свое право на получение заслуженной золотой медали. А еще через месяц так же легко справилась со вступительными экзаменами в Медицинскую академию, получив оценку «отлично» по всем предметам. Больше она не плакала. Никогда.

Родители стоят между нами и вечностью. Когда они уходят, мы остаемся с вечностью один на один. И теперь Алина была к этому готова.

Через год она уехала из квартиры в академическом доме, чтобы больше туда не вернуться. Бабушка умерла четыре года спустя дома, на руках врачей бригады «Скорой помощи», прибывших слишком поздно для того, чтобы справиться с остановкой сердца. Отец Алины почти сразу продал квартиру и с тех пор жил за городом, в большом коттедже, один. Он больше не женился.

Алина не смогла бы точно сказать, что эти трагические события повлияли на ее интерес к делу судебно-медицинской экспертизы. Но как только появилась возможность, она прочитала и тщательно изучила старое экспертное заключение по исследованию тела ее матери. Каждую строчку, каждую букву в нем она знала наизусть.

Горло, разрубленное поперек хряща гортани одним ударом слева направо, протяженностью от левого до правого сосцевидного отростка черепа. Грудина, также разрубленная одним ударом, сверху вниз с незначительным отклонением влево. Предположение о возможном оружии убийства: очень тяжелое, с изогнутым однолезвийным клинком длиной около тридцати сантиметров, широким, массивным и невероятно острым. Не было ни слитой крови, ни отсутствия внутренних органов, ни следов собачьих зубов. Но когда Алина склонилась к растерзанному телу девушки, беспомощно раскинувшегося на грязном асфальте двора-колодца, она узнала эти раны сразу и без всяких сомнений. Она знала, всегда знала, что рано или поздно снова увидит нечто подобное, и когда нагнулась над разрубленной грудной клеткой несчастной Марины, ей показалось, что она перенеслась в прошлое, на тринадцать лет назад. Что она стоит рядом со своей мамой на лестничной площадке у дверей квартиры и, обернувшись, заглядывает в черные, бездонные провалы глаз неведомого убийцы.

* * *

День рождался, как больной ребенок: только появившись на свет, он уже начал угасать. Утро было окутано темно-серым погребальным саваном сумерек, словно уже наступил вечер. Небо оседало на землю туманным морозящим дождем, слишком мелким, чтобы ради него раскрывать зонт, но достаточным для того, чтобы насквозь пропитать стылой влагой волосы, одежду и мысли.

Еще не было десяти утра, и, чтобы не толкаться в утренних пробках на проспекте, Гронский и Алина оставили машины у ворот территории Медицинской академии и пошли пешком напрямик, направляясь к моргу Бюро судебно-медицинской экспертизы. Длинная прямая аллея постепенно превращалась в узкую тропинку из треснувшего асфальта и мокрой земли и вела мимо похожих друг на друга невысоких ветшающих корпусов, покрашенных когда-то одинаковой красно-кирпичной краской, а теперь одинаково покрытых мокнущими пятнами плесени, словно все стены были поражены одной заразной болезнью. По сторонам дорожки тесно стояли пожилые высокие деревья, склонявшиеся в разные стороны под тяжестью лет и толстых ветвей. Жесткие пучки как будто обгрызенных кем-то кустов обрамляли потрескав-

шиеся бордюры. Осклизлые мокрые листья, покрывавшие узкую дорожку аллеи, расплзались под ногами.

Алина покосилась на Гронского. Он молча шел рядом, и на каждый широкий шаг его длинных ног Алине приходилось делать два своих шажка, из-за чего получалось, что она почти бежит рядом с ним, семена по узкой дорожке.

– Вы не могли бы идти помедленнее? – наконец сказала она, чувствуя, что еще немного – и запыхается от такой быстрой ходьбы.

– Что? – спросил Гронский, как будто отвлекшись от занимавших его мыслей, но шаг сбавил.

Алина уже почти жалела о своем вчерашнем приступе откровенности. То ли сказался тяжелый день, то ли тягостное впечатление, вызванное просмотром папок со старыми делами, то ли атмосфера паба, но она открылась Гронскому явно больше, чем сама того хотела. Да что там – больше, чем кому-либо другому за много, много лет. О трагической истории ее матери знали очень немногие, а из близких ей людей – всего двое: отец и школьная подруга, та самая, у которой Алина ночевала накануне того рокового утра. А о том, как связана та давняя смерть с нынешними преступлениями, и вовсе не знал никто. У каждого человека в душе есть свое, потаенное, скрытое от других место, где хранятся самые личные, самые интимные секреты, переживания, эмоции. В этом отношении человеческая личность подобна средневековой крепости. Вокруг стены – деревянные домишки городища: это те истории и факты из биографии, которые можно легко рассказать при первом же знакомстве. Затем идет первая стена, за ней – более личные, более важные вещи. Есть и вторая, и даже третья стены, а в центре укрепления души – неприступная цитадель, вход в которую заказан порой даже самым близким людям. И каким-то неведомым образом этот странный человек, шагающий сейчас рядом с Алиной, миновал вчера все укрепления, ворота и рвы, добрался до самой главной башни цитадели и едва ли не поднял на ней свой флаг. Алина чувствовала, что вчера, рассказав Гронскому о смерти матери, она как будто перешла некий порог, прошла через невидимые двери, после чего вернуться назад, к прежней жизни, уже невозможно, и окружающий ее мир уже никогда не будет таким, как раньше.

После таких откровений ей уже показалось неприличным отказать Гронскому в его очередной просьбе: присутствовать при экспертизе девушки, погибшей в конце сентября, чье тело до сих пор хранилось в морге Бюро.

Алина снова посмотрела на Гронского. Сегодня он выглядел явно лучше, чем вчера: исчезла темная щетина на бледных щеках, рубашка под черным костюмом сияла белизной, на ослабленный воротничок был повязан черный галстук, а сам костюм и темное пальто прекрасно сидели на высокой худощавой фигуре. Только волосы по-прежнему были слегка растрепаны в живописном беспорядке, но Алина отметила про себя, что это ему даже идет и делает по-своему красивым узкое лицо с серыми холодными глазами.

– Мне с утра уже звонил Кобот, – сказала она. – Очень беспокоился, приступила ли я к исследованию второго тела, и интересовался, как идут мои дела.

– Что? – снова, словно издали, отозвался Гронский и посмотрел на нее рассеянным взглядом.

– О чем-то задумались? – спросила Алина.

– Да, немного, – ответил он. – О том, что если вчерашняя смерть Марины – это единичное отступление от правил, допущенное убийцей, то он снова нанесет удар в следующее новолуние. А это уже меньше чем через две недели.

– Ну что ж, – пожал плечами Алина, – тем быстрее вам нужно его найти. Вы ведь сказали, что это будет несложно, не так ли?

Гронский только молча кивнул и отвернулся.

Тропинка кончилась. Гронский и Алина вышли к футбольному полю, невесть откуда взявшемуся здесь, на задворках Медицинской академии. Все еще зеленая трава намочла и потемнела от влаги, как губка. Железные рамки футбольных ворот, лишённые сеток, походили сейчас на настоящие ворота, ведущие из ниоткуда в никуда. Вокруг поля черные силуэты деревьев застыли в летаргическом осеннем сне, и судя по судорожно искривленным ветвям, им снились кошмары.

– Вон там, справа, моя кафедра, патологоанатомии. – Алина показала рукой на маленький желтый флигель. – Там тоже есть морг. Он соединяется с моргом Бюро, и вместе они образуют самое большое хранилище мертвых тел в Европе. Оно находится внизу, вот как раз здесь, под футбольным полем.

– Даже думать не хочу, кто может играть тут безлунными ночами, – сказал Гронский.

– Ну так и не думайте, – ответила Алина и махнула рукой влево. – Нам туда, вон, видите, где стена обрушена? Это проход на территорию Бюро. Я через этот лаз еще студенткой ходила туда на практику.

* * *

Они спустились по каменным ступеням узкой лестницы навстречу все усиливающемуся ощущению холода, ароматам формалина и легкому запаху тлеющей плоти.

– Я предупредила доктора Зельца о нашем визите, – сказала Алина. Она уже переделалась в рабочий лабораторный комбинезон, и Гронский тоже накинул белый халат поверх черного пальто. – Это заведующий моргом, непосредственно той его части, которая предназначена для хранения, а не исследования тел. Я с ним не работала, так, видела пару раз, но мне говорили, что он со странностями, хотя дело свое знает. Так что имейте в виду, если что.

Гронский кивнул.

– Я вообще настроен на встречу со странностями.

Они прошли в деревянную белую двустворчатую дверь и оказались в небольшом квадратном помещении с серыми стенами и низким потолком. В противоположной стене была другая дверь – железная, с небольшим окошком в верхней части, забранном толстым ребристым стеклом. По правую руку тянулся ряд железных шкафчиков, как в раздевалках спортивных клубов, только обшарпанных и помятых. Слева тоже стояли шкафы – деревянные, а также имелся облезлый письменный стол, из тех, что можно увидеть в учительских небогатых школах, и тумбочка с электрическим чайником, который недавно кто-то включил: из носика поднимался пар, а сам чайник подрагивал от закипающей в нем воды. Рядом лежал смятый пакет с какими-то неаппетитными крошками внутри. На столе громоздился огромный старинный монитор. Стул с ободранной спинкой был пуст.

– Странно, он должен был нас ждать, – проговорила Алина, оглядываясь вокруг.

Чайник вдруг затрясся, как в конвульсиях, подпрыгнул, выпустив из носика мощную струю пара, громко щелкнул и затих, словно испустив вместе с паром последнее дыхание.

Алина вздрогнула.

– Добрый день, – вдруг громко сказал Гронский.

Алина проследила за его взглядом, и увидела, как в углу между двух деревянных шкафов что-то закопошилось.

– Здравствуйте, здравствуйте, – забормотал пришепывающий голос, и из угла выбрался человек, сидевший там до этого неподвижно на низком табурете. – Чем могу служить?

Доктор Зельц был крупным, одутловатым и неопрятным. Его можно было бы назвать полным, но не той полнотой, которая выпячивает живот и округляет бедра; он был рыхлым, как будто тело его стремилось распозлзться в разные стороны и удерживалось только стягивающей его одеждой. Лицо его было бледным, как манная каша, и таким же бесформенным, большую

голову облепляли длинные патлы сальных волос, заправленных под воротник когда-то белого халата.

Гронский, приподняв бровь, с легким недоумением смотрел на это возникшее перед ним явление. Алина вздохнула: ей уже приходилось видеть раньше и доктора Зельца, и вот такое выражение на лицах тех, кто удостоивался этого удовольствия впервые.

– Здравствуйте, я – Алина Назарова, – сказала она, обращаясь к Зельцу. – Я вам звонила по поводу тела, помните?

– Ах да, да, да, – протянул Зельц. – Что же, я весь к вашим услугам.

Он прищурился и посмотрел на Гронского.

– А ваш спутник, простите?..

Гронский молчал и тоже смотрел на Зельца.

– Это мой коллега, – сказала Алина, почувствовав, что пауза затягивается, и бросила на Гронского недовольный взгляд. – Из ФСБ.

Зельц расплылся в жутковатой слащавой улыбке.

– Премного, премного рад знакомству. – И чуть протянул вперед пухлую маленькую ладонь. – Доктор Федот Зельц.

Гронский подумал, но все же ответил на приветствие:

– Родион Гронский, – и слегка пожал бледную влажную руку доктора.

– Ну что ж! – воскликнул тот с преувеличенным энтузиазмом. – Теперь, когда с церемониями покончено, приступим к делу! Напомните, вас интересует?..

– Анна Левчук, – напомнила Алина. – Поступила двадцать девятого сентября.

Доктор Зельц поднял вверх палец:

– Обратимся к гробу! – и как-то странно, боком, засеменяя к железным шкафам, открыл дверцу одного из них и, что-то бормоча, стал рыться среди плотных рядов толстых прошитых регистрационных журналов. Гронский и Алина терпеливо ждали.

Наконец Зельц нашел нужный журнал, отнес его на стол, раскрыл и стал водить маленьким толстым пальцем по разлинованным страницам.

– Аня Левчук, Аня Левчук, где же ты, где, Аня Левчук, – то ли бормотал, то ли напевал он. – Ах, вот! Нашел! Пойдемте за мной!

Он открыл железную дверь с маленьким окошком вверху, и Гронский с Алиной вошли вслед за своим странным провожатым в помещение морга, представляющего собой длинные анфилады больших холодных залов, с прозекторскими столами посередине и бесконечными рядами морозильных шкафов вдоль стен, чьи квадратные дверцы были похожи на могильные плиты колумбария. Доктор Зельц, немного подпрыгивая, семенил впереди и наконец нашел нужный холодильник в ряду таких же других. Гронский и Алина встали по обе стороны от него, и доктор, отперев замок, взялся за ручку.

– А вот и наша Анечка! – сказал он бодро и выкатил носилки из холодильной камеры.

Носилки были пусты.

Несколько секунд все трое молчали, глядя туда, где должно было быть мертвое тело.

Доктор Зельц побледнел еще больше, так, что его рыхлая физиономия стала бледно-зеленой, и мелко затрясся всеми своими пухлыми телесами.

– Здесь ничего нет, – холодным, как воздух морга, голосом резюмировал Гронский очевидный факт.

– Это... какая-то вздорная нелепица... ошибка... – забормотал Зельц, мелко перебирая пальцами дрожащих рук.

– Где тело, доктор?

– Я сейчас! Одно мгновение! – почти выкрикнул Зельц и с неожиданной прытью помчался назад, бесшумно перебирая ногами в стоптанных бесформенных башмаках. – Я мигом!

Гронский и Алина молча проводили его взглядами. Хлопнула железная дверь морга и воцарилась тишина, только монотонно гудели лампы дневного света, заливая помещение неживым ярким светом.

Доктор Зельц вернулся через минуту, неся в руках регистрационный журнал. На лице его сияла неуместно широкая улыбка.

– Я же говорил, – запыхавшись, сказал он, – чистая нелепица! Ошибочка вышла! Небольшая путаница – я виноват, каюсь. Перепутал Анну Левицкую с вашей Анечкой Левчук.

Он смущенно захихикал.

– Тут должно было быть другое тело, а Левчук... Левчук... – Зельц сделал несколько быстрых шагов вдоль холодильников. – Вот здесь!

Он распахнул еще одну дверцу, выкатил носилки и театральным жестом откинул пластиковую простыню.

– Вуаля!

На металлических носилках лежало обнаженное тело худенькой темноволосой девушки. Черты лица заострила смерть, между маленьких грудей с торчащими сосками зияла на совершенно белом теле огромная страшная рана, кое-как прихваченная крупными стежками черной суровой нитки. Еще один разрез, тоже наспех заштопанный, протянулся поперек горла под подбородком. Руки, ноги, бока были покрыты другими ранами – рваными и глубокими.

– Она? – спросил Зельц.

– Да, – сказала Алина. – Это она.

– Ну вот видите, как все чудесным образом разрешилось! – воскликнул Зельц. – Вам помочь довести каталочку до стола?

Алина кивнула, и доктор Зельц засуетился, вытягивая носилки из холодильника и устанавливая их на колеса каталки.

– А где в таком случае тело Левицкой, доктор? – подал голос Гронский.

– Что? – обернулся Зельц. Его лицо снова стало наливаясь нездоровым зеленоватым цветом.

– Если в пустом холодильнике должно было быть тело, как вы сказали, девушки по имени Анна Левицкая, то где оно? Камера ведь пуста.

– Ну... – Зельц опять затрясся и суетливо принялся возиться с каталкой. – Наверное, уже забрали... родственники... или на экспертизу.

– Вы позволите? – Гронский протянул руку, указывая на журнал, который Зельц сжимал под мышкой. – Он все равно вам сейчас мешает.

Зельц воровато обернулся и бросил на Гронского быстрый взгляд. Алина тоже посмотрела: тот возвышался над доктором в своем монокромном одеянии, белой рубашке, черном галстуке и смотрел на него в упор холодным взглядом серых глаз.

– Извольте. – Зельц, поколебавшись секунду, все же протянул журнал. Гронский взял его, отошел в сторону и стал читать записи. Тем временем Алина с помощью доктора Зельца уже перенесла тело девушки на стол. Гулко щелкнул выключатель, над столом вспыхнули мощные хирургические лампы. Зельц отбежал за угол и скоро вернулся, катая перед собой дребезжащий столик с инструментами.

– Вам санитар и ассистент понадобятся?

Алина не успела ответить.

– Тут указано, – снова заговорил Гронский, – что Левицкая Анна Юрьевна, двадцати лет, была доставлена в морг восемь дней назад с диагнозом «острое отравление лекарственными препаратами седативного действия, повлекшими смерть». Самоубийство. Кроме того, отмечено, что родственников у покойной нет, как отсутствует и запрос на погребение тела силами государственных служб. Никаких отметок о передаче тела куда-либо тут тоже нет.

Зельц стоял молча, глядя на Гронского, как кролик на удава, и мелко трясся. Потом затравленно оглянулся на Алину, но та тоже смотрела на него – внимательно и молча, ожидая ответа.

– Слушайте, – суетливо забормотал Зельц, – ну что такое? Ну ведь нашли мы вашу девушку, так? И эта найдется, не тут, так где-нибудь. Ну вот что вы к ней прицепились? Дело-то житейское, тут вот их сколько, сотни и сотни, ну, записали что-то не так... Если уж вы так настаиваете, ну дайте мне свой телефон рабочий, я все выясню и вам позвоню, хорошо? А сейчас позвольте журналчик обратно, с вашего разрешения...

Зельц боком осторожно подобрался к Гронскому и протянул руку. Гронский некоторое время молча смотрел на него.

– Сообщите мне о результатах ваших поисков через Алину Сергеевну. – Гронский кивнул в сторону удивленно посмотревшей на него Алины. Зельц тем временем уже ухватился за краешек регистрационного журнала и тихонько тянул его на себя. Гронский придержал в руке толстую картонную обложку и, глядя в глаза Зельцу, негромко и веско сказал:

– Мы в ФСБ очень интересуемся случаями смерти одиноких молодых девушек, чьи тела поступили на хранение в морг с минимальными повреждениями. Так что ищите тщательнее.

Зельц все-таки выдернул журнал у него из рук и молча засеменил к выходу.

– Санитара я сейчас пришлю! – крикнул он от самого выхода и поспешно скрылся за лязгнувшей дверью.

Некоторое время Алина и Гронский молчали.

– Ну и тип, – сказал он.

– Я же говорила, со странностями, – ответила Алина и показала в сторону столика с инструментами. – Тут есть еще комплекты перчаток, воспользуйтесь, если хотите участвовать во вскрытии. И снимите пальто, наденьте халат как следует.

Гронский покачал головой и склонился над телом.

– Нет, это лишнее.

– А что так? – прищурилась Алина. – Вы же должны были привыкнуть к виду покойников, при вашей-то работе.

Гронский снова покачал головой, продолжая внимательно и как-то скорбно изучать раны на вытянутом вдоль холодной поверхности прозекторского стола худеньком девичьем теле.

– Дело не в этом. Мне было важно взглянуть, посмотреть своими глазами. Одно дело – фотографии и ваши объяснения, пусть даже очень подробные, и совсем другое – увидеть все вот так...

Он снова провел взглядом – от разрубленного горла до изувеченных тоненьких ног.

– И что? – поинтересовалась Алина. – Теперь вам станет еще проще найти убийцу?

– Нет, – ответил Гронский. – Боюсь, что теперь все станет только сложнее.

* * *

«Колдовство и святость – вот две единственные реальности. Каждая представляет собой экстаз, уход от обычной жизни. Духовный мир нельзя свести лишь к высшему добру, но в нем обязательно представлены и носители высшего зла. У обычного человека не больше шансов стать величайшим грешником, чем величайшим святым. В большинстве своем мы всего лишь равнодушные, посредственные, смешанные создания, и следовательно, наши пороки и наши добродетели одинаково посредственны и не важны. И вот что я вам скажу: наши высшие чувства так притупились, мы так погрязли в материализме, что, столкнусь мы с подлинным злом, мы, вероятно, вряд ли сумели бы его распознать».

Я отрываю взгляд от книги и потягиваюсь, с хрустом разминая затекшие плечи и спину. Небольшой уютный читальный зал редких книг Большой академической библиотеки похож на

помещение кафедры университета: простые рабочие столы, несколько застекленных витрин с выставкой тех самых редких изданий, картотечные шкафчики, спокойный желтоватый свет ламп под потолком, тяжелые шторы на высоких окнах. За окном, с высоты пятого этажа, видны мокрые железные крыши, темнеющее небо и дождь.

Я вздыхаю, опускаю голову и дочитываю страницу: *«Так как очень трудно стать святым, остается стать сатанистом. Это одна из двух крайностей. Можно гордиться тем, что тебя ценят за преступления так же, как святого ценят за добродетели. Чтобы отождествиться с любым из этих направлений, требуется колоссальная концентрация и железная воля. Такие люди, выбравшие худший путь, и становятся вампирами».*

Я провел здесь весь вчерашний день, после того как оставил Алину в морге с телом очередной несчастной жертвы, и три часа сегодня, с самого открытия читального зала. В кои-то веки пригодилась моя кандидатская степень по филологии, а направление для исследований от имени несуществующего университета я изобразил сам за полчаса, придумав и название, и герб, и рисунок печати. Передо мной на столе лежит высокая стопка книг, разной толщины, но с одинаково состарившимися переплетами, покрытыми патиной времени, и толстый блокнот, который я исписал заметками уже до половины, нисколько, впрочем, не приблизившись к разгадке личности того или тех, кто может стоять за кровавыми преступлениями последних месяцев и убийством Марины.

Начиная свои поиски, я исходил из того, что убийца, кем бы он ни был, прекрасно знал, что и зачем делает. Даже если принять версию Алины о том, что во всех случаях действовал безумец, сумасшествие его было упорядоченным, поведение – не импульсивным, а значит, должна быть четкая основа для того, что он совершал. И вот эту основу я и намеревался найти. Мне нужно было понять, кто он по образу мыслей, кем является или кем себя возомнил. За исходные точки я принял кровь, слитую им у своих жертв, вырванные сердца, и отдельно – другие изъятые органы, и новолуние, как время совершения убийств. Проще всего было начать с крови и сердца: их потребление практиковалось с древнейших времен во множестве культов и культур, и первыми прочитанными мной книгами стали те, которые были посвящены вопросам вампиризма и красной магии крови.

Голова у меня слегка гудит от огромного объема информации. Ночью мне с трудом удалось заснуть: тревожные и неприятные сновидения приходили одно за одним и настойчиво будили меня, словно изгоняя из царства сна, которое было их законной территорией. Только под утро, в тот час, когда голоса утренних птиц обычно заставляют нечисть вернуться в свою тайную обитель, мне удалось забыться тяжелым, похожим на оцепенение, сном.

Уже второй день я словно являюсь зрителем какого-то бесконечного «данс макабр», танца мертвых, с участием безумных потрошителей, древних жрецов, выходцев из могил и членов тайных мистических орденов. Как будто огромный пласт реальности, которому отказали в праве на существование в современном, духовно оскопленном мире, открылся моему взгляду. Эти знания, учения, факты были кем-то заживо погребены и объявлены мертвыми, и я ходил по этому огромному кладбищу, склоняясь к могилам и читая то краткие, то пространные эпитафии на могильных плитах, стараясь угадать, что скрыто там, под толщей холодной земли. Но это кладбище древних традиций и знаний только со стороны казалось заброшенным и поросшим сорной травой забвения. На самом деле было заметно, что за всеми могилами ухаживают чьи-то умелые руки, а я как будто чувствовал на себе внимательные и недобрые взгляды, провожавшие меня, чужака, зашедшего туда, где не рады гостям. И чем больше времени я проводил, погружаясь в чтение написанных столетия назад книг, чем дольше бродил по ментальному кладбищу оккультных знаний, тем больше крепло ощущение, что сами его обитатели объявили себя мертвыми, чтобы успокоить живых. Они прикинулись легендами и сказками, которые не нужно воспринимать всерьез – ведь тогда никто всерьез не воспримет и их тайны, а значит, сами эти тайны будут в безопасности. Они сами себя депортировали из

реальности, лишь иногда возвращаясь обратно в ночной тиши и прячась за карикатурными муляжами и выдумками, которые заняли их место в сознании людей. Они бы и смерть объявили ложью, если бы она не напоминала о себе так настойчиво. Я просматриваю некоторые из своих заметок:

Древнеримский писатель Плиний Старший: «Страдающие падучей болезнью пьют даже кровь гладиаторов непосредственно из ран, точно из живых кубков».

Гален, живший во втором веке после Рождества Христова, пишет о своем коллеге, враче Ксенократе: «Он описал с большой смелостью, ссылаясь на собственный опыт, какие болезни могут быть излечены употреблением человеческого мозга, мяса, печени и костей черепа... наконец, употреблением крови».

Маршал Жиль де Ре. XV век. Один из ближайших сподвижников Жанны д'Арк. Исторические факты.

«Жиль де Ре привык купаться в крови, разрезая свои жертвы и ложась между ними. Иногда он опускался на колени перед горящими телами и смотрел в лица, освещенные лижущими их языками пламени; он любил созерцать головы, которые были засолены в сундуках, «самые красивые, чтобы сохранить их подольше» и целовать их в губы».

Он же: «Имя первой жертвы Жилья де Ре неизвестно. Говорили, это был мальчик, которого однажды вечером заманили в замок, и когда в потайной комнате де Ре удовлетворил свою противоестественную страсть, они с Прелати задушили несчастного ребенка, вырвали сердце из его еще теплого тела, принесли его, содрогавшееся и трепетавшее в агонии, в жертву демону, которого они вызвали с помощью магических заклинаний».

И еще: «Согласно поздним описаниям его преступлений, сам Жиль описывал ритуалы, которые ждали его жертв: сначала их раздевали, затыкали рот кляпом. Жиль ощупывал их, осматривал, удовлетворял свою похоть, а потом наносил удары кинжалом, расчленяя тела на части. Иногда он вскрывал живот, принохивался к внутренностям, руками расширял рану и садился в неё. Купаясь в тёплой кашнице, он поглядывал через плечо, стараясь не пропустить последний спазм своей жертвы. Он заявил позже, что «ничто не доставляло такой радости, как человеческие муки, слезы, страх и кровь».

Примечание: разместить на форуме любителей фильма «Сумерки».

Эржебет Батори. XVI век. Венгерская «Салтычиха». Ванны из крови молодых девушек для омоложения. Из протокола следствия:

«...было видно, что они все черны как уголь, потому что кровь запеклась на их телах. Всегда было четыре или пять обнаженных девушек, и слуги, взявшие хворост во дворе, видели, в каком они состоянии. Эржебет обычно обжигала девушкам щеки, грудь и другие части тела, набум тыча раскаленной кочергой. Время от времени собственными руками открывала им рот так резко, что его углы разрывались. Графиня вгоняла им под ногти иголки, приговаривая: «Маленькая сучка, если ей больно, она сама может их вытащить!» Пол ее спальни приходилось посыпать золой, иначе графиня не могла пройти через широкие потоки крови к своей постели».

Катрин Ла Вуазьен. XVII век, Париж. Производила подпольные аборты (в ее саду в Сен-Жермене было найдено 2500 закопанных детских трупики и неразвившихся эмбрионов), торговала любовными эликсирами и ядами. Ее сообщник (наставник?) аббат Гибур поклонялся дьяволу, целых два десятилетия практиковал черные мессы, используя для этого заброшенную церковь Сен-Марсель. Во время черных месс Гибур неоднократно убивал детей, которых покупал у обитателей нищенских кварталов Парижа за 5–6 ливров. Алтарем для мессы слу-

жил живот обнаженной женщины. Аббат Гибур добавлял младенческую кровь в облатки для совершения сатанинской мессы. Согласно рецептам черномагических инкунабул, ее использовали и для омоложения богатых клиентов. Гибур брал с них по сто тысяч ливров.

Монтегю Саммерс, исследователь феномена вампиризма. XIX век.

В особую категорию вампиров Саммерс включил 14-летнюю девочку из Франции, которая любила пить кровь из свежих ран, а также итальянского бандита Гаэтано Мамоне, у которого имелась «прекрасная привычка припадать губами к ранам своих несчастных пленников», и бесчисленных каннибалов всех времен и народов. Сюда же он относил и тех, кто питал аналогичное пристрастие к трупам, а не к живым людям. «Вампиризм представляется в более ярком свете, это вообще какое-либо осквернение трупов, и нет преступления более ужасного и отталкивающего».

Герметическое Братство Луксора.

«Эти маги также используют кровь (чей запах привлекает психических сущностей), желчь (будучи сожженной, она вызывает галлюцинации), кости (кремация и использование пепла), а также жидкости, выделяющиеся из трупов в первые часы после смерти. Это – избыточная физико-сексуально-химическая субстанция, которую душа не успела потратить во время жизни».

Орден Рубиновой Розы и Золотого Креста Самуэля Мазерса, основанный в 1898 году, в ритуалах которого использовались знания, почерпнутые в «Книге священной магии Абра Мелина», 1458 года издания. Мазерс был осужден в 1911 году за убийство, а точнее, за то что «совершил акт вампиризма с целью продления жизни». Вампиризм Мазерса и его последователей основывался на каббалистических представлениях: жизнь как бы растворена в крови, которая обладает многими магическими свойствами.

Цепи Мириам, Джулиано Кремери. Кровавые ритуалы с целью сознательного контакта с нечеловеческими сущностями, снабжающими адептов экстраординарными возможностями – в том числе и бессмертием в подлунном мире.

И еще сотни страниц: снова тайные общества, античные мистерии, упыри, поднимающиеся из могил в глухих деревнях, каббалистические знания, кровавые безумцы викторианской эпохи, пьющие кровь и разрывающие плоть своих жертв среди железа и смога наступающего нового времени. Но ни следа системы, которая оправдала бы изъятие из тела жертвы еще и почек с селезенкой. Ни одной зацепки, которая могла бы указать на то, что неизвестный потрошитель из петербургских дворов следовал какой-то определенной методике, а не был и в самом деле просто безумцем, чей разум не выдержал вот таких же прогулок по кладбищу древних знаний.

Кроме большого блокнота Moleskin, куда я записываю свои заметки о прочитанном, у меня есть еще один, маленький, с логотипом односолодового виски – подарок Марины. Туда я выписываю все имена с библиотечных карточек взятых мною книг: даже если мне не удастся найти оккультные мотивы, которыми руководствовался убийца, то по крайней мере у меня будут данные всех тех, кто предметно интересовался вампиризмом и кровавыми мистериями прошлого и настоящего. Мне пришлось применить все свое обаяние, чтобы убедить милейшую заведующую читальным залом редких книг в том, что мне просто необходимо знать своих коллег, работающих по той же теме, – конечно, исключительно для консультаций и обмена опытом. Теперь маленький блокнот тоже заполнен до половины, и позже я составлю список тех фамилий, которые встречаются чаще всего. Впрочем, я сомневаюсь, что кто-то из этих людей окажется двухметровым гигантом с кривым тесаком в руках.

Я смотрю на лежащую передо мной стопку книг. Иоганн Цопфеус, «Рассуждение о вампирах подчиненных», прекрасное издание Галле 1733 года. Хорст, «Сочинения и гипотезы

по поводу вампиров». Филипп Поп и его объемный «De Masticatione Mortuorum» 1679 года. Иоганн Харенберг, Джузеппе Даванцатти, Огюстен Кальме – все книги изданы не позже XVIII века. Отдельно лежат несколько страниц «Некрофилии»

Брауна – доклад, сделанный в 1874 году на ежеквартальном собрании медико-психологической ассоциации в Глазго, и книга Михеля Ранффта с романтическим названием «Трактат о мертвецах, жующих снесь в своих могилах», изданная в Лейпциге в 1734 году. Все это уже пора вернуть, но вот что читать дальше?

Я вздыхаю, собираю книги и иду к столу заведующей читальным залом.

– Как ваши успехи? Нашли то, что искали? – Татьяна Ивановна, кандидат искусствоведения, интеллигентнейшая пожилая дама, смотрит на меня через отсвечивающие синевой стекла очков в тонкой золотой оправе.

– Увы, – отвечаю я. – Сегодня тоже безуспешно. Прискорбно это признавать, но, возможно, я исходил из ложных предпосылок еще в самом начале своей работы.

– Какая жалость, – говорит Татьяна Ивановна, покачивая седыми кудряшками. – А напомните мне, Родион Александрович, какая тема статьи?

– «Символика и метафизическое значение органов человеческого тела в контексте оккультных традиций и эзотерических культов», – без запинки произношу я. – Для университетского сборника.

Татьяна Ивановна принимает у меня книги, делает пометки в формулярах, но я вижу, что она задумалась и терпеливо стою рядом, ожидая, когда она снова со мной заговорит. Я понимаю, что она грамотный, сильный специалист, опытный библиограф, и как профессионалу ей самой интересно, чтобы мои поиски завершились хоть каким-то положительным результатом.

– А знаете, что, – Татьяна Ивановна поднимает на меня взгляд своих голубых глаз, – возьмите-ка «Проблемы мистицизма и мистической символики» Зильберера. У нас есть его неплохое венское издание 1914 года. Если уж вы упомянули про символику, то Зильберер – самое то. А там, может быть, и еще какой-то кончик покажется, за который сможете потянуть. Принести вам?..

Впереди замаячила если не надежда, то во всяком случае возможность для продолжения поисков.

– Спасибо огромное, – сказал я искренне. – Конечно, я возьму.

«Кончик», о котором говорила Татьяна Ивановна, показался уже через полчаса быстрого чтения. Я чуть не застонал от очевидности открывшегося направления дальнейших изысканий, тут же мысленно отругав себя за ограниченность и узость мышления. Впрочем, это просто сказалось долгое отсутствие практики аналитической работы. Подобных интеллектуальных нагрузок я не давал себе уже года три, а о научных или литературных опытах и вовсе забыл лет на пятнадцать. И вот теперь отвыкший от такой деятельности мозг работал, как заржавленный механизм, и, конечно, был просто не в состоянии быстро открыть доступ к забытым знаниям, когда-то сваленным в дальних пыльных углах памяти. Прекрасный Герберт Зильберер со своей «Мистической символикой» осветил эти углы ярким светом и стряхнул пыль.

Усталость и гул в голове отступили. Я встал и снова направился к столу.

– Ну и как? – с любопытством спросила Татьяна Ивановна.

– Вы были правы, – улыбаюсь я. – Но боюсь, что теперь мне снова придется вас побеспокоить большим перечнем литературы.

– Я готова, – Татьяна Ивановна явно включилась в азарт поисков следов знаний, едва заметных в тонком прахе времен. Она не знает, что на самом деле мы с ней сейчас идем по другому следу – кровавому и грязному, отпечатавшемуся вполне отчетливо на мокром асфальте дворов-колодцев.

– Мне нужен Альберт Великий и Роджер Бэкон, – говорю я. – Что-нибудь базовое. К ним давайте добавим что-то по герменевтике и еще по алхимии: на ваш выбор, но обязательно с акцентом на прикладном значении алхимической символики. Сможете подобрать?..

– Разумеется. – И с улыбкой победителя Татьяна Ивановна исчезает за дверью хранилища.

Через некоторое время она возвращается, снова выходит и опять возвращается, каждый раз неся в руках высокие стопки книг. Она выкладывает их передо мной, называя каждую с гордостью королевы, представляющей цвет и гордость своей гвардии.

– Итак, принимайте. Сначала классика: Альберт Великий, «Чудесные тайны натуральной магии», лионское издание 1786 года, и Роджер Бэкон, «Опус тертиум», сравнительно новое издание, но все равно замечательное – Лондон, 1859 год. Дальше: Джамбаттиста делла Порта, три книги: «О небесной физиогномии», «О человеческой физиогномии» и «Натуральная магия», 1616, 1650 и 1651 годы соответственно. Так, вот еще Корнелий Агриппа фон Неттесгейм, «Оккультная философия в трех книгах». Арнальдо де Виланова, «Зеркало алхимии», Блез де Виженер, «Трактат об огне и соли» и Освальд Кроллий, «Королевская химия». К этому еще Раймонд Луллий, «О тайнах природы, или Квинтэссенция», очень редкое венецианское издание 1542 года, и классика: Парацельс, «Трактат о трех первоэлементах». И то, что вы просили по герменевтике: «Герметический музей», Лейпциг, 1749 год, Никола Ленгле-Дюфренуа, «История герметической философии», и Генрих Кунрат – автор небесспорный, но все же будет полезно посмотреть вот это: «Амфитеатр вечной мудрости». Ну и вот вам в дополнение работы Яна Баптиста ван Гельмонта и Роберта Фладда.

Татьяна Ивановна снова улыбнулась.

– Думаю, тут вам удастся кое-то найти. Только вот мы закрываемся через три часа, но я, конечно же, могу отложить все книги на завтра.

Я изображаю самую обаятельную из всех своих улыбок, понижаю голос и говорю:

– Татьяна Ивановна, а вы не очень торопитесь сегодня домой?..

Через пять часов мой блокнот уже полностью закончился и слегка распух от исписанных желтоватых страниц. Голова отказывалась работать и напоминала фильтр, через который сегодня сначала пропустили черные кровавые потоки информации о вампиризме, а потом – целые декалитры алхимических эликсиров, алкагеста, щелочи, соли и серы. В этом фильтре застряли обрывки понятий, магических символов и терминов пополам с богословскими выкладками, теургическими постулатами и мелкими зеленоватыми камешками из «Изумрудной скрижали» Гермеса Трисмегиста. Долгое отсутствие языковой практики тоже сказывалось не лучшим образом: если тексты на английском, немецком и французском давались сравнительно легко, то итальянский язык уже вызывал затруднения, а сквозь латынь и вовсе приходилось продирааться с большим трудом, и в результате я улавливал только общий смысл написанного, не вдаваясь в детали. Татьяна Ивановна терпеливо сидела с книжкой за своим столом и время от времени с интересом посматривала на меня. Желтоватый свет двух наших настольных ламп рассеивал полумрак опустевшего читального зала и не пускал сюда внешнюю влажную тьму, навалившуюся на оконные стекла.

Наконец я отложил в сторону последнюю книгу с ощущением, что если прочитаю еще несколько строк, то просто сойду с ума. Впрочем, в дальнейшем чтении уже не было необходимости. Теперь я точно знал, откуда почерпнул свои убеждения кошмарный ночной потрошитель. Я еще раз пробежал глазами свои последние записи, с многочисленными подчеркиваниями и окруженные множеством восклицательных знаков:

Корнелий Агриппа фон Неттесгейм:

«Следуя словам своего первого учителя, Гермеса Трижды Величайшего, они (алхимики) во всех своих изысканиях опирались на его слова о том, что “то, что внизу, подобно тому,

что вверху, а то, что вверху, подобно тому, что внизу. И всё это только для того, чтобы свершить чудо одного-единственного». Еще дальше пошел неизвестный нам адепт алхимического делания, уподобивший в своем “*Rubeus vinculum*” некоторые человеческие органы основным мировым стихиям: сердце – огню, почки – воде и воздуху и селезенку – земле».

Джамбаттиста делла Порта:

«И чтобы не упрекнули меня в бесосновательности моих умозаключений, сошлюсь на мнение тех, кто безусловно в большие степени, нежели я, преуспел в изучении тайн связи видимого и незримого миров, устанавливая эти связи через постижение символического значения органов человеческого тела. Так, в известном многим трактате “*Rubeus vinculum*” указано на то, что стихии материальной природы, каковы суть огонь, вода, воздух и земля, воплощаются в человеческом сердце, почках и селезенке».

Освальд Кроллий:

«Связи эти, между анатомиями макрокосма и микрокосма, которые мы именуем большим и меньшим миром, давно установлены, как и то, что в полноте своей меньший мир воплотился в человеческом теле. В “*Rubeus vinculum*” убедительно показано, что как огонь, вода, воздух и земля отражены в сере, ртути и соли меньшего мира, так дух, душа и тело отражены в сердце, почках и селезенке человека. И так каждый элемент триады соответствует другому в иной триаде: сера – дух – огонь – сердце, ртуть – душа – вода и воздух – почки, соль – тело – земля – селезенка. И в этом балансе все первоэлементы, стихии и органы связаны и гармоничны».

Блез де Виженер:

«Некоторые же, например автор небезызвестного «*Rubeus vinculum*», полагали, что следует разделять неживую и живую природу, используя соль, серу и ртуть для трансмутации металлов, а сердце, почки и селезенку человека для получения иного, но столь же совершенного эликсира для преобразования человеческого существа. Обе же эти трансмутации суть одно, и эликсир, полученный из человеческих органов, столь же является по духовной своей сути философским камнем, как и тот, что получен при помощи первоэлементов, но первый из них именуется, во избежание путаницы, ассиратумом».

Парацельс:

«Иные безответственные и самоуверенные выскочки и вовсе говорят, что можно разделять природу одушевленную и неодушевленную, а значит, разделять и природу трансмутации. Доходит до того даже, что в печально известном “*Rubeus vinculum*” безвестный автор рекомендует использовать органы человека – сердце, почки и селезенку – для приготовления эликсира, да еще и делать это в новолуние, уподобляясь язычникам, приносящим жертвы своим нечестивым богам и рабски зависящим от фаз небесного светила. От язычников переняли и название получающегося снадобья – ассиратум, которое было принято в языческом Риме для названия напитка из вина и жертвенной крови, а теперь предлагается ищущим, как имя для эликсира».

Ян Баптист ван Гельмонт:

«Этот эликсир, именуемый ассиратум, благословеннейший и наисовершеннейший из всех; тайна его изготовления превосходит человеческое понимание, и один лишь Бог может открыть ее избранному. Употребление его исцеляет всякий без исключения недуг и возводит тело человеческое к такому совершенству, что оно вовсе перестает испытывать болезни».

и открывает перед собой двери бессмертия, словно пронизанное благодатью Божественных энергий».

Я закрываю блокнот и кладу руку на стопку книг.

– Спасибо, джентльмены, – шепотом говорю я. – Мы славно поработали сегодня.

Мне чертовски хочется выпить, и сегодня вечером я, пожалуй, уступлю этому желанию. Я ловлю себе на мысли, что неплохо бы было выпить в компании, в которой я провел последние два дня, и пригласить с собой Корнелия Неттесгейма, делла Порту, Освальда Кроллия, де Виженера, ван Гельмонта и даже старого брюзгу Парацельса. Кажется, что я не просто читал книги, на страницах которых остались их мысли, мнения, и раздумья, а прожил с ними вместе как минимум полгода, наполненных совместными трудами, – и вот теперь эти труды мы успешно завершили. Конечно, нужно выпить. Всем вместе.

Я встаю со стула, чувствуя, что меня немного покачивает от усталости, и собираю тяжелые старые тома. Татьяна Ивановна заметила мое движение, отложила в сторону свою книжку и смотрит на меня выжидающе, незаметно кинув взгляд на наручные часы. Но у меня остался еще один вопрос.

«Rubeus vinculum». В переводе с латыни «Красные цепи». Книга, в которой, судя по всему, объяснены причины, дающие основания к тому, чтобы вырезать у людей сердца, почки и селезенки, сливать кровь и делать это непременно в новолуние. Книга, хранящая тайну приготовления ассиратума – философского камня, панацеи, эликсира алхимиков, созданного не из соли и серы, а из крови и плоти.

Я отдаю книги, одну за одной, рассыпаюсь в благодарностях за помощь, а Татьяна Ивановна принимает их с тем, чтобы снова отправить в хранилище, туда, где их еще очень, очень долго никто не потревожит, словно ветеранов давно забытых войн, которых вдруг собрали вместе, чтобы послушать рассказы о былых подвигах, а потом вновь отправляют в сонное существование стариковских приютов.

– Победа? – спрашивает Татьяна Ивановна. – Нашли все, что искали?

– Практически да, – отвечаю я. – Осталась еще только одна книга...

Заметив испуганное выражение, промелькнувшее у нее на лице, я быстро добавляю:

– Нет-нет, не сегодня, конечно. Просто скажите, есть ли она у вас, а я уже завтра приду. Буквально одна книга. «Rubeus vinculum». «Красные цепи».

Татьяна Ивановна качает головой, как мне кажется, несколько разочарованно.

– Увы, тут я не смогу вам помочь. В нашем зале ее точно нет.

Заведующая залом редких книг не может мне помочь. Перед моим мысленным взором мгновенно возникает образ древнего, пыльного рукописного фолианта, хранящегося в единственном экземпляре в недрах какой-нибудь ватиканской библиотеки, в которую мне не помогут попасть ни навыки коммуникации, ни поддельные документы.

– А где она есть? – выдавливаю я. Вся усталость прошедших двух дней как будто вновь разом навалилась на меня.

Татьяна Ивановна пожала плечами.

– Видите ли, «Красные цепи» не являются библиографическим раритетом. Книжка, конечно, не самая известная и распространенная, но, если мне не изменяет память, последний раз она издавалась на русском языке примерно в начале девяностых, то есть лет двадцать назад. Думаю, что вы без труда найдете ее в общем читальном зале.

Татьяна Ивановна погасила лампу, взяла ключи и посмотрела на меня:

– Удивительно. Столько труда, и... Из всех книг, которые вы запрашивали за последние дни, только «Красные цепи» не является редкой. И насколько я могу судить, не представляет никакой ценности.

Глава 5

Алина сидела в кабинете медицинского центра «Данко» и откровенно скучала. Точнее было бы сказать – «в своем кабинете», но она пока не могла привыкнуть к тому, что это роскошно обставленное огромное помещение, так не похожее на скромное рабочее место в Бюро, теперь является ее кабинетом. Плавные металлические обводы письменного стола со столешницей из толстого матового стекла. Роскошное кожаное кресло с несколькими режимами раскачивания – видимо, для того, чтобы было чем заняться в долгие часы вынужденного безделья. Черные стулья для посетителей на блестящих стальных рамах. Пустые шкафы, сверкающие хромом и стеклом множества полок, только на одной из которых стояли пять канцелярских папок, лишь подчеркивающих пустоту незанятого пространства. Белоснежная смотровая кушетка, которая вполне могла бы стать стильным предметом домашней мебели. При этом в кабинете еще оставалось достаточно места, чтобы здесь мог разместиться танцпол небольшого клуба. На все это великолепие Алина любовалась уже добрых полтора часа, не зная, чем занять себя в ожидании приезда Кобота, который звонил ей пару часов назад и обещал прибыть с минуты на минуту. Дошло до того, что она даже принялась раскладывать пасьянс на рабочем компьютере, внутренне презирая себя за это занятие, достойное разве что секретарш и офисных бездельников.

Ничего неделание было особенно тяжелым по контрасту с предельно насыщенными последними днями. В четверг она закончила повторное исследование тела последней жертвы, и потом, не в силах оставаться без всякого занятия, еще немного занялась текущей работой: автомобильная авария, самоубийство, утопление. В пятницу утром она ездила на кладбище: Кобот сдержал обещание и в немислимо короткие сроки получил запрос на эксгумацию трупа девушки-телохранителя, и весь день ушел на то, чтобы провести вскрытие уже изрядно тронутого разложением тела и составить заключение. Алина решила не затягивать с докладом Коботу о результатах своих изысканий, к тому же ей хотелось побыстрее выйти на работу в «Данко» хотя бы для того, чтобы принять дела и посмотреть на этот знаменитый медицинский центр. Поэтому в пятницу вечером она позвонила Коботу, получила от него гордые заверения в том, что «Данко» работает «семь дней в неделю двадцать четыре часа в сутки», и договорилась на встречу в субботу. Дисциплинированная Алина была на месте уже в десять утра, полагая, что ей понадобится достаточно много времени, чтобы разобраться со своими новыми служебными обязанностями, и встретила здесь Эдипа. Он подждал ее у входа как дорогую гостью и сказал, что Кобот поручил ему «все показать и все рассказать». Было заметно, что он отнюдь не лучился счастьем от перспективы именно так провести субботний день, но Алина отметила, что Эдип-Эдуард свое недовольство тщательно скрывает, демонстрирует радушие и вообще ведет себя с ней несколько заискивающе.

Работа, о сути которой рассказал ей Эдип, оказалась более чем странной – как, собственно, и сам центр.

«Данко» расположился в огромном четырехэтажном здании бывшей текстильной мануфактуры – невероятная роскошь по меркам тесного городского центра, где дома так плотно прижаты друг к другу, что уже слиплись от времени, плесени, болотной сырости и туманов. Стены были сложены из красного необработанного кирпича в духе промышленного конструктивизма начала прошлого века. Большие квадратные окна забраны частыми переплетами рам. Одна сторона здания с огромными двустворчатыми дверьми главного входа выходила на набережную канала и храм, расположенный напротив, две других – на узкие боковые переулки. К четвертой стене приклеился старый пустой дом, обнесенный высоким забором с колючей проволокой и с намертво заколоченными листовым железом дверьми и окнами первого этажа.

Видимо, дом был расселен и теперь покорно ждал начала капитального ремонта, шурясь в серое небо пустыми глазами окон, слезящимися разбитыми стеклами.

Над парадным входом красовалась помпезная золоченая вывеска с названием, логотипом – поднятые вверх ладони со стилизованным изображением сердца, – и слоганом «Сердце – людям!». За входными дверями был небольшой пустой холл и широкая лестница, ведущая к внутренним дверям. У подножия лестницы застыли позолоченные статуи лежащих львов, видимо, доставшиеся по наследству от сгинувших в забвении первых хозяев здания. Справа от лестницы был пост охраны: массивная железная будка с пуленепробиваемыми стеклами и двумя мрачными вооруженными стражами, внешностью и габаритами более подходящими для охраны офиса какого-нибудь «авторитетного бизнесмена», а не частной клиники. Проходя мимо, Алина заметила в углу караульного помещения прислоненный к стене дробовик.

За второй дверью, которую Эдип открыл электронным ключом-картой, среди античных колонн, огромных аквариумов и навязчиво золотого декора располагались гардероб, вестибюль и длинная стойка регистратуры. За ней Алина увидела пару смертельно скучающих девиц, судя по виду, имевших отношение скорее к конкурсам красоты и модельным показам, чем к медицине. На втором этаже были лаборатории, кабинет компьютерной томографии и прочие диагностические отделения, на третьем – несколько кабинетов врачей, в том числе и новое рабочее место Алины, а весь четвертый этаж занимали рабочие апартаменты самого Кобота.

– Ну, туда мы пока не пойдем, – замявшись, сказал Эдип. – Даниил Ильич не любит, когда ходят по четвертому этажу в его отсутствие. Да и потом, туда дверь открывается только его картой, а у меня нет доступа, пришлось бы охрану просить... Лучше уж подождем.

Алина отметила некоторую странность в планировке внутренних помещений: на каждом этаже коридор, ведущий в сторону заброшенного дома, был гораздо короче, чем его противоположная часть. Коридоры заканчивались глухой стеной. На взгляд Алины, за этими стенами могла скрываться добрая треть общей площади здания.

Когда после короткой экскурсии по медицинскому центру они пришли в ее кабинет и Эдип приступил к объяснениям должностных обязанностей, Алина удивилась уже по-настоящему. Конечно, она ожидала, что ее работа в «Данко» будет носить в известной степени символический характер, но чем дальше она слушала пояснения Эдипа, тем больше становилось ее удивление.

– Все, что тебе нужно делать, – вести прием. Это занимает максимум два дня в неделю. Пациентов тут все равно немного: у меня их восемь, например, у Мампории – семь. Для тебя вот подобрали пятерых. Так что спокойно можешь приходить сюда пару раз в неделю на несколько часов, и все.

Эдип достал из шкафа стоящие там папки и положил на стол перед Алиной.

– Так вот, – продолжал он. – Приходит к тебе пациент, ты вежливо с ним общаешься и направляешь на полную диагностику: анализ крови, КТ, флюорография, короче, вообще все. В некоторых случаях даже не на полную диагностику, а только на некоторые виды исследований. Потом получаешь результаты, убеждаешься, что клиент совершенно здоров, сообщаем ему об этом по телефону – и все. Дело сделано. Подшила результаты в папку и ждешь следующего месяца, когда пациент снова придет.

– И все?

– Все.

Алина посмотрела на Эдипа. Он сидел напротив и совершенно спокойно смотрел на нее.

– А если пациент не совершенно здоров? Эдик, ты же врач, ты не хуже меня знаешь, что такого почти не бывает, чтобы полная диагностика чего-нибудь не выявила. Что тогда?

Эдип ухмыльнулся.

– Ну, а вот здесь такое бывает. Точнее, тут всегда так. Пришел, обследовался, здоров – всего хорошего, приходите через месяц.

Алина помотала головой.

– Мы работаем с отрядом космонавтов?

Эдип коротко хохотнул, обнажив крупные желтые зубы.

– Нет, не космонавты. Хотя в каком-то смысле можно и так сказать. Да ты посмотри сама, – он кивнул на лежащие перед Алиной папки.

Алина открыла первую.

– Ого! – сказала она и открыла вторую. – Ого!

И тут же откинула обложку третьей папки.

– Ничего себе!

Эдип с улыбкой наблюдал за ней.

– А ты как думала, – сказал он. – Тут все клиенты такие... непростые.

– Знаешь, – медленно произнесла Алина, листая вложенные в папки страницы. – Я могу представить, как совершенно здоровой может оказаться молодая жена иностранного футболиста. Но я не могу понять младенческого здоровья пожилого эстрадного певца, двух уже немолодых бизнесменов и, что уж совершенно невероятно, генерал-полковника из Министерства обороны.

Она подняла взгляд на Эдипа.

– Это нормально, по-твоему?

Тот как-то искоса посмотрел на нее.

– Ну... здесь нормально. И вообще, привыкай не удивляться. – Эдик показал на раскрытые папки. – Это еще что! У меня, между прочим, кроме бизнесменов, два члена городского правительства – и тоже богатырского здоровья. А еще, – он понизил голос, – начальник ГУВД и Галачьянц.

– Да что ты говоришь, – протянула Алина. – Начальник полиции города? Надо же... А Галачьянц – тот самый?

– Ну да, – сказал Эдип. – Тот самый. «Алеф Групп» и прочее. Миллиардер.

Алина посмотрела на Эдипа чистым взглядом зеленых глаз.

– Слушай, Эдик, – сказала она – а ты завтракал сегодня? Я вот как-то не успела. Пойдем, перекусим куда-нибудь? Посидим, поболтаем. А Коботу я расскажу, как ты все чудесно и замечательно мне объяснил.

Эдик поморгал и кивнул.

Перекусить они направились в расположенную недалеко японскую забегаловку, из того огромного множества сетевых заведений, которые так легко спутать друг с другом. Алина выбрала дальний столик в углу зала для курящих, чтобы Эдип чувствовал себя комфортно. Долговязый прыщавый юноша принес им перепачканное чем-то липким меню, которое они оба тут же отложили в сторону и попросили принести им бизнес-ланч. В ожидании заказа Эдип курил, пуская в воздух густые клубы дыма, и говорил, периодически понижая голос и наклоняясь к Алине через стол.

– Бабла вложено немеряно, – сообщил он, обдавая Алину запахами табака и нечистых зубов. – Все это здание, в котором сейчас «Данко», было куплено за деньги, представляешь? Четыре этажа таких площадей коммерческой недвижимости в центре! Плюс оборудование – все самое современное, закутали за границей, вообще не торгуясь. А ремонт? Здание купили в декабре, а уже в марте начали принимать людей. Три месяца! Там бригады работали круглые сутки. Вообще, Ильич, конечно, красавец, такое сделал!

Эдик выдохнул, и Алина чуть поморщилась от окутавшего ее дыма.

– Это же фонд какой-то швейцарский деньги вложил, да? – спросила она.

Эдип махнул рукой с сигаретой, серый столбик пепла упал на несвежую скатерть.

– Да какой фонд! Все деньги отсюда, так только, для приличия прогнали через зарубежные конторы, чтобы вопросов не было.

«Язык твой – враг твой, Эдик, – подумала Алина. – Язык, а еще любопытство».

Прыщавый отрок принес на подносе миски с чуть теплым супом, салаты из каких-то растений и по длинной тарелке с суши и роллами. Эдик потушил сигарету и с жадностью принялся за еду. Алина тоже аккуратно взяла ложку и попробовала суп, бульон для которого, кажется, варили на чистой соли.

– Слушай, ты вот говорил про здание, – сказала она, – а что там за стеной? Ну, я имею в виду, есть же какое-то пространство за стенами, с той стороны, где пустой дом? Там что?

Эдик быстро посмотрел на нее и пожал плечами.

– Я не знаю. Может, склад какой-то: Кобот ведь не только диагностическое оборудование закупал, а еще и лечебное, и исследовательское. Я сам видел, как привозили хирургические столы, например, но они же не используются. Значит, должны где-то храниться. И много еще чего купили и спрятали куда-то.

Он звучно отхлебнул суп из ложки.

– Туда проход есть, с четвертого этажа – на одной стороне коридора кабинет шефа, а на другой – железная дверь. Только я там не был никогда. Она всегда закрыта, доступ имеет только шеф, к тому же там еще дополнительный механический замок есть. И ключ Ильич у себя в кабинете держит.

– Да, так странно. – Алина покачала головой. – Надо же, лечебное оборудование закупили и закрыли. И никого не лечат, все и так здоровы...

Она бросила взгляд на Эдипа. Тот сосредоточенно ел с видом человека, которому страшно хочется что-то сказать и он изо всех сил сдерживается, заталкивая себе в рот пищу, как кляп.

– Удивительно, – продолжала рассуждать вслух Алина. – Такие люди, все приходят здоровые – и просто наблюдаются. И ведь непонятно, откуда узнают про клинику: рекламы никакой нет. Ну ведь не просто так, мимо проезжали и зашли убедиться, что здоровы?

Эдик со стуком положил ложку.

– Ну конечно, не просто так! – Он снова нагнулся к Алине. – Вообще, я думаю, что всех приводит Кобот, по знакомым там или еще как-то. Происходит так: приезжает новый клиент. Сразу идет на четвертый этаж. Сидит там с шефом час, иногда больше – я не знаю, что они там делают. Может, договор подписывают, может, деньги считают, может, водку пьют.

«А может, гуляют туда-сюда через запертую дверь в закрытую часть здания», – подумала Алина.

– Потом клиент уходит, а ровно через месяц возвращается для диагностики. И все – потом просто раз в месяц, день в день, приезжает, проверяется. Ну, в виде исключения, к некоторым я сам езжу. Например, к Галачьянцу. Он, правда, не сам у нас наблюдается, а его дочь, Маша. У нее просто нужно кровь брать на полный лабораторный анализ, так что ничего, мне не сложно раз в месяц поработать медбратом на дому. И то же самое: анализ сделали, все в порядке, отзвонились, доложились.

Эдик взял палочками кусочек сырой рыбы на слипшемся холодном комке риса и бросил в рот.

– Раньше, когда только начинали, клиентов мало было, человека три, – сказал он, жуя. Несколько зернышек риса вылетели изо рта на стол. – Маша Галачьянц была с самого начала и еще два пациента, их Мампория сейчас ведет. А один раз был случай – клиента привезли ночью. Мне один наш охранник рассказал, Гоша, мы с ним курить ходим. Так вот, ночью, часа в два, сначала Кобот примчался, а минут через десять привозят человека: пожилой мужик, почти без сознания, еле дышит. Его двое на носилках занесли прямо на четвертый этаж. А потом через час где-то этот же мужик спускается сам вниз, жмет Коботу руку, благодарит и уезжает. Вот так. И знаешь, кто это был?

Эдип нагнулся почти к самому лицу Алины, и она чуть отстранилась на случай, если изо рта ее собеседника снова полетят фрагменты пищи. И в самом деле: Эдип прошипел имя загадочного ночного пациента таким свистящим шепотом, что рис обильно посыпался ему на подбородок.

– Вор в законе, – прокомментировал Эдик названное имя, вытираясь салфеткой, – Смотрящий по Питеру.

Алина слушала и кивала. Настало время для последнего, очень деликатного вопроса.

– Эдик, вот ты все знаешь, – начала она.

Тот откинулся на спинку стула и важно кивнул, ковыряя в зубах.

– Я все думала... В декабре Кобот приобретает здание в центре, потом покупает оборудование, делает ремонт, нанимает врачей на диагностику и лабораторные анализы. А начиная с марта, когда центр начинает работу, одновременно начинаются и эти... происшествия. Убийства.

Эдип замер и напряженно смотрел на Алину. Зубочистка неподвижно торчала у него во рту.

– И происходят они каждый месяц. И клиентов в «Данко» становится все больше, и они тоже приходят каждый месяц, здоровые, как на подбор. А еще эти закрытые помещения за стеной... Ты не думал, как все это связано?

Зубочистка сломалась со слабым треском. Эдип бросил обломки в пепельницу, снова закурил и серьезно посмотрел на Алину.

– Не думал, – тихо сказал он. – И тебе вот на эту тему думать не советую. Мы делаем свое дело и получаем свои деньги. Сколько он тебе дал в месяц, триста?

Алина промолчала.

– Ну триста, триста. Я знаю, он и нам с Мампорией столько же дал. И за десятку баксов в месяц, работая пару дней в неделю, я готов не думать о том, о чем не следует. А писать как раз то, что следует.

Эдип сделал большой глоток зеленого чая и шумно прополоскал рот.

– Может быть, он кого-то прикрывает. Может, это чей-то сын, или брат, или сват резвится по ночам с ножом. Я не знаю и знать не хочу, правда. И пока мне платят триста тысяч в месяц за работу медбрата на четверть ставки, я правила игры буду соблюдать.

Повисла неловкая пауза. Эдип молчал и курил, глядя в окно. Внезапно зазвонивший телефон Алины заставил его вздрогнуть и повернуться в ее сторону. Алина посмотрела на экран.

– Это Даниил Ильич, – улыбнулась она. – Наверное, звонит сказать, что скоро будет.

Эдик криво ухмыльнулся в ответ, выловил пробежавшего мимо долговязого официанта и попросил счет.

* * *

Кобот потянулся и шумно втянул ноздрями жаркий воздух. Алина вышла от него минут десять назад, но тонкий волнующий аромат духов еще витал в кабинете. Даниил Ильич еще раз глубоко вздохнул, печально покачал головой и склонился над папкой с отчетом об эксгумации, который оставила ему Алина.

Конечно, ему бы следовало поговорить с ней гораздо раньше. Теперь это стало совершенно очевидно, и Кобот не мог понять, почему в свое время он привлек к своим делам только Иванова и Мампорию, но не решился предложить сотрудничество Алине. Отчасти это заслуга Эдипа-Эдуарда: он был так убедителен, говоря о принципиальности Алины, что Кобот ему поверил и решил поосторожничать и не посвящать ее в некоторые деликатные детали работы Бюро. К тому же у них уже был второй эксперт, Георгий Мампория, который согласился на

предложенные ему условия, а двое – это уже много для того, чтобы тайна оставалась тайной. Отчасти сказалося и то, какой сам Кобот видел Алину: всегда строгая, профессионально сдержанная, в образе маленькой неприступной Снежной Королевы с золотисто-рыжими волосами. Кобот даже не представлял, как вот так запросто пригласит ее в кабинет и предложит каждый месяц давать фальсифицированные заключения по исследованиям явно криминальных трупов в обмен на материальное вознаграждение. Подсознательно он ожидал от нее именно той реакции, которая последовала три дня назад, когда между ними состоялся первый разговор на эту тему: резкий отказ и заявление в прокуратуру со всеми вытекающими последствиями, не смертельными, конечно, но малоприятными.

Но выходит, что он зря опасался. Алина в итоге согласилась на его предложение так же, как и остальные. Все-таки деньги есть деньги, и убитые девушки, что ни говори, чужие, а вот триста тысяч в месяц – свои. Но Коботу хотелось думать, что Алина дала согласие на сотрудничество не только из-за денег. Наверное, значительную роль во всем этом все же сыграли его мужское обаяние и харизма, в которых он не сомневался.

Кобот снова покачал головой и улыбнулся. Да, нужно было предложить Алине сотрудничество раньше, и сейчас он не имел бы тех чисто организационных проблем, которые возникли из-за этого неожиданного трупа девицы-бармена и не менее неожиданного появления Алины на месте преступления. Да и сама она уже побывала бы здесь, в «Данко», в его кабинете на четвертом этаже, и прониклась бы еще большим уважением к его силе и статусу. А ведь сила и статус мужчины – это то, что очень, очень важно для любой женщины. И личные апартаменты Кобота в медицинском центре подчеркивали эти качества со всей возможной полнотой.

В отличие от минималистичного хай-тека, в котором были выдержаны кабинеты врачей, четвертый этаж должен был поражать торжественным и пышным имперским стилем. Широкий коридор, стенные панели из благородных пород дерева, толстые ковры, сотканые вручную. Огромная комната для переговоров, которую уместнее было назвать залом, с длинным столом и двумя десятками стульев, стилизованных под антикварную мебель девятнадцатого века. Обширная приемная, которой заканчивался коридор, с кожаными креслами, диванами, и гигантским столом, за которым восседала секретарша – и не какая-нибудь унылая поношенная кляча, как в Бюро, а самая настоящая мисс Краса России то ли прошлого, то ли позапрошлого года: высокая, холеная, блондинистая и дорогая, как мебельный гарнитур в приемной. Апофеозом всего этого великолепия был сам кабинет. К его обустройству Кобот подошел с особым тщанием: если кабинет в Бюро был рабочим местом функционера, пусть даже высокопоставленного, и хранил в своей обстановке и атмосфере память обо всех тех унылых патологоанатомах, которые занимали его раньше, то кабинету в «Данко» Кобот стремился придать черты своей собственной яркой индивидуальности. Кроме дорогой тяжеловесной мебели – мореный дуб, кожа, ткань ручной работы, – расположившейся на широких просторах букового паркета и персидского ковра, тут были написанные маслом картины на стенах, книги в кожаных переплетах, слипшиеся на полках шкафов в декоративные ряды, блестящие стеклом рамки с дипломами и сертификатами и даже охотничьи трофеи. Голова кабана с двумя устрашающе торчащими из пасти клыками укреплена над длинным кожаным диваном, а напротив нее, глаза в глаза – голова оленя, украшенная ветвистыми рогами.

Кобот был уверен, что кабинет произвел на Алину сильное впечатление. В конце концов, так и задумано: тут все должно подчеркивать стиль, вкус и статус хозяина. Он видел, как внимательно посматривала она по сторонам, когда рассказывала о результатах эксгумации. Надо придумать предлог и как-нибудь попросить ее задержаться в «Данко» допоздна. Тогда он отпустит свою декоративную секретаршу и пригласит Алину к себе: хороший коньяк или коллекционное вино, вечер, дождь за окном, негромкая проникновенная беседа... кто знает, как долго сможет сопротивляться всему этому кажущееся бесстрастным сердце маленькой Снежной Королевы.

Кобот помотал головой и постарался все-таки сосредоточиться на чтении. Так уж несправедливо устроена жизнь: успехи и достижения обязательно должны быть отравлены какой-нибудь неприятной, досаждающей пакостью, преподнесенной тебе судьбой неожиданно и словно бы с издевательской усмешкой. Вся роскошь его апартаментов вряд ли могла сильно впечатлить клиентов «Данко», да они и не особо рассматривали столь тщательно подобранные детали интерьера: быстро проходили прямо в кабинет, проводили там ровно столько времени, сколько было нужно, и быстро уходили, получив желаемое. Огромный зал для переговоров пустовал, и самым частым его посетителем являлась уборщица, стиравшая пыль со стола и антикварных стульев: совещания проводить было не с кем и незачем, многочисленным делегациям деловых партнеров тоже было взяться неоткуда, а с теми партнерами, которые действительно имели решающее значение для бизнеса Кобота, приходилось встречаться в других, гораздо менее приятных местах. Для своих пациентов он не стал ни другом, ни даже знакомым: никто не спешил приглашать Кобота на праздники или клубные вечеринки, и он с досадой думал о том, что остается для всех просто патологоанатомом, пусть и ставшим по ряду причин незаменимым, но от этого нисколько не более уважаемым. Временами он чувствовал себя человеком, который прошел без приглашения на светский прием, и все знают, что приглашения у него нет, и смотрят на него с легким презрением. А теперь даже женщина, которая так ему нравилась и о которой он думал все чаще, явилась к нему в кабинет только затем, чтобы сообщить не самые лучшие новости. Да что уж там, прямо скажем: тревожные и неприятные новости.

Кобот еще раз пробежал глазами строки акта исследования эксгумированного тела, вздохнул, взял в руки телефон и набрал номер.

– Абдулла, привет. Это я.

– Да, привет, ну, что у нас? – прокаркал в трубке знакомый голос. На заднем фоне был слышен звук включенного сигнала поворота и чей-то невнятный бубнеж: видимо, Абдулла куда-то ехал со своим водителем и многочисленными охранниками, на которых Кобот не мог смотреть без дрожи.

– Мой эксперт закончил все исследования, мы даже выкопали одно тело. Ну что, все подтвердилось. Последний инцидент – это наш случай. Вот.

– Точно знаешь?

Кобот помедлил.

– Да, – наконец сказал он. – Я уверен, и мой эксперт тоже. Оружие и способ...

– Давай по телефону меньше слов, да? – перебил его Абдулла. – Понятно все. Значит, кинуть меня захотели... – И он добавил несколько хриплых ругательств на незнакомом языке.

Пауза. Кобот ждал. В трубке по-прежнему слышались голоса: то ли брань, то ли просто разговор – он никогда не мог разобраться в интонациях земляков Абдуллы.

– Слушай меня, – заговорил тот. – Я сегодня в Москву лечу по делам, а им встречу назначу на следующей неделе, когда буду готов, разберусь раз и навсегда, чтобы непоняток таких у нас больше не было. Встречаться у тебя будем, где и раньше. Ты тоже придешь, понял?

– Понял. – Кобот проглотил неприятный комок в горле.

– Хорошо. Ну а ты давай там, нажимай по своей главной работе. У нас теперь другого не дано, все от тебя будет зависеть, как ты сработаешь. Я когда вернусь, тебе еще материал привезу, много, так что старайся, если все так сложилось, времени совсем немного у нас. Понял меня?

– Да.

– И что там эта твоя экспертша? Точно нормально все с ней?

Кобот снова вздохнул.

– Все совершенно нормально, Абдулла. Она уже на работу ко мне вышла, все исследования сделала, как надо. Нет проблем.

– Ну хорошо. Смотри, под твою личную ответственность, ясно?

Кобот с тоской посмотрел в окно и кивнул.

– Ясно.

– Все тогда. Позвоню тебе, когда встреча будет. – И, прокаркав, по обыкновению, несколько непонятных слов, Абдулла отключился.

Кобот положил трубку на стол и вытер со лба мелкие капельки пота: проклятые нервы, проклятая жара в кабинете, с которой ничего нельзя поделывать. Иногда цена, которую ему лично приходилось платить за этот кабинет, за огромные деньги, которые он здесь зарабатывал, за лимонно-желтый «Range Rover», за всю свою теперешнюю жизнь, казалась ему несправедливо большой.

Он еще некоторое время посидел в кресле, потом открыл ящик стола, вытащил оттуда стальной ключ, встал и направился к дверям. Абдулла был прав: у него есть гораздо более важная работа, чем выполнять представительские функции хозяина «Данко», и в работе этой надо было «нажимать», и чем сильнее, тем лучше. К тому же в ее результатах он был заинтересован лично – и даже больше, чем мог себе представить Абдулла.

Кобот вышел из кабинета и не спеша пошел по широкому коридору в сторону массивной железной двери в дальнем его конце.

* * *

В воскресенье Алина хотела отдохнуть и спокойно подумать. Ей нужно было снова почувствовать стремительно забытое ощущение нормальной жизни: начать день с пробежки в парке, позвонить папе и наконец-таки приехать к нему в гости, что она собиралась сделать уже пару месяцев. Сейчас ей очень этого хотелось: провести с ним время, поговорить, может быть, даже съездить на стрельбище – отец увлекался стендовой стрельбой, и Алина несколько раз присоединялась к нему, азартно пытаясь попасть по летящим тарелочкам из тяжелого ружья. Потом можно вместе поужинать в тихом, приличном месте: что-нибудь итальянское идеально подойдет для такого случая. А вечером она будет сидеть дома с книжкой и бокалом вина под уютное бормотание телевизора, и вот тогда, когда мысли ее, взбудораженные лихорадкой событий последних дней, успокоятся, она сможет здраво и отстраненно подумать обо всем, проанализировать происходящее и решить, как действовать дальше.

Но не тут-то было.

Гронский позвонил в субботу поздно вечером, когда Алина уже готовилась ко сну, полная приятного предвкушения завтрашнего, так чудесно распланированного дня. Признаться, она и не вспоминала о нем последнее время, и вот под вечер он снова замаячил на ее горизонте в своем черном одеянии, неся в себе скрытую угрозу всему, что Алина привыкла называть нормальным, как темная полоска туч несет угрозу ясному солнечному дню. Однако Гронский был и оставался единственным человеком, не только посвященным в ее семейную тайну, но и тем, с кем она обсуждала загадочные и пугающие события последней недели. Поэтому Алина только вздохнула и согласилась встретиться с ним завтра, в полдень, в баре «Винчестер», том самом, где работала убитая Марина и во дворе которого состоялось их знакомство.

Они вошли в бар через распахнутую деревянную дверь, и тусклое звяканье колокольчика возвестило об их прибытии. При свете серого дня «Винчестер» показался Алине похожим на лавку сумасшедшего старьевщика, в которую стащили содержимое пары древних коммуналок и бабушкиных дач: разномастные хромые столы, колченогие скрипучие стулья, какие-то немислимые шкафы и буфеты, один из которых стоял справа от входа и отгораживал входную дверь от того, что в более приличном месте называлось бы залом. Затоптанный ковер, вросший в пол перед барной стойкой, казалось, лежал тут с самой постройки дома и был так грязен, что с трудом можно было различить рисунок. Сам пол, темный, дощатый, был испещ-

рен черными пятнышками растоптанных жевательных резинок, следами окурков и засохшими пятнами разлитого пива. К потолку были приклеены старые пластинки, прибиты посеревшие от грязи майки футбольных клубов, а рядом с перекошенной железной люстрой угрожающе покачивалась на двух тонких шнурах дырявая байдарка. Над барной стойкой печально свисали многочисленные бюстгальтеры, всех цветов и размеров, похожие на вымпелы корабля, попавшего в штиль. В баре царила пыльная душная тишина.

– Это место мне кажется необитаемым, – заявила Алина, скептически оглядываясь вокруг. – Не удивлюсь, если увижу в углу скелет последнего посетителя, обнимающий пивную кружку. Сюда вообще кто-нибудь ходит?

– Днем и в будни почти никто, только свои, – ответил Гронский. – Но в пятницу и субботу сюда не войти, а столики заказывают за несколько дней.

И в подтверждение своих слов он показал на зеркало напротив входа, на котором красовалась надпись: «В пятницу и субботу – АД!»

– Я вижу, – скептически отозвалась Алина. – По-моему, тут уже ад. Банька с пауками в углах, как у Достоевского.

Гронский улыбнулся и прошел направо, лавируя между беспорядочно стоящих столов и стульев. Алина последовала за ним, опасливо придерживая полы своего светлого пальто. Они сели за столик, сооруженный из старого пивного бочонка и верхней части большой деревянной катушки для кабеля, при этом Гронский уселся на бесформенный грязно-синий диван, который выпустил из себя облако пыли, а Алина, старательно отгоняющая мысли о клещах, клопах и прочих паразитах, живущих в этих мягких недрах, осторожно присела на ветхий деревянный стул.

– Похоже, вчера вечеринка удалась, – произнес Гронский, стягивая пальто и оглядывая бар. – Девочки даже прибраться не смогли.

И действительно: на барной стойке и некоторых столах стояли полупустые пивные бокалы, пепельницы, похожие на ежей, ошетилившихся окурками вместо иголок, и тарелки с присохшими объедками.

– А где сами девочки? – спросила Алина.

– Сейчас найдем. – Гронский поднялся. – Заодно и закажу что-нибудь. Будете кушать?

– Вы, верно, шутите, – ответила Алина. – Мне только минеральную воду. Желательно в закрытой бутылке.

Гронский снова улыбнулся и направился мимо стойки во второй зал, в котором располагалась грубо сколоченная маленькая дощатая сцена. Там же обнаружили и девочки: одна спала крепким сном, свернувшись калачиком, на диване, являвшемся, по-видимому, младшим братом того, на котором до этого сидел Гронский. Другая расположилась в гамаке, подвешенном в оконном проеме, и выставила босые ноги навстречу белесому свету дня.

– Привет, Снежана, – сказал Гронский. – Как прошла ночь?

Девушка в гамаке зашевелилась и повернула голову на звук его голоса.

– Привет, Родион, – слабо отозвалась она. – И не спрашивай. Слушай, сделаешь себе сам кофе или покушать? У меня сил нет.

– Снежа, я бы с радостью, но я не один. Кстати, а кто сегодня на кухне?

– Рома. Но он тоже спит.

– Я буду очень признателен, если ты его разбудишь и попросишь сделать для меня яичницу, он знает, как я люблю. И еще нам два кофе и минералку.

Снежана со стоном принялась выбираться из гамака, а Гронский вернулся к ожидавшей его Алине.

– Ну вот, все прекрасно, – возвестил он. – Я разбудил девочек, и сейчас нам сделают кофе и яичницу. Кстати, очень рекомендую, если все же передумаете насчет второго завтрака.

Это блюдо удастся местному повару на удивление хорошо. Правда, это вообще единственное, что ему удастся.

Алина покачала головой.

– Нет уж, увольте. Я собиралась сегодня поужинать с отцом в итальянском ресторане, не хочу перебивать аппетит. Если, конечно, разговор, ради которого вы меня привели в это чудесное место, не затянется до вечера.

За барной стойкой надрывно загудел кофейный аппарат. Гронский откинулся на спинку дивана, закурил и посмотрел на Алину.

– Я нашел мотив, которым руководствуется убийца. Точнее, источник этого мотива. Думаю, это существенно сузит круг наших поисков.

Гронский как мог коротко рассказал Алине о том, как провел последние дни: про библиотеку, про логику своих исследований и про то, как постепенно все нити его изысканий сошлись к одной книге – «Красные цепи», в которой говорилось о возможности создания эликсира, ассирагума, из органов человеческого тела и крови. К тому времени, когда он закончил свой рассказ, у Алины уже кончились кофе и терпение.

– То есть вы полагаете, что убийца читал вот эту книгу, «Красные цепи»? – спросила она.

– Я в этом не сомневаюсь, – кивнул Гронский.

– И на основании изложенного в ней он совершает свои преступления каждое новолуние?

– Именно так.

– Что ж, это только подтверждает мою версию о том, что мы имеем дело с сумасшедшим.

– Почему? – искренне удивился Гронский.

– Да потому что только психически нездоровый человек в состоянии всерьез полагать, что может почерпнуть знания о создании какого-то снадобья...

– Ассирагума, – подсказал Гронский.

– Да неважно! О создании какого-то чудодейственного лекарства из книги по алхимии, да еще и начать действовать в соответствии с тем, что вычитал. Говорю же, это сумасшедший.

Гронский вздохнул и посмотрел на Алину с сожалением.

– Что вы знаете об алхимии? – спросил он.

Алина вдруг почувствовала, что растерялась.

– Ну... это что-то связанное с получением золота из свинца, так?

Гронский покачал головой.

– Беда современного человека, – сказал он, – в уверенности, что он знает все и обо всем, а на самом деле может только читать ярлыки, кем-то навешенные на предметы и явления, да к тому же еще и подписанные с ошибками. Что такое алхимия? А, это получение золота из свинца – все, знаю, бежим дальше. Что такое астрология? Это гороскопы на последней странице журнала и предсказание будущего по звездам. Все, и это тоже знаю, дальше.

Алхимия, астрология и теургия – то, что упрощенно называется магией, – три составляющих герметизма, древней науки об основных законах природы и мироздания. Истоки герметизма лежат в египетских мистериях, а название он получил от своего легендарного основателя, Гермеса Трисмегиста, в египетской традиции носившего имя бога Тота. По сути это именно наука, имеющая сформулированные космологические принципы аналогии и подобия, теоретическую и практическую часть. Герметизм начал проникать в Европу в раннем Средневековье, вместе с рыцарями, священниками, монахами, которые возвращались из крестовых походов и несли с собой кроме золота гораздо более ценную, но и опасную добычу – древние эзотерические знания. Эта оккультная наука вобрала в себя элементы разных религий и философий: платонизма, христианства, суфизма, каббалы, и явилась основой всего западноевропейского мистицизма, сформировав целый пласт культуры, символы и элементы которой живы и сейчас. Алхимия является практической частью герметизма и изучает свойства веществ и возможность их влияния на материальный и духовный мир. Иногда алхимию подразделяют

на внешнюю и внутреннюю, но я не думаю, что это верно: просто в разное время разные адепты этой науки ставили перед собой различные задачи. Но основной целью всегда было одно: получение абсолютного вещества, которое в алхимической традиции называется философским камнем или эликсиром, имеющего свойство делать совершенным любое несовершенное вещество. Для тех, кто практиковал внутреннюю алхимию, философский камень был средством исправления внутренней человеческой природы, достижения божественного состояния духа, в различных религиях называемого святостью или просветлением. Это вполне сочеталось с христианской аскетикой, во всяком случае, в декларируемой алхимиками цели, но, конечно, не в используемых методах. Для внешней алхимии было важнее изучение мистической природы материальных веществ, а также достижение абсолютного состояния человеческого тела: искомый эликсир должен был освободить человека от болезней и страданий, худшим из которых считалась смерть. Это преобразование называлось трансмутацией, и то самое превращение свинца в золото, о котором чаще всего вспоминают в связи с алхимической наукой, в большей степени тест, символический эксперимент на состоятельность полученного вещества: истинный эликсир должен был превратить несовершенный земной свинец в подлинное, сияющее небесное золото. Кстати, Парацельс, знаменитый врач, о котором вы должны были слышать на лекциях по истории медицины, тоже был алхимиком и выделял ту часть алхимической науки, целью изучения которой был человек, его здоровье и бессмертие, в отдельное направление – ятрохимию. В своих изысканиях и опытах алхимики опирались на принципиально важный для герметизма закон подобия, изложенный в «Изумрудной скрижали» Трисмегиста: «Все, что есть вверху, подобно тому, что есть внизу». Мир – это овеществленная эманация Духа, и все предметы и явления зримого материального мира есть только знаки, символическое отображение того, что существует в ином, высшем, невидимом мире. Следовательно, каждая манипуляция с материальными веществами и предметами может запустить иные, космические процессы, которые приведут к получению нужного результата. Собственно, на символике основаны все религиозные обряды, мистические ритуалы и магические действия в разных культурах. Алхимики тоже активно экспериментировали с магией – в конце концов, это тоже практическая часть герметической науки и важный способ установления взаимосвязей и законов окружающего мира, который отнюдь не исчерпывается только зримой нами частью реальности. Альберт Великий ставил магические опыты и при всем своем рационализме ни разу не усомнился, что магия может творить чудеса. Роджер Бэкон писал, что отличить черную магию от науки не так просто – гениальное наблюдение, на мой взгляд! – и признавал так называемую натуральную магию, приемы которой применяются во благо. Аббат Тритемий имел еще при жизни репутацию черного мага, после смерти почти все его труды были запрещены к изданию, а рукопись его знаменитой «Стеганографии» была сожжена по приказу Филиппа II, который нашел ее в отцовской библиотеке и пришел в ужас от прочитанного. Алхимики экспериментировали не только с веществами, они занимались и лингвистикой, и математикой, были одновременно и богословами, и ремесленниками, и учеными, и магами. Основные из изученных ими взаимосвязей были установлены и прописаны: так, духу, душе и телу человека соответствовали сера, ртуть и соль, основные вещества алхимии, с ними же были связаны четыре стихии мира – огонь, вода, воздух и земля. В человеческом теле с ними соотносились сердце, почки и селенка. Все вместе это образовывало общий гармонический баланс стихий, веществ, внешней и внутренней природы человека.

– Значит, к идее кровавых убийств привели духовные поиски, правильно я понимаю? – спросила Алина.

Гронский кивнул.

– Да, и в этом нет ничего удивительного. Уберите из слова «духовность» его современное положительное эмоциональное значение, и вы увидите, что она может быть различной: от вер-

шин святости до самых темных бездн падения. В этих, как вы их назвали, духовных поисках очень важен вектор направления, а у алхимии он был изначально несколько сомнительный.

Тайные науки недаром являются тайными. Считалось, что герметические знания были получены еще на заре времен от неких ангелов или иных высших существ – и я думаю, что это вряд ли были посланцы доброй воли, а скорее, представители той публики, которую изгнали с небес на землю, как в ссылке. Герметизм – это тот самый запретный плод с древа познания, и человечество очередной раз с наслаждением запустило в него свои молочные зубы так, что сок потек по подбородку.

Само по себе знание не является достоинством, а ум не является нравственной категорией. Можно быть умным и начитанным негодяем. Алхимия, как и весь герметизм в целом, является не религией, а наукой, которая полагает, что знания и есть путь к Божеству. В ней отсутствуют нравственные ценности и ориентиры – им просто неоткуда взяться. Есть знание, и это знание должно служить определенной высшей цели – в случае алхимии достижению вполне понятных материальных результатов совершенства тела, здоровья и бессмертия. Методы могут быть мистическими по своей природе, но результат – всегда нагляден и зрим. В этом причина того что Церковь осуждала как алхимию, так герметизм и магию вообще: вместо того, чтобы войти в трансцендентное через открытые церковные двери, мистики пытались пробраться через черный ход. Оккультизм – это хакерская атака на закрытую информацию об устройстве мира, подкоп под целый склад плодов с древа познания с целью использовать их в личных целях. И в этом алхимия, как это ни парадоксально для учения, в котором есть место и христианской мистике, идеологически смыкается с черной, по сути, вампирской магией: обретение бессмертия здесь, в тварном мире, при помощи материальных элементов этого самого мира, в чем есть и богословская ересь, и узость человеческой мысли. Какие бы высокие цели ни ставили перед собой алхимики, как бы ни декларировали божественный характер своих изысканий, их союз с вампиризмом и черной магией был лишь вопросом времени и решимости достичь желаемой цели.

– Так тут еще и вампиры замешаны? – не без иронии спросила Алина.

– А что вы знаете о вампиризме? – мгновенно отозвался Гронский.

Алина поостереглась отвечать.

– Ну, смелее. Вы же кино про вампиров смотрели, наверное. Какое их основное свойство?

– Они пьют кровь и живут вечно, – нехотя ответила Алина.

– Вы в церковь ходите? – неожиданно спросил Гронский.

– Что? – Алина почувствовала, что уже окончательно сбилась с толку.

– Ну хорошо, хотя бы Евангелие читали? Для общего развития? Просто чтобы не ляпнуть что-нибудь вроде того, что в Библии написано о том, что земля на трех китах стоит?

– Я такого не говорила, – огрызнулась Алина.

Гронский чуть улыбнулся и продолжил:

– Я спросил потому, что любому, кто хотя бы пару раз был на церковной службе или читал Евангелие, должны быть знакомы слова: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную». Это слова Христа, сказанные на Тайной вечере, они же произносятся на литургии в священный момент преображения даров. Это основа Церкви, главное, ради чего совершается служба: претворение хлеба и вина в плоть и кровь Христа и причащение ими, чтобы иметь жизнь вечную и за пределами этой земной жизни. Это символическое действие, и цель его – сделать бессмертной душу.

Черная магия – это извращение христианской мистики. Черная месса – пародия на Божественную литургию. А вампиризм – искажение таинства причащения Святых Даров, когда вместо символического потребления Плоти и Крови Богочеловека для вечной жизни духа вампир буквально, физически пьет человеческую кровь для обретения бесконечно долгой жизни своего тела, согласно тому же принципу подобия. Это продление мнимой жизни через уни-

чтожение жизни истинной. Все известные истории случаи вампиризма были связаны с занятиями алхимией или черной магией со всеми ее атрибутами. Пресловутый маршал Жиль де Ре активно практиковал алхимию в свободное от потрошения детей время. Его наставник в этих занятиях, некий Франческо Прелати, проводил для него черные мессы и вызывал дьявольских духов, которым приносились человеческие жертвы. Знаменитая Эржберет Батори была окружена колдуньями и знахарями, которые, кстати, и посоветовали ей принимать кровавые ванны. Майкл Скотт, алхимик и маг, живший на рубеже XII и XIII веков, писал о заклинателях, которые смешивают человеческую кровь с водой, используют в своих практиках части человеческого тела и куски плоти, принося их в жертву демонам, и добавляют стихи из Библии в тексты черной мессы. Я не говорю сейчас о феномене вампиризма в том виде, в каком он присутствует в народном фольклоре, хотя даже там вампир, встающий из своей могилы, это чаще всего умерший колдун. Я говорю о той точке пересечения, которая объединяет черную магию, вампиризм и алхимию. Оккультные манипуляции с веществами материального мира, стремление к вечной жизни физического тела, понимание значения человеческой крови как источника жизненной силы, в котором растворена человеческая душа. Алхимия дала знания, магия – методологию. И наиболее полно они сошлись вот здесь.

Гронский полез в сумку и достал оттуда небольшую книжку в картонном переплете с лохматящимися уголками, потрепанную так, как бывает потрепана только библиотечная книга. На сизой обложке стилизованным готическим шрифтом было выведено: «Красные цепи».

– Инструкция по потрошению девушек в новолуние?

– Скорее его теоретическое обоснование.

Между страницами книги торчало несколько ярко-желтых листочков-закладок. Гронский стал открывать заложенные страницы:

– Взял в районной библиотеке. Ничего особенно таинственного и сакрального. Автор неизвестен. По форме это напоминает диссертацию на тему «Некоторые аспекты герметической алхимии и их связь с магическими практиками: поиск и создание совершенного эликсира». Книга была последний раз издана в Петербурге, в 1991 году, когда такие труды пользовались большой популярностью, как, впрочем, и все остальное, до чего дорвались читатели, изголодавшиеся на скудном советском духовном пайке. Я помню это время: на книжных лотках могли соседствовать с одинаковым успехом стихи поэтов Серебряного века и «Практическая магия» Папюса, молитвословы и детективы Чейза, «Молот ведьм» и «Доктор Живаго». В этой книге восемь глав: первые семь посвящены практическим комментариям к семи принципам герметизма, а восьмая – обобщение и теоретическая основа получения ассиратума. Вот тут, например, приводится то самое указание на органы человеческого тела, символически связанные с ключевыми элементами и первостихиями: сердце, почки, селезенка. Затем излагается мнение автора о том, что нужно разделять живую и неживую природу, и для создания эликсира, могущего сделать совершенной человеческую природу, нужно использовать органы человеческого тела и кровь, которая *«есть то же, что эфир в мировом пространстве, то есть оживляющая, проникающая и одушевляющая квинтэссенция»*. Дальше еще интереснее: *«женщина – это дух плодоносящий, питающий и рождающий, дающий жизненную силу всему, что от нее исходит. Луна же есть воплощение женского начала в мироздании, ибо светит лишь тем светом, что получает от солнца, она вместилище света, сосуд и материнское чрево. Фазы Луны, когда она только зачинает новую форму, и когда рождает ее во всей полноте, есть движение от зачатия до рождения. А значит, и в создании эликсира мы не можем пренебречь очевидностью того, что использовать для него нужно лишь женские органы, а приготовление его совершать в новолуние»*.

– Иногда я думаю, что строгая цензура – это благо. Странно, что никто не решил воспользоваться этими выводами раньше.

Гронский кивнул.

– Да, странно. Почему-то для этого потребовалось почти два десятка лет. Может быть, это связано с тем, что в книге полностью отсутствует описание методики приготовления эликсира, она словно обрывается на том месте, где автор должен был бы приступить к прикладной части. Есть отсылки к некромантии, черной магии и очень любопытная сентенция: *«Потому мы считаем, что крайне невежественно разделять магию белую и черную, натуральную и запретную, ибо магия лишь инструмент, зависящий от воли его применяющего, и с благими намерениями будет оправдано даже вызвать духов ада, если они послужат доброму делу»*. Последнее практическое замечание относится к тому, что еще одним ингредиентом для эликсира должно быть вино – собственно, потому автор и дает ему название ассиратум: так в Древнем Риме назывался напиток из вина и крови.

Гронский закрыл книгу и постучал пальцем по обложке.

– Тут все. Мотив, время, метод. Осталось только найти, кто осуществил все это на практике: учитывая некоторую экзотичность подобного рода занятий и сравнительную редкость книги, сделать это будет не так сложно.

Алина промолчала. Пришла официантка Снежана, поставила перед Гронским большую сковородку с яичницей, бросила на Алину быстрый любопытный взгляд и ушла, покачивая бедрами. Гронский принялся за еду: четыре яйца, которыми были залиты обжаренные до черноты сосиски и помидоры, плавающие в коричневом масле, являли собой настоящий фестиваль холестерина. Гронский жадно ел, как человек, толком не питавшийся уже несколько дней, и поглядывал на Алину.

– Послушайте, – сказала она. – Вы серьезно вот во все это верите? В алхимию, магию, вампиров?

– Верят в Бога, – отозвался Гронский. – А я знаю.

Алина внимательно посмотрела на Гронского, с невозмутимым видом продолжавшего поедать сомнительное творение местного повара.

– Что именно вы знаете? – осторожно осведомилась она.

– Я знаю, что все рассказанное мной сегодня есть объективная реальность. Что абсолютное большинство описанных в этой книге методов и принципов действуют и работают – здесь и сейчас, и то долгое время, пока они пребывали в забвении у большей части человечества, никак не сказалось ни на их истинности, ни на действенности.

– Это невозможно знать, – твердо сказала Алина.

– Скорее для вас это невозможно принять, – спокойно ответил Гронский. – Как, впрочем, и для абсолютного большинства современных людей. Человек привык быть господствующим звеном пищевой цепочки и хочет видеть себя таковым и в цепочке духовной, да, впрочем, и видит с начала эпохи Возрождения. Невозможно «съесть» то, что по определению выше тебя, поэтому легче просто отрицать само существование этого высшего. А все свидетельства, всю информацию о необъяснимом, сверхъестественном и потустороннем воспринимать в лучшем случае как фокусы, со знаком плюс или со знаком минус: фокус как обман с целью наживы или фокус как веселый трюк, про который можно рассказать друзьям. Но ни в коем случае не пустить ни сам фокус, ни тем более того, кто его показывает, на истоптанный пяточок собственной жизни. Легче отвергнуть все, что находится за пределами этого пяточка, ради собственного спокойствия. А то признаешь существование потусторонних сил, а там и до веры в Бога недалеко, со всеми вытекающими выводами о собственной личности. Взгляд человека опущен вниз, он даже по сторонам старается особо не смотреть, не говоря уже о том, чтобы взглянуть на то, что находится выше его лысеющей макушки.

Алина покачала головой.

– Но есть же объективная реальность, – возразила она. – И я не вижу, как с современными знаниями о мире согласуются ваши вампиры и алхимики.

– А на основании чего вы получаете знания о том, что называете реальностью? Явно не только из личного опыта, верно? Ну вот, к примеру... Вы знаете о существовании Антарктиды?

– Да что за вопрос такой? – удивилась Алина. – Да, знаю.

– Откуда? Вы там были? Или там был кто-то из ваших знакомых?

– Нет, но... о Господи, ну есть книги, научные и исторические факты, фильмы, свидетельства тех, кто там был, в конце концов.

Гронский слушал Алину, жевал почти полностью кремированную поваром сосиску и кивал.

– Ну да. Все то же самое я говорил вам сегодня и о герметизме: есть книги, есть исторические факты. И есть даже многочисленные свидетельства об истинности и действенности оккультных практик. Не вижу разницы.

– Это софистика какая-то, – Алина начала злиться. – Я говорю о современных, научно установленных данных, а вы мне рассказываете какие-то старинные легенды.

– А по-вашему, слово «современный» означает истинный?

– Оно означает «более образованный» или «более осведомленный».

– Это еще почему? – удивился Гронский. – Вы полагаете, что современный человек образованнее или осведомленнее о мире только потому, что водит машину, пользуется мобильным телефоном или знает, как скачивать видео в Интернете? Исаак Ньютон был богословом и изучал алхимию, не имел водительских прав, но при этом открыл закон всемирного тяготения. Никола Тесла понятия не имел об Интернете, но во многом благодаря ему современный мир имеет электрическую энергию, на которой работают все бесчисленные сервера мировой информационной паутины, давая нашим невероятно образованным и умным современникам возможность пустословить в Сети. Кстати, сам термин «электричество» был введен Уильямом Гилбертом в 1600 году, в работе, посвященной электрическим явлениям и магнетизму. Аббат Тритемий, уже упоминавшийся мною сегодня, проводил опыты по передаче информации на расстояние, а также по воздействию слов на сознание и поведение человека, за много веков до возникновения радио или теории НЛП. Письма любого, самого недалекого, современника Пушкина, написанные пером при свечах, выглядят литературными шедеврами по сравнению с, извините, постами в социальных сетях. Вы отказываете алхимии и другим оккультным знаниям в праве называться наукой, а знаете, как звучит, к примеру, третий принцип герметизма?

Гронский открыл лежащую перед ним книгу на заложенной странице и прочел:

– *«Принцип вибрации, согласно которому все проявленное и что ни существует – материя или энергия – все является лишь различными вибрациями и видоизменениями единого первоначала».* Покажите это современным физикам, работающим над теорией струн или квантовой теорией, и они прокомментируют данное высказывание на более привычном для вас, но не более понятном оттого языке современной науки. Разница только в понятийном аппарате. На истинное знание о законах этого мира не влияет источник, из которого они получены, и то, к чему только приходит современная экспериментальная наука, возводящая огромные коллаидеры, давно было известно древним оккультистам.

– Ну хорошо, – сдалась Алина. – Пусть так, это наука. Но магия?..

– А что магия? Это точно такое же практическое знание о законах природы, как и все остальные, только магия использует эти законы, не объясняя их. Вы и сами каждый день совершаете магические действия, хотя не осознаете этого.

– Это какие же?

– Да самые простые. Например: если щелкнуть пластмассовой клавишей в стене, то под потолком засветится стеклянная лампа. Это магия.

– Это техника! – возмутилась Алина.

– Нет, это магия, – спокойно ответил Гронский. – Потому что вы не знаете, почему лампочка начала светить. Вам неизвестна природа электричества – как неизвестна, кстати, никому.

Вы просто знаете, что нужно сделать, чтобы получить определенный результат. Разумеется, вы не думаете, что свет загорелся от щелчка пластмассовой кнопки, но и маг не думает, что человек, на которого он, к примеру, навел порчу, заболел из-за протыкания иголкой восковой фигурки. Но он точно знает, что определенные действия освобождают силы, которые влияют на реальность заданным образом. Так же как и вы, включая лампочку, говоря по телефону, работая на компьютере, совершаете действия, вызывая к жизни силы, которых не понимаете.

Алина сидела молча, обдумывая услышанное и пытаясь разобраться в хаосе мыслей и слов, спутавшихся в голове, как провода старой елочной гирлянды.

– Не нужно думать, что современный человек в чем-то умнее или образованнее своих предков. Нажимать на кнопки может и обезьяна. А вот мыслить, видеть мир во всем его многообразии, выходить за рамки обыденной реальности – все эти умения напрочь отбивают те самые бесчисленные гаджеты, которые вы почему-то принимаете за реальные достижения цивилизации. Сейчас можно в любой момент поговорить с любым человеком на любом конце мира – но говорить, как правило, не о чем. Можно прочесть практически любую книгу в виртуальной библиотеке – но это мало кому нужно. Можно через несколько часов оказаться в любой стране – но только для того, чтобы заснять себя на фоне моря или древних храмов, а потом выложить все это на всеобщее обозрение в Сеть. Очень много средств – но почти нет целей, кроме самых очевидных и материальных. А потом однажды ночью у вас в комнате вдруг сдвинется с места стул – просто так, без всякой причины. Или начнет зажигаться свет в коридоре. Или дверь в комнату вдруг откроется сама по себе и захлопнется с грохотом. И вы не будете знать, что делать, в отличие от ваших невежественных, по вашему убеждению, предков, которые прекрасно знали, как поступать в подобных случаях, вне зависимости от того, к какой конфессии они принадлежали или вовсе были дремучими язычниками. Потому что эти явления не выходили за рамки их картины мира, а вы останетесь один на один со смертельным ужасом, который испытывает современный человек, не выдерживающий прикосновения иррационального.

– Если все так, как вы говорите, совершенно непонятно, почему оккультные науки не преподают в школе. И не изучают на государственной основе.

– Ну, насчет того, что не изучают – я бы не торопился с выводами. В нацистской Германии, например, был особый отдел СС, «Аненербе», который как раз и занимался изучением подобного рода предметов. Экспедиции на Тибет в поисках Шамбалы были организованы именно ими. В советском более чем прагматичном КГБ был оккультный отдел. Не думаю, что сейчас ситуация принципиально изменилась. Но вы правы насчет школ и официального признания истинности мистических знаний – этого нет и никогда не будет, просто потому, что эти знания тайные и всегда были такими – не забывайте об этом. Поэтому в современном информационном пространстве так много суррогатов, формирующих именно то пренебрежительное отношение к сверхъестественному, которое вы сегодня так успешно демонстрируете. Особенно не повезло в этом отношении вампиризму.

– Как раз таки повезло, по-моему. Популярность просто необычайная.

Гронский улыбнулся.

– Как спрятать дерево, если его невозможно срубить? Нужно насадить вокруг него лес – ну или наткнуть искусственных деревьев. Как лучше всего скрыть правду? Нужно нагромоздить вокруг нее столько неприличного вранья, чтобы среди него ни один вменяемый человек эту правду даже не вздумал искать. Первые серьезные исследования на тему вампиризма относятся к XIX столетию, ими занимался сэр Монтегю Саммерс. Его работы не были ни особенно известны, ни популярны, но их заметили – и тут же мир получил художественное произведение Брэма Стокера, положившее начало вампирской мифологии. Кстати, сам Стокер был членом мистического ордена «Голден доун» и наверняка хорошо разбирался во многих вопросах оккультизма, но зачем-то взял и наградил званием вампира румынского правителя

Влада Цепеша. Тот, конечно, далеко не был ангелом, но с тем же успехом на роль главного упыря всех времен и народов можно было назначить Ивана Грозного. С тех пор мы видим нарастание того самого леса, среди которого тщательно скрывается дерево правды. Какие-то старики в жабо, томные красавцы в кружевах, романтические подростки со светящейся кожей, мутанты, взрывающиеся от солнечного света так, как будто они питались не кровью, а нитроглицерином. Все это ни один здравый человек не будет воспринимать всерьез, но именно эти образы возникают в мозгу, как первая ассоциация со словом «вампир». И в этом паноптикуме фальшивых страшилищ скрываются очень реальные и очень осведомленные адепты древних знаний, потрошащие детей ради продления своего существования, и другие, нечеловеческие и совсем уж чуждые жизни существа.

Лучший способ спрятаться – сделать вид, что тебя нет. Ты – вымысел. Ты порождение невежественной фантазии – о том, что в этом случае на протяжении тысяч лет миллионы людей только и делали, что фантазировали, никто не задумается. Есть ярлыки, а на них надписи: «Алхимия – получение золота из свинца. Ерунда». «Вампир – сказочный персонаж». «Черная магия – миф». Все, можно спокойно жить, ездить на кредитных машинах, радоваться новым возможностям своего смартфона и полагать, что прочно уселся располневшим от квартальных бонусов задом на верхушку мира. Но прячется не только тот, кто слаб, – прячется еще и хищник перед нападением. Быстрым, бесшумным и безжалостным. И когда во дворах каждый месяц начинают находить истерзанные девичьи тела с вырванными внутренностями, можно подумать про что угодно, но только не про то, что смерть этих девушек напрямую связана с тем, чему мы отказали в существовании.

Гронский посмотрел на молчащую Алину.

– Легенды опасно забывать. Они напоминают о себе – и, как правило, страхом. Так доходчивее.

Он замолчал. В тишине бара слышались далекие звуки хрипловатой музыки и негромкий звон посуды из кухни: проснувшийся повар Рома заступал на свою нелегкую похмельную вахту. Из второго зала донеслись кашель и бормотание: вторая официантка, подруга Снежаны, вытаскивала себя из сонного оцепенения, и сознание ее, вернувшись в тело, еще хранило краткую память о местах за пределами этого мира. За окнами призрачными силуэтами проплывали в сером тумане морозящего дождя фигуры людей – они сейчас казались Алине странно нереальными, словно она смотрела на них откуда-то из другого измерения, а может быть, из другого мира. Даже пыльный и тесный зал «Винчестера» стал другим, будто все предметы чуть сдвинулись с мест и немного приоткрыли свою истинную природу. Казалось, еще немного, и они заговорят друг с другом, как кухонная утварь в сказках Андерсена. Гронский сидел напротив молча, глядя Алине в глаза, и своим бледным лицом и черным одеянием был похож на персонажа собственных рассказов.

– Я ни в чем не хочу вас убеждать, – устало сказал Гронский. – К тому же это совершенно бессмысленно: человек не меняет своих взглядов на мир, пока сам не столкнется с тем, что эти взгляды изменит в корне. Я лишь хочу сказать, что мир не делится на разум без остатка. И когда мы с этим остатком столкнемся, лучше, чтобы вы были готовы и информированы. Вот и все.

– Да, – сказала Алина. – Я поняла.

И неожиданно для себя добавила:

– Спасибо.

– Ну хорошо. – Гронский отодвинул опустевшую сковороду и выпрямился. – А что нового вам удалось узнать про медицинский центр нашего общего друга Кобота?

Алина коротко рассказала Гронскому о результатах своего дня в «Данко»: про огромные инвестиции неизвестного происхождения, полученные почти год назад; про странную работу; совершенно здоровых пациентов, каждый месяц приходящих для бессмысленных обследований; про закрытую часть здания, кабинет Кобота, в котором было так жарко, словно хозяин

страдал старческим ревматизмом, и про результаты проведенной эксгумации. Гронский внимательно слушал, кивал, рассеянно вертя длинными бледными пальцами пустую кофейную чашку.

– Давайте подведем итоги, – предложил он, когда Алина закончила свое повествование. – Итак, вы согласны с тем, что мотив убийств напрямую связан с этой книгой?

Он постучал пальцем по сизой обложке.

Алина подумала и нехотя согласилась.

– Да. Это очевидно.

– И вы согласны, что кто-то в городе занимается изготовлением ассиратума?

– Или думает, что занимается его изготовлением, – отозвалась Алина и поспешно добавила: – Поймите, я не могу вот так принять...

– Хорошо, – согласился Гронский. – Вам не кажется, что именно ассиратум является причиной странного состояния здоровья клиентов «Данко»? Согласитесь, это логичная гипотеза.

– Родион, – сказала она, – еще раз повторю вам: я не могу согласиться с тем, что кто-то поит городскую элиту смесью из крови, внутренностей и вина и тем самым исцеляет их от всех мыслимых болезней. Не могу себе этого представить ни как врач, ни как человек, понимаете? А вы и в самом деле полагаете, что Кобот – доктор наук, между прочим! – занимается алхимическими практиками и торгует полученными снадобьями у себя в клинике, как какой-то знахарь в палатке на средневековом базаре?

– Нет, я так не думаю, – ответил Гронский. – Мне кажется, что он только одно из звеньев цепи, в которой есть весьма примечательный исполнитель, есть финансист, организатор и тот, кто действительно делает эликсир. И вряд ли это сам Кобот. Во всяком случае, наличие такой структуры объясняет все странности этого дела. А у вас есть другая версия?

Алина пожалала плечами.

– Это могут быть две вообще не связанные напрямую истории. Да, кто-то, начитавшийся этой вашей книжки, и будучи достаточно... назовем это неуравновешенным, чтобы принять на веру все в ней написанное, совершает убийства в попытках создать мифический ассиратум. Кобот покрывает преступления, а взамен получает средства, которые использует для собственного бизнеса. Что же до результатов диагностики и здоровых пациентов... это может быть просто какой-то блеф, я не знаю, жульничество с целью убедить их в результативности проводимого лечения. Иванов и Мампория поддельывали результаты судебно-медицинских экспертиз, а уж написать фальшивые выводы по итогам общей диагностики вообще проще простого.

Гронский покачал головой.

– Очень сложно. Очень дорого. Маловероятно. Моя версия проще и правдоподобнее. Пока что вы пытаетесь выстроить рисунок мозаики, вынув из нее главную деталь, а в результате получаете нестыковки и более чем натянутые допущения, еще более невероятные, чем то, что кто-то все-таки смог получить ассиратум.

– И где вы видите нестыковки и допущения, например?

– Например: инвестиции для строительства «Данко» были получены в декабре, а убийства начались в марте. Мало похоже на взятку за сокрытие преступлений, если только кто-то не знал заранее, что они будут происходить, и не внес, так сказать, средства на депозит. Это раз. Далее, вы говорите про блеф и жульничество. Мне представляется крайне сомнительным, чтобы те клиенты Кобота, имена которых вы назвали, позволили дурачить себя, как жертвы цыганок на пригородном вокзале. Ведь у Кобота лечатся люди, более чем преуспевшие в бизнесе и политике, я правильно понимаю?

– Да, – подтвердила Алина. – Кстати, среди пациентов есть даже Галачьянц, ну, тот самый...

– Кто?

Кофейная чашка, резко звякнув, ударилась о блюдо. Гронский подался вперед и напряженно замер, нависая над столом. Алина даже вздрогнула от неожиданности.

– Ну да, – неуверенно сказала она. – Галачьянц, Герман Андреевич. Хозяин «Алеф Групп», какое-то там место в русском Forbes, миллиардер и прочее... Вы его знаете, что ли?

– Он лечится сам? – быстро спросил Гронский.

– Нет, его дочь...

– Маша, – утвердительно сказал Гронский. – Маша Галачьянц.

Он снова откинулся на спинку дивана и посмотрел перед собой.

– Вы сказали, что ее наблюдает этот ваш Эдип?

– Да.

– И какие виды диагностики она проходит?

– Только полный клинический анализ крови, – ответила Алина, – но я не знаю, что...

– У меня к вам просьба, – перебил Гронский. – Вы не могли бы один раз взять у нее кровь самостоятельно?

– Это еще зачем? – удивилась Алина.

– Взять кровь, – Гронский словно не слышал ее вопроса, – а потом лично сделать анализ? Вы ведь это можете?

– Могу, но...

– Вот и отлично! И еще одно: я бы очень хотел присоединиться к вам, когда вы поедете к Галачьянцу. И было бы совсем здорово, если бы мы могли не откладывать это мероприятие в долгий ящик.

– Послушайте, – решительно сказала Алина. – Я не отказываюсь от совместной работы, если уж у нас так сложилось...

«Если я была такой дурой, что наговорила лишнего в первый день знакомства», – подумала она.

– Но мне было бы гораздо легче делать то, о чем вы меня просите, если бы я понимала смысл этих просьб. Зачем вам понадобилось ехать к Галачьянцу?

Гронский нагнулся к Алине, посмотрел ей в глаза, и она даже на мгновение подумала, что он сейчас коснется ее руки.

– Алина, – мягко сказал он, – я даю вам слово, что расскажу об этом, как только мы получим результаты клинических анализов крови Маши Галачьянц. Обещаю. Пока у меня есть только предположение, слишком неопределенное, чтобы его озвучивать, но поверьте: если оно окажется верным, вы получите исчерпывающие доказательства многого из того, о чем мы сегодня говорили.

Алина молчала. Гронский продолжал смотреть на нее спокойным взглядом своих серых глаз.

– Ладно, – нехотя проговорила она. – Не обещаю, но попробую.

– Спасибо огромное. – Гронский улыбнулся так открыто и искренне, что Алине ничего не оставалось, как тоже выдать в ответ улыбку. – Я буду ждать вашего звонка в любое время. Ну а теперь, коль скоро мы все обсудили, не могу более нарушать ваших планов на сегодняшний день и злоупотреблять вашим терпением.

Алина посмотрела на часы. Похоже, что планы на сегодняшний день уже ничто не спасет: у нее напрочь исчезло настроение ехать в гости или ужинать в ресторане. Впереди маячил серый долгий вечер с собственноручно приготовленным салатом из рукколы, бокалом вина и телевизором. На душе было как-то тревожно, в голове мелькали смутные, но малоприятные образы.

Гронский убрал со стола книгу и стал натягивать пальто.

– Послушайте, – сказала Алина. – А вы сами что собираетесь делать дальше? Я имею в виду, у вас ведь есть какие-то планы по продолжению расследования?

Гронский, поднявшийся было с дивана, снова сел.

– Когда я изучал книги по вампиризму, магии и алхимии, я выписывал имена всех, кто интересовался этими же изданиями за последние два года. Книги редкие, общий список имен получился не слишком пространным, и я легко выделил десяток фамилий, которые встречались мне во всех библиотечных карточках. После того как я вышел на «Красные цепи», мне показалось разумным предположить, что некто, столь же тщательно, как и я, изучавший первоисточники, скорее всего, воспользовался для чтения этой книги той же академической библиотекой, пусть и другим читальным залом. Я переписал все фамилии с формуляров всех трех имевшихся там экземпляров «Красных цепей», а потом сравнил с первым списком.

Гронский сделал паузу.

– И? – не выдержала Алина. – Давайте уже без драматических эффектов.

Гронский улыбнулся.

– В последний год этой книгой не интересовался вообще никто. Но за два года до этого на протяжении почти семи месяцев ее почти каждый день брал один и тот же человек. И его же имя встречается почти на всех формулярах редких книг, с которыми он работал примерно в тот же период.

Алина практически уже готова была услышать фамилию «Кобот», как бы это ни противоречило ее собственному мнению.

– Это некто Михаил Борисович Мейлах, – сказал Гронский. – Доцент, преподаватель кафедры зарубежной литературы университета – насколько я успел узнать, бывший преподаватель. Только он примерно полтора-два года назад предметно интересовался источниками по алхимии, а потом в течение семи месяцев изучал «Красные цепи», которые можно прочесть за день.

– Думаете, это он?..

Гронский с сомнением покачал головой.

– Преподаватель кафедры зарубежной литературы менее всего представляется мне в образе двухметрового гиганта с кривым тесаком. Но он может быть связан с другими звеньями этой цепи – а может быть, и сам является одним из них. Я планирую завтра навести о нем справки на кафедре, а потом созвониться и договориться о встрече. Пока это единственный практический след, который дали нам «Красные цепи».

– Ну что ж, – задумчиво сказала Алина. – Это разумно. Если учесть, что убийца наверняка читал книгу.

– Есть еще одна вероятность, – сказал Гронский. – Он ее написал.

Глава 6

Говорят, что глаза никогда не лгут. Что достаточно взглянуть человеку в глаза, чтобы распознать ложь. Это не совсем верно: единственное, что действительно лжет, – это сам человек, его сознательная часть. Все остальное – глаза, тело, мимические мышцы, голос – он может только с большим или меньшим успехом контролировать, чтобы скрыть правду. Особенно голос.

Я умею различать в человеческой речи полутона, четверти и даже, наверное, одну восьмую тона. Умею слышать в голосе тончайшие ноты лжи, неуверенности, сомнений, скрытой враждебности. Но сейчас эти навыки мне не нужны: страх в голосе моего собеседника слышен так отчетливо, что его различил бы и самый тугоухий представитель человеческого рода.

– Кто вы? – спрашивает он меня уже в третий раз, и его голос в телефонной трубке явно дрожит.

– Я – ваш коллега, работаю в Университете штата Иллинойс, занимаюсь культурологией Западной Европы средневекового периода, – еще раз терпеливо объясняю я. – Сейчас работаю над большой статьей для университетского ежегодника «Феноменологические аспекты европейской алхимии», и меня чрезвычайно заинтересовали ваши исследования в этой области.

Он мне не верит. И не потому, что моя легенда недостаточно убедительна, просто он боится верить кому бы то ни было.

– Откуда вы про меня узнали? – спрашивает он.

– Ваш телефон мне дали на кафедре в университете, – говорю я, и это чистая правда. – Михаил Борисович, я был бы очень признателен вам за возможность встретиться и поговорить о вашей работе. Поверьте, я сделаю все для того, чтобы вы не пожалели о потраченном времени.

Я понимал, что этот разговор может быть непростым, и в принципе был готов к любой неадекватной реакции, но такого ярко выраженного страха встретить не ожидал.

С получением сведений о Михаиле Борисовиче Мейлахе на кафедре зарубежной литературы у меня не возникло проблем. Люди вообще очень легкомысленно относятся к информации, которой владеют, и если их правильно попросить, выкладывают ее с удивительной готовностью. И с особым удовольствием говорят о чужих несчастьях: тут самый косноязычный собеседник превращается в умелого рассказчика и с плохо скрываемым наслаждением повествует о бедах ближнего, словно радуясь, что его самого они обошли стороной. Интеллигентного вида дама, преподаватель античной литературы, даже порозовела и как будто бы ожила, когда рассказывала мне о судьбе своего несчастного коллеги, так что через тридцать минут я уже знал все нужные и ненужные мне подробности последних лет жизни Мейлаха.

По ее словам, два года назад он увлекся разработкой чрезвычайно странной для него темы, связанной с изучением средневековых алхимических трактатов. До этого Мейлах считался лучшим специалистом в стране, а может быть, и в мире, по малым прозаическим формам художественной литературы Средних веков, и его неожиданное увлечение поначалу воспринимали как причуду. Затем его интерес переключился на «весьма сомнительную», по словам моей собеседницы, книжку «Красные цепи». «Вы же понимаете, – доверительно говорила мне она, – видный ученый, доцент, доктор наук, автор множества работ – и вдруг такое. С тем же успехом он мог бы начать изучать «Практическую магию» Папуся: ну кто, скажите на милость, может всерьез относиться к таким вещам?» Мейлах сделал несколько сообщений на научном совете кафедры, что-то о связи «Красных цепей» с какими-то произведениями ранней средневековой литературы, но все это показалось неубедительным и не представляющим научной ценности. Ему пытались сначала намеками, а затем и прямо дать понять, что лучше бы переключить свои силы и внимание на более достойные предметы, но Мейлах стал словно одержим этой работой. Чем дальше, тем ситуация становилась все печальнее: он попытался опубликовать в уни-

верситетском сборнике статью, но ее содержание показалось редакционному совету настолько диким, что в публикации было отказано. Мейлах принялся рассказывать о своих идеях на всех лекциях, в ущерб, конечно же, изучению основного материала, и в итоге объем его преподавательской работы сократился до одного спецсеминара, на который записались только те студенты, которых больше интересовала возможность легкого получения зачета, чем знаний. Но на этом злключения несчастного доцента только начинались: полтора года назад от внезапно развившегося рака груди у него умерла жена, а почти год назад Мейлах потерял сына. «Там вообще была странная история, – с удовольствием поделилась со мной античная дама, – вроде бы он ушел из дома, пропал, а потом через два дня нашли труп где-то на чердаке. И ведь был такой приличный молодой человек, работал в фирме, и вот такое случилось. Кошмар!»

Мейлах начал пить. Сначала, из сочувствия к личной трагедии и ради прежних заслуг, его терпели, но потом просто вынуждены были уволить после безобразного пьяного дебоша с дракой, учиненного в помещении университета. Говорят, он после этого даже лечился в психиатрической клинике. Во всяком случае, на кафедре он больше не появлялся.

Услышав, что я представляю Университет штата Иллинойс и крайне заинтересован в работах Мейлаха, связанных как раз с темой средневековой алхимии, дама несколько расстроилась и даже подпустила в голос немного холодных ноток. Интерес зарубежного научного учреждения к работе бывшего коллеги означал, что жизнь у того может наладиться, а это куда как менее интересно, чем очередное обрушившееся несчастье. Думаю, если бы я представился агентом по сбору долгов или судебным приставом, то номера мобильного и домашнего телефона Мейлаха мне дали бы с куда большим удовольствием. Уже уходя, я не удержался и добавил, что мой университет хочет предложить уважаемому Михаилу Борисовичу возглавить кафедру литературы Средних веков и выдать грант на продолжение его исследований. Жаль, что это не было правдой.

Мобильный телефон Мейлаха был давно и безнадежно отключен за неуплату, а по домашнему никто не отвечал так долго, что я уже собирался было поехать по имеющемуся у меня адресу. Дозвониться получилось только поздно вечером, уже практически ночью. Я опасался, что Мейлах пьян, но оказалось, что сильно напуган. Он пропустил мимо ушей мои слова о грантах и кафедре и как будто взвешивал другие причины, который могли побудить его согласиться или отказаться от встречи со мной.

– Скажите, – спросил он после затянувшейся паузы. – Вы лично занимаетесь исследованиями по алхимии?

– Да, конечно, – осторожно ответил я.

– И вам известно, что основным предметом моей работы была книга «*Rubeus vinculum*»?

– Совершенно верно.

– И вы читали эту книгу? Вы знаете, что в ней написано?

– Разумеется, – ответил я, – именно поэтому мне крайне интересно...

– Тогда вот что, – перебил меня Мейлах и откашлялся. Я ждал. – Тогда вот что. Я готов с вами встретиться. Более того, я передам вам все свои наработки по этой теме, все, что смог найти. Вы будете знать все, что знаю я. Но только с одним условием.

– Михаил Борисович, каким бы оно ни было, уверен, что смогу его выполнить, – заверил я.

– Не спешите! Сперва послушайте. Я хочу, чтобы вы продолжили мою работу. Понимаете? Чтобы вы занялись этой книгой так, как занимался ею я. Чтобы все то, что я передам вам, вы использовали и довели до конца. Вы согласны?

– Да. Я согласен.

Мейлах вздохнул, и я услышал в этом вздохе странное облегчение.

– Хорошо. Тогда завтра вечером. Назначайте место.

– Бар «Винчестер», – сказал я. – Знаете, где это?

* * *

Алина терпеть не могла врать, а еще больше она не любила выполнять чужие просьбы, смысла которых не понимала. Но за последнюю неделю она поставила свой личный рекорд и в первом, и во втором, причем почти исключительно благодаря Гронскому. Алина и сама не понимала, как это у него получается, и только удивлялась себе, пока набирала телефон Эдипа и думала над тем, как уговорить того устроить ей внеплановый визит к Галачьянцу и его дочери Маше. Прежде еще нужно было убедить себя в необходимости этого мероприятия, и Алина в конце концов решила, что это нужно для пользы дела, и у Гронского наверняка есть какая-то очень важная для них обоих информация, а путь к ее получению лежал через поездку для взятия анализа крови Маши Галачьянц.

Эдип, выслушав сбивчиво высказанную просьбу Алины, из словоохотливого болтуна вдруг сделался угрюмым, скользким и неуступчивым типом. Согласиться сразу по понятным причинам он не мог, а отказаться ему мешало любопытство: ведь зачем-то Алине это понадобилось? Вот этот самый вопрос «зачем?» он и задавал раз за разом, а Алина мялась и уходила как могла от ответа, которого и сама не знала.

– Ну ты же понимаешь, – нудел в трубку Эдип, – это вообще против правил. Галачьянц наш ключевой клиент, самый первый, с ним Кобот сам иногда общается напрямую, а мне лично поручил вести Машу, это большая ответственность, ну что я скажу, если он узнает? А зачем тебе?

Алина понимала, что для ее бывшего начальника единственно убедительным мотивом является личная корыстная заинтересованность. Поэтому в конце концов она выдала:

– Эдик, я скажу, только ты никому, ладно? Ну, в общем, ты же знаешь, что у меня папа бизнесом занимается?

– Ну вроде. Вином торгует, да?

– Точно. Короче, у него пара кредитов зависла в банках Галачьянца, и никакими путями о реструктуризации долга ему договориться не удалось. Их надо гасить до конца года, а ему деньги из оборотки не вытащить, потому что тогда торговать будет нечем. И личного выхода на Галачьянца у него нет. Ну вот я и подумала: если я сама смогу с ним познакомиться, в качестве врача дочери... сам знаешь, другая степень доверия, отношений... вдруг удастся на его уровне договориться. Понимаешь?

Эдип некоторое время переваривал услышанное.

– Понимаю, – сказал он.

– Ну вот такая история. Буду очень благодарна тебе за помощь. А Коботу совершенно необязательно что-то говорить: я просто съезжу один раз, познакомлюсь, и все, а дальше ты уже снова по графику будешь работать, Ильич ничего и не узнает. В конце концов, он же не знает, что ты мне рассказывал про то, как деньги на «Данко» из России пришли, а не из Швейцарии, и про то, как у него вор в законе лечился, – добавила Алина к вранью еще и мягкий шантаж.

– Черт с тобой, – буркнул Эдип. – Жди, перезвоню через минуту.

Он перезвонил через четверть часа, когда Алина уже начала немного беспокоиться.

– Значит, так, – сказал он. – Я договорился. Завтра тебя ждут. Возьми с собой документы обязательно, у него там пропускная система как на режимном предприятии. Записывай его личный телефон, телефон секретаря и адрес...

Алина быстро записала все, что недовольным голосом надиктовал ей Эдип, и рассыпалась в благодарностях.

– Не за что, – мрачно сказал тот. – Будешь должна.

И повесил трубку.

* * *

Известно, что Петербург построен на болоте. Хотя сказать «построен» было бы неверно: плоскую каменную плиту города просто уронили в болотную грязь, поверх подземных протоков, черных ручьев и молчаливых трясин в устье холодной северной реки. Камень постепенно погружался в топь, растворялся среди ядовитых туманов и вечного дождя, но город рос быстрее, чем болото успевало утягивать его в свои недра. Плита становилась все толще, шире, сдавливая под собой вековое болото, заброшенные капища, дремучие легенды и мелкую нечистую силу. Реки и речки стиснулись холодным камнем набережных, многочисленные острова и островки соединились паутиной мостов, и древние обитатели этих мест, задыхающиеся под тяжелым могильником города, напоминали о себе лишь наводящим тоску дыханием туманов, кошмарными снами да архитектурой домов, которые рано или поздно приобретали их унылые образы и подобию.

Если по берегам большой Невы, до того, как они сотряслись под поступью Медного Всадника, селились какие-то местные жители, то в самом сердце речной дельты, среди множества заболоченных островков, теряющихся в переплетении протоков и речек, можно было встретить разве что мелких зверушек, да еще, может быть, отшельника-чародея, коротающего земную жизнь в покосившейся избушке на краю черной трясины. В XVIII веке болота островов были частично осушены, частично засыпаны землей, немногие оставшиеся от густых лесов деревья составили основу для парков. На протяжении последующих столетий острова стали местом удаленных от суеты дач, уединенных особняков, и даже бесцеремонное новое время входило сюда бочком, деликатно воздвигая свои невысокие новостройки лишь по периметру берегов. Сами острова остались заповедником старинных парков, правительственных резиденций и местом обитания тех, кто обладал не только деньгами, но и достаточным влиянием для того, чтобы поселиться здесь.

На островах жил и Герман Андреевич Галачьянц.

Гронский и Алина почти одновременно свернули с шумного Каменноостровского проспекта, оставили машины на парковке у небольшой круглой площади и пошли по аллее вглубь острова, в старую парковую зону, туда, где среди почтенных деревьев затерялись редкие дома.

Серое небо, низко склонившись, дышало влажным туманом и мелким дождем. Гронский и Алина шли молча, оставив за спиной монотонный гул города, постепенно погружаясь в медитативную тишину парка, нарушаемую лишь шорохом толстого покрывала из опавших листьев под ногами. Влажный воздух был насыщен тяжелым, густым запахом прелой листвы и мокрой земли, распахнутой для осенних жертвоприношений природы. Торжественный аромат смерти и тлена. Погребальные благовония жизни.

Вместо прежнего огненно-золотого великолепия на ветках деревьев повисли клочки рыжих лохмотьев, словно осень, уходя через парк, оставила здесь часть своих одежд. Сами деревья, эти суровые, закаленные исполины, принимали свое очередное осеннее умирание с достоинством и твердой верой в грядущее воскрешение, пусть ничто вокруг и не внушало такой надежды. Ветер опасался входить в этот растительный склеп, и только капли дождя отчетливо стучали по опавшим листьям, отбивая гипнотический похоронный марш. Где-то вдалеке покрывками по мокрой листве осторожно прошумела машина.

– Как ваш Мейлах? – нарушила молчание Алина. – Удалось назначить встречу?

Гронский задумчиво кивнул.

– Да, сегодня вечером. Хотя у меня остался крайне неприятный осадок после разговора с ним. Знаете, мне очень редко бывает стыдно, а тут... неловко как-то за то, что пришлось вызывать его на встречу обманом. Он – несчастный, загнанный в угол и смертельно напуганный человек, вся жизнь которого начала рушиться с того момента, как он взялся за исследование

«Красных цепей». Смерть жены, сына, потеря любимой работы. Не представляю даже, как и на что он сейчас существует. Но меня несколько успокаивает одно: он согласился встретиться не из-за обещанных липовых грантов или работы в Америке. Ему принципиально важно было, чтобы кто-то взял на себя тот труд, который он сам оказался не в силах довести до конца. Мне кажется, если бы я представился ему сантехником, но пообещал выучиться на филолога и закончить его исследование, он не раздумывая согласился бы отдать мне все свои наработки.

– У нас остается все меньше времени, – заметила Алина. – Если, конечно, мы хотим предотвратить следующее убийство. Пока я что-то не замечаю, чтобы количество полученной информации перешло в качество.

– А что вы предлагаете? – спросил Гронский.

Алина пожала плечами.

– У нас есть Кобот – во всяком случае, на сто процентов известно, что он по уши замешан во всей этой истории. Если удалить его из этой, как вы называете, цепочки, то она развалится. Скорее всего, тогда и само убийство станет бессмысленным, если вместо своего кожного кресла в «Данко» он окажется на тюремных нарах.

– Не очень-то согласуется с вашей версией о том, что преступления совершает маньяк.

Алина прикусила язык. Действительно, как бы она ни спорила с Гронским о реальности алхимических практик, подсознательно она понимала если уж не правоту своего странного напарника, то во всяком случае четкую взаимосвязь между убийствами, «Красными цепями» и деятельностью Кобота.

– Предположим, мы приняли вашу версию как рабочую, – сказала она. – Тогда тем более нужно убрать Кобота из общей схемы. Другого пока не дано, а мне, честное слово, очень не хочется видеть перед собой еще одно тело со вскрытой грудиной и писать еще одно фальшивое заключение.

– Если уберете Кобота, то организаторы уползут в одну сторону, а исполнитель в другую. – Гронский перешагнул лужу, замаскированную тонкой желтой пленкой листьев, и посмотрел на Алину. – Ваш Кобот при этом вряд ли доживет даже до предварительного следствия, не то что до суда, а через некоторое время все снова повторится, по-другому, может быть, но повторится. Обязательно. К тому же мы так и не узнаем ни причин, ни виновника смерти вашей мамы.

«И вашей Марины», – подумала Алина.

– И потом, – продолжал Гронский. – Как это вы собирались его убрать?

– Законным путем, – твердо ответила Алина. – Доделать то, что собиралась, когда вы меня остановили. У Кобота есть серьезные связи в полиции, в правительстве города, но я ничего пока не слышала о прокуратуре. Он за два дня организовал по моему требованию запрос на эксгумацию трупа той девушки, телохранителя, а значит, уголовное дело снова возбуждено. И повторно нарисовать заключение о том, что это просто нападение бешеных собак, я ему не дам. Вообще, у меня более чем достаточно материала, чтобы закрыть Кобота, и посмотрим тогда, как поступят его поделельники.

Алина помолчала.

– А еще я хочу посмотреть, что находится в закрытой зоне «Данко», – сказала она. – Нужно только придумать, как получить мастер-ключ и попасть туда ночью. Очень удивлюсь, если не найду там нечто такое, что вообще снимет все вопросы – и для нас, и для официального следствия.

Гронский покачал головой.

– Как я уже сказал, Кобот в этом случае, скорее всего, не доживет даже до первого допроса. Но еще печальнее будет, если до его первого допроса и до начала следствия не доживете вы, Алина. А при реализации ваших планов это более чем вероятно.

Алина поежилась, как будто кто-то очень неприятный вдруг коснулся затылка влажными холодными пальцами, и взглянула на Гронского. Тот смотрел на нее серьезно и как-то скорбно. Алина отвела взгляд, замолчала и огляделась вокруг.

То тут, то там среди деревьев виднелись витые позеленевшие от времени решетки оград, покосившиеся арки и причудливые старинные особняки. Это были постройки конца позапрошлого столетия, хранящие в своем облике черты неповторимых личностей своих создателей: чопорных или эксцентричных, педантичных или порывистых. На всем лежала печать восхитительной небрежности и очаровательной обветшалости: стены, покрытые патиной времени, местами потрескались, барельефы и декоративная плитка осыпались, на покрытых осенними листьями крышах зеленели пятна мха и плесени, а в трещинах балюстрад просевших балконов местами проросли трава и тоненькие деревца. Было что-то удивительно аристократическое в этом небрежении памятниками архитектуры: так обедневший дворянин может годами делать пометки прямо на крышке антикварного бюро или ставить кружку с горячим чаем на антикварный столик, нимало не заботясь о его сохранности. Старинные особняки несли свое обветшание с достоинством, как носят потертый фрак, сквозь прорехи в лоснящейся ткани которого виднеется тронутая тлением плоть.

Чуть дальше, в направлении левого берега острова, сбились в небольшие группы новые коттеджи, подобно нуворишам на аристократическом приеме, купившим возможность находиться там, куда другие вхожи по праву рождения, и потому чувствующим себя неловко. Они сторонились одиноких старинных особняков и нарушали дремотную чинную гармонию острова яркими красками новеньких стен, совсем как их человеческие собратья нарушают великосветские европейские собрания крикливой роскошью брендовых смокингов и громким смехом.

Гронский и Алина подошли к узкой речке. Пологие берега поросли пожухлой травой, беспорядочными зарослями кустарника и небольшими деревьями, низко склонявшимися к темной густой воде, текущей медленно и неохотно, как остывающая кровь в жилах старика. Через речку был перекинут небольшой деревянный мостик, противоположный край которого упирался прямо в переплетение стволов и ветвей. Алина обратила внимание, что из воды вдоль берега вертикально торчат редкие обломки почерневших от времени и влаги досок, похожие на остатки какого-то древнего забора.

– Все, что осталось от старой пристани, – пояснил Гронский, заметив ее взгляд. – Они тут часто встречаются, и внутри острова, и на внешних берегах. Когда-то давно к этим доскам швартовали свои лодки рыбаки. Кстати, мы уже почти пришли. Вон, видите башню?..

Дом Германа Андреевича Галачянца не походил ни на старинные особняки, ни на яркие новые коттеджи. Это было впечатляющее архитектурное сооружение в стиле Гауди, так что создавалось впечатление, будто огромный темно-серый особняк не построили, а вырастили прямо из влажной болотистой почвы. Из каменного хаоса причудливых фасадов, флигелей, пристроек, мансард, окон различной формы и размера и закругленных крыш росла высокая башня, похожая на ножку диковинного ядовитого гриба, увенчанная узким конусом красноватой крыши. Башня была продолжением переднего фасада дома, в очертаниях которого заметны были мотивы неоготики, а в ее основании располагались тяжелые двустворчатые входные двери под длинным козырьком массивного крыльца. Особняк стоял на обширном участке парка, обнесенном железной решеткой, к которой с внутренней стороны вплотную прилегал полупрозрачный пластиковый забор высотой метра в три, так что вся придомовая территория была надежно скрыта от посторонних глаз.

Гронский и Алина подошли к воротам, заключенным в мощную каменную арку. Рядом, стиснутая двумя толстыми опорами, находилась узкая калитка, пройти в которую одновременно мог только один человек. Прямо перед ними недружелюбно поблескивало темное зер-

кальное стекло помещения охраны. Угнездившиеся на арке видеокамеры нацелились сверху, как вороны на добычу.

Алина нажала кнопку звонка рядом с калиткой. В динамике переговорного устройства раздался тихий щелчок, и мужской голос произнес:

– Добрый день, чем могу помочь?

– Здравствуйте, я Алина Назарова, медицинский центр «Данко». Мы договаривались о встрече с Германом Андреевичем, – громко сказала Алина.

Одна из камер наверху чуть дрогнула.

– Этот мужчина с вами? – спросил голос из динамика.

– Да, это мой коллега, – ответила Алина, покосившись на Гронского, который с невозмутимым видом стоял рядом.

Звонко щелкнул электронный замок, и калитка открылась. Гронский и Алина вошли на территорию дома. Рядом с открытой дверью сторожевого помещения их ждал охранник в легком бронежилете и с кобурой на поясе, из которой торчала черная пластиковая рукоятка. Второй охранник, тоже в бронежилете, стоял между ними и домом. Одну руку он держал на висящем на шее небольшом автомате.

– Ваши документы, пожалуйста, – попросил охранник с пистолетом.

Гронский и Алина отдали ему водительские права, и он на пару минут удалился с ними в будку охраны. Алина переминалась с ноги на ногу, не очень уютно чувствуя себя под пристальным взглядом автоматчика. Гронский спокойно ждал. Наконец охранник вернулся, отдал им документы и махнул рукой в сторону дома:

– Проходите, вас ждут. Только никуда не сворачивайте с пешеходной дорожки.

Подъездная аллея отходила от ворот и тянулась чуть левее, к площадке парковки и дальше, к низким строениям позади дома, вероятно, гаражам. Тропинка для пешеходов, выложенная аккуратной плиткой, вела прямо к дому, через покрытые багрово-желтым слоем листьев газоны, мимо старых парковых деревьев и декоративных кустов. До высоких входных дверей, похожих на ворота замка, было метров сто. Алина пошла по дорожке, ощущая неприятное присутствие за спиной оставшегося у ворот человека с автоматом.

– Вот так физически материализуется двадцать пятое место в русском списке Forbes, – негромко произнес Гронский, когда они отошли от ворот шагов на двадцать.

– Я ожидала чего-то более жизнерадостного, – призналась Алина.

– Большие деньги – серьезные опасности, – прокомментировал Гронский, взглянул вправо и сказал:

– Посмотрите-ка, это там, случайно, не наша пациентка?

В нескольких метрах от дорожки на садовой скамейке сидела девушка. Воротник черного полупальто был чуть приподнят, большой темно-красный шарф закутывал шею до подбородка. Рядом с девушкой лежала раскрытая книга, а сама девушка замерла неподвижно, не сводя глаз с чего-то маленького и черного на своей правой ладони.

– Надо поздороваться, – сказал Гронский и зашагал к скамейке.

– Нам нельзя сворачивать с дорожки! – воскликнула Алина, но Гронский уже шел к девушке, и мертвые листья шуршали у него под ногами, как праздничное конфетти на печальном осеннем торжестве. Алина увидела, как охранник с автоматом быстро поднес руку ко рту и заговорил в портативную рацию, не сводя глаз с Гронского, а его оружие переместилось так, что короткий ствол уставился в их сторону. Алина ругнулась вполголоса и поспешила за Гронским.

– Добрый день, – поздоровался он. – Вы, наверное, Маша?

Девушке можно было дать на вид не больше шестнадцати лет. Огромные, черные, блестящие глаза ярко выделялись на бледном лице, как будто талантливый художник нарисовал их пастельным карандашом на белом листе бумаги. Мелкие капельки небесной влаги блестели в коротко подстриженных, слегка вьющихся черных волосах.

– Здравствуйте, – сказала девушка. – Да, я Маша. А вы из больницы?

– Да, меня зовут Родион, а это моя коллега, Алина Сергеевна. Очень приятно познакомиться, Маша.

– Мне тоже, – ответила Маша и посмотрела сначала на Гронского, а потом на Алину. Взгляд ее глубоких глаз показался Алине удивительно взрослым, в нем была та печальная зрелость, которая формируется не столько прожитыми годами, сколько пережитыми событиями и чувствами. Алина взглянула на ладонь девушки: там неподвижно сидела большая бабочка с бархатисто-черными крыльями, обрамленными желтой каймой.

– Это траурница, – объяснила Маша. – Очень редкая бабочка. Она уже не летает. Я недавно нашла ее в саду и решила взять в дом: хочу, чтобы у нее был шанс выжить зимой. Иногда я беру ее погулять. Вот как сейчас.

– Она очень красивая, – сказал Гронский, внимательно глядя на Машу. – Но бабочки не умирают, а только засыпают на зиму.

Маша покачала головой.

– Мне кажется, что эта умрет.

Алина заметила, как двери дома приоткрылись и оттуда вышли два человека в одинаковых черных костюмах и быстро зашагали в их сторону. Она дернула Гронского за рукав и сказала:

– Маша, думаю, нам с коллегой лучше поторопиться. Мы приехали для... процедуры, и...

– Взять у меня кровь, – кивнула Маша. – Да, папа мне говорил. Я скоро подойду.

Алина с тревогой наблюдала за приближающимися охранниками. Один из них поднял руку и помахал, указывая на дорожку. Она сделала шаг в сторону и еще раз дернула Гронского за рукав. Тот стоял, не шелохнувшись.

– Читаете Эдгара По? – спросил он, кивнув на лежащую книгу.

– Да, – ответила Маша. – Мне очень нравятся его стихи. А вам?

– Мне тоже, – улыбнулся Гронский. Алина оставила попытки сдвинуть его с места и пошла навстречу охранникам в черных костюмах, пытаясь изобразить руками какие-то одновременно успокаивающие и извиняющиеся жесты.

– Тогда, возможно, когда-нибудь нам будет о чем поговорить, – чуть улыбнулась Маша.

Гронский посмотрел на Алину, вступившую в диалог с охраной, и произнес:

– Когда-нибудь обязательно. – Он чуть поклонился. – Сейчас нам действительно пора, нужно все подготовить к процедуре. До скорой встречи.

Охранники были спокойны и профессионально вежливы. Они проводили Гронского и Алину до крыльца, открыли массивные двери и впустили внутрь, в небольшой квадратный вестибюль. Справа располагался гардероб, напротив – двери, ведущие в жилые помещения дома, а из неприметной двери слева вышли еще двое охранников: невысокая строгая женщина со спортивной стрижкой и мужчина, держащий на коротких цепях двух доберманов. Все они, включая псов, показались Алине странно похожими на Гронского: бесстрастные, подтянутые, одетые в черное и источающие отчетливое ощущение внутренней силы, похожее на едва заметный запах оружейной смазки.

– Будьте добры, снимите верхнюю одежду и подойдите сюда, – ровным голосом то ли попросил, то приказал один из охранников.

Алина, чувствуя себя крайне скованно под взглядами нескольких пар внимательных человеческих и собачьих глаз, с помощью Гронского сняла пальто в гардеробе и с рабочим чемоданчиком в руках вернулась обратно. Конечно, после проверки документов на проходной она была готова к чему-то подобному, но все равно вздрогнула, когда ее коснулись быстрые, бесстрастные руки женщины-телохранителя, ошупавшие ее всю от лодыжек до воротника пиджака. Рядом другой охранник так же обыскивал Гронского. Два добермана обнюхали гостей

с несколько брезгливым и надменным видом и отступили в сторону, давая понять, что со своей стороны претензий не имеют.

– Спасибо за понимание, – сказал старший охранник и открыл внутреннюю дверь. – Пожалуйста, проходите.

Потолок огромного холла терялся в полумраке. Вдоль стен тянулись тяжелые книжные полки, поблескивало стекло шкафов, маслянисто отсвечивали картины в резных рамах. Слева находился внушительных размеров камин, в котором ровным, сильным пламенем горели дрова, и языки огня сквозь узорную каминную решетку отбрасывали причудливые багровые сполохи. Широкая пологая лестница плавным полукругом уходила на верхние этажи. Справа расположились массивный кожаный диван и пара кресел, на небольшом столике между ними уютным желтоватым светом горела настольная лампа. Большие готические окна, наполовину закрытые тяжело свисающими портьерами, тускло светились серым дневным полусветом, который даже не пытался соперничать ни со здешним сумраком, пропитанным запахами кожи, дерева и сигар, ни с ярким пламенем камина. Тишину холла нарушало только потрескивание дров да громкое, размеренное тиканье напольных часов, напоминающих башню Биг-Бена, выполненную едва ли не в натуральную величину из темного резного дерева.

Из глубокого кресла с высокой спинкой, стоящего у камина, поднялась высокая фигура.

– Здравствуйте, господа, – раздался глубокий, низкий голос. – Как добрались?

Хозяин настолько органично вписывался в интерьеры своего дома, что казался их естественным продолжением: очень высокий, и потому заметно сутулившийся, с широкоплечей костистой фигурой, в темном домашнем костюме, с крупными, резкими чертами лица, складки которого говорили о том, что оно чаще отражало гнев и нелегкие раздумья, чем веселье и беззаботность. Черные, как и у дочери, глаза непроницаемо смотрели из-под темных нависших бровей. Даже на расстоянии от фигуры Германа Андреевича Галачьянца отчетливо веяло силой, деньгами и дорогим парфюмом.

– Я – Герман, – представился он и по очереди протянул Гронскому и Алине свою большую широкую ладонь. – Эдип сказал мне, что это внеплановый визит. Что-то случилось?

Алина ощутила на себе внимательный взгляд Галачьянца и порадовалась тому, что ответ на этот вопрос был заготовлен заранее.

– Нет, ничего серьезного. Небольшая накладка: новая девушка-лаборант случайно удалила результаты предыдущих анализов. Мне очень жаль, но пришлось побеспокоить вас и вашу дочь для повторного забора крови. Конечно, это совершенное исключение из правил, и мы могли бы дожидаться срока очередных анализов, но вы же знаете, как внимательно в нашей клинике относятся к пациентам, и тем более к вам, так что...

– О да, – произнес Галачьянец со странным выражением, – я знаю, как вы относитесь к пациентам.

Он посмотрел на Гронского и констатировал:

– Вы приехали не одна.

– Да, это мой коллега. Он недавно приступил к работе в «Данко», и Даниил Ильич попросил его всюду меня сопровождать, что-то вроде введения в курс дела на практике.

Алина попыталась располагающе улыбнуться, но почувствовала, что улыбка вышла какой-то жалкой. Галачьянец пристально посмотрел на Гронского. Тот встретил его взгляд все с тем же спокойным и непроницаемым выражением на лице.

– Хорошо, – сказал наконец Галачьянец. – Вы можете расположиться здесь.

Он показал рукой на диван и столик с лампой.

– Если нужно будет добавить света, скажите. Маша сейчас подойдет... а вот, кстати, и она.

Видимо, в холле была и другая дверь: Маша появилась откуда-то сбоку, порхнула через холл с легкой грацией девушки-подростка и подошла к отцу.

– Как погуляла, дочка?

Маша приподнялась на цыпочки, чуть не подпрыгнув для того, чтобы чмокнуть отца в щеку, и Алина заметила, с какой неожиданной нежностью большая рука Галачьянца коснулась темных кудрей дочери.

– Отлично, папа. Я книжку читала. На улице немного моросит, но тепло.

– Ну и славно. Сейчас доктора возьмут у тебя кровь, а потом мы пообедаем.

Маша села в кресло рядом с Алиной, уже разложившей на столике инструменты, и привычным жестом закатала правый рукав темного шерстяного платья. Алина отметила тонкие и почти незаметные вены на худенькой руке девочки.

– Поработайте немножко кулачком, – попросила она и на всякий случай добавила. – Не бойтесь, будет совсем не больно.

– Я знаю, – улыбнулась Маша. – Я уже привыкла.

Алина дождалась, когда вена станет чуть более заметной, аккуратно ввела иглу и, ощущая странное волнение, стала наблюдать, как густая темная кровь медленно, словно нехотя, наполняет первую пробирку.

«Бледность, медленный ток крови, холодные руки, – мысленно отметила она. – Нарушение кровообращения?»

Она повернулась к Гронскому и увидела, что он стоит рядом и широко раскрытыми глазами не отрываясь смотрит в сторону лестницы.

– Добрый день, – услышала Алина мелодичный женский голос и тоже посмотрела.

Она спускалась с лестницы, чуть касаясь перил кончиками пальцев. Тяжелая волна густых черных волос ниспадала на плечи и спину, контрастируя с ослепительно-белым пластырем, плотно обтягивающим округлые бедра и длинные стройные ноги. Женщина сошла с последней ступеньки, и казалось, что она не идет, а движется, сочетая в этом движении томную пластику большой кошки и опасную грацию змеи. Ее высокая фигура была гибкой и сильной, как стальной хлыст, капля жаркой крови Востока была растворена в смуглой коже, точеной линии прямого носа, миндалевидных глазах с густыми темными ресницами, и все это составляло ту пьянящую смесь изящества, страсти и шарма, которая называется женственностью. Ее глаза были как темные бархатные омуты, в глубинах которых искорками вспыхивала таинственная потусторонняя жизнь, и, встретив их взгляд, Гронский уже не мог оторваться, чувствуя себя пойманным, как олень на ночном шоссе, цепенеющий в свете автомобильных фар.

Такие женщины среди знойных пустынь и древних храмов из желтого песчаника сводили с ума самых стойких рыцарей из самых строгих монашеских орденов.

– Знакомьтесь, это Кристина, – сказал Галачьянец.

Кристина подошла к Гронскому и протянула ему руку. Он легко пожал ее длинные пальцы совершенной формы, с чуть удлиненными ногтями, покрытыми светлым лаком.

– Я Кристина, мне очень приятно познакомиться, – сказала она и начала улыбаться. Это была не просто улыбка, когда улыбаются губы, глаза, лицо, но как будто какая-то светлая энергия прорывалась изнутри, и улыбка была самым естественным ее проявлением. Гронский сдержанно улыбнулся в ответ, но под взглядом сияющих глаз Кристины почувствовал, как почти против воли губы его расплзаются все шире и шире, растягиваясь в какую-то глупую гримасу, и он оставил попытки сохранить серьезность и улыбнулся по-настоящему, искренне и от души.

– Родион, рад знакомству, – выговорил он чуть севшим голосом. Тонкие пальцы Кристины все еще были в его руке.

– Алина Назарова, врач медицинского центра «Данко», – донеслось откуда-то снизу.

– Привет, – бросила Кристина, продолжая смотреть на Гронского.

– Родион Александрович, – какой-то сварливый настырный голос настойчиво пытался вывести Гронского из гипнотического ступора, – вы не могли бы отвлечься и помочь мне?

Гронский наконец выпустил руку Кристины, и они оба посмотрели вниз. Алина недружелюбно поглядывала на них из-под упавшей на глаза золотистой пряди волос.

– Да, конечно, – Гронский мотнул головой, словно прогоняя наваждение, и откашлялся. – Что нужно сделать?

– Для начала сесть рядом, – резко сказала Алина. – И подайте мне вторую пробирку и вот ту стеклянную трубку, если вас не затруднит.

Кристина еще раз одарила Гронского улыбкой и пошла к дверям.

– Герман, я в город по делам, – небрежно сказала она на ходу, – вернусь вечером, если что, ужинай без меня.

Кристина взялась за дверную ручку и обернулась.

– Всего хорошего, Родион. До встречи, – и вышла.

Алина сосредоточенно молчала, набирая неохотно покидающую тело кровь Маши во вторую пробирку.

– Какая красивая у вас мама, – заметила она, косясь на Гронского. – Кулачком еще поработайте, пожалуйста.

Маша слабо улыбнулась.

– Кристина мне совсем не мама. Наверное, она бы называлась мачехой, но они с папой даже не женаты. К тому же она слишком молодая и для мамы, и для мачехи.

Маша помолчала.

– А моя мама умерла, – добавила она.

У Алины ёкнуло сердце.

– Прости, пожалуйста, – сказала она с чувством. – Я не знала. Потерпи немножко, мы скоро уже закончим.

На этот раз от дверей дома и до ворот усадьбы Гронского и Алину провожал охранник, видимо, чтобы недисциплинированные посетители не вздумали опять отклоняться от разрешенного им маршрута. Они вышли за ограду и некоторое время шли молча. За то время, которое они провели у Галачьянца, недолгий день начал лениво превращаться в вечер и в воздухе запахло сумерками. Парк как-то вдруг растерял все свое аутентичное очарование: мокрая земля под ногами стала грязью, деревья и особняки из поношенных аристократов превратились в потрепанных унылых бродяг, из неопрятных зарослей то и дело выглядывали неряшливые строения за дощатыми заборами, вдоль которых бродили вялые субъекты в оранжевых спецовках. Дождь усилился, старательно застучал частыми крупными каплями по слипшимся сырым листьям, и Алина с досадой подумала о том, что до машины придется идти пешком. Если их путь к Галачьянцу был неторопливой прогулкой, то обратная дорога стала поспешной и суетливой ходьбой под дождем.

– Ну и зачем вам это было нужно? – спросила Алина.

– Я должен был посмотреть, – неопределенно ответил Гронский. Мысли его сейчас были явно где-то не здесь.

– И на кого же, боюсь спросить? – язвительно осведомилась Алина. – Если на девушку Галачьянца, то это вам удалось в полной мере. Преуспели, можно сказать.

Гронский, казалось, не заметил сарказма и продолжал широко шагать по лужам и мокрому гравию.

– Мне нужно было посмотреть на Машу, – сказал он. – Кстати, что вы о ней скажете? Как врач?

Алина пожала плечами.

– Пока у меня нет результатов клинических анализов, я мало что могу сказать. Разве только что у девочки слабый ток крови и, возможно, какие-то сосудистые нарушения, но патология это или нет, вот так сразу определить нельзя.

Гронский молча кивнул.

– Может, все-таки расскажете мне, что не так с Машей? – спросила Алина. – Вы ведь что-то знаете, правда?

– Правда, – ответил Гронский. – И я обязательно все вам расскажу, как только у вас будут результаты сегодняшних анализов, как и обещал. Просто я не хочу, чтобы мои слова каким-то образом повлияли на вашу объективность и непредвзятость, поймите меня правильно. А сейчас нам лучше немного поторопиться: сегодня у меня еще встреча с Мейлахом, а что-то подсказывает мне, что он не будет дожидаться, если я вдруг опоздаю.

* * *

Мягкий желтый свет десятками мерцающих огоньков рассыпается в стекле бутылок, и они сверкают, как праздничные игрушки на рождественской елке. Сумрак окутывает тесное пространство бара, и я почти ощущаю, как он прикасается к моим плечам, словно старое одеяло. Из двух колонок негромко и хрипло поет Армстронг: что-то про зеленые деревья и прекрасную жизнь. Я поднимаю стакан, вдыхаю аромат виски и делаю глоток. Жидкое торфяное пламя пробегает через гортань и согревает меня изнутри.

– Пожалуй, я выпью еще, – тихо говорю я, – плесни мне еще на два пальца, Мариша.

Ее улыбка расцветает мне навстречу, и глаза весело смотрят на меня из-под черной челки. Я дома. Я снова дома.

– Твое здоровье, Марина. – И я чуть приподнимаю бокал.

– Что ты сказал, Родион? Еще налить? – спрашивает меня Снежана.

Я отвожу взгляд от Марины. Фотография в черной траурной рамке стоит между бутылками с текилой и водкой. Марина и после смерти по-прежнему здесь, в баре, и встречает меня своей знаменитой улыбкой.

– Нет, Снежа, спасибо, – отвечаю я. – Это я так просто, сам с собой разговариваю.

Она внимательно смотрит на меня: большие глаза с влажной поволокой, блестящие полные губы, в глубоком декольте залегли теплые мягкие тени.

– Если что, только попроси, – говорит Снежана и выходит из-за стойки к столику в дальнем углу. Там, где в памятный вечер неделю назад сидели молчаливые серые пьяницы, сегодня сдержанно веселится компания полужнакомых мне гостей. Когда к ним подходит Снежана, голоса становятся громче и оживленнее, а резкие взрывы смеха чаще.

Колокольчик звякает над дверью ровно в то время, которое Мейлах назначил для встречи. Я оборачиваюсь. Вошедший вместе с порывом холодного воздуха человек более уместно выглядел бы на пороге лесной таверны лет триста назад, чем в дверях бара в центре современного города. Дождь намочил его длинные волосы, и они прилипли к черепу, как водоросли. Изможденное лицо заросло седеющей щетиной, худое тело укутано в длинный черный плащ, похожий на армейский плащ-палатку, а на ремне через плечо висит старая потертая кожаная сумка, туго чем-то набитая и перехваченная веревкой. Человек затравленно оглядывается, словно забежал сюда в поисках спасения от неведомой опасности, но при этом не вполне уверен, что еще горшая беда не подстерегает его здесь.

Я делаю ему приветственный знак рукой, и он, еще раз оглянувшись по сторонам, подходит к стойке.

– Это вы мне звонили? – спрашивает он.

– Да, – говорю я и протягиваю ему руку. – Приятно познакомиться лично, Михаил Борисович.

Мейлах тоже протягивает руку, его глаза беспокойно бегают по сторонам, и когда яжимаю его холодную мокрую ладонь, он быстро отдергивает ее назад.

– Выпьете что-нибудь? – предлагаю я.

Его взгляд наконец останавливается. Я вижу, как заблестели его глаза.

- Да... наверное. Может быть, водки, – говорит он неуверенно.
- Вы можете выбрать, – подсказываю я.
- Тогда «Мартель», – говорит он уже тверже. – Сто грамм.

Снежана, с опаской поглядывающая на моего гостя, наливает ему коньяк и еще раз наполняет мой бокал виски. Мейлах одним глотком выпивает половину и сидит, глядя перед собой. Я молча жду. Не нужно давить: время, тепло и алкоголь сейчас гораздо важнее для установления контакта, чем слова и ненужные вопросы.

- Итак, вы ученый, – то ли спрашивает, то ли констатирует Мейлах.
- Мне больше нравится слово «исследователь», – отвечаю я.

– И вас интересуют мои работы, связанные с «Rubeus vinculum», – с той же интонацией произносит он.

- Именно так.

Он кивает, откашливается и делает еще один глоток.

- А что вы знаете об этой книге?

Я коротко рассказываю ему о своих изысканиях, умалчивая, разумеется, только об их причине. Он слушает, кивает, иногда задает уточняющие вопросы. Я чувствую себя как на каком-то странном экзамене, и оценка за него находится сейчас в распухшей старой сумке, перевязанной веревкой, что лежит на барной стойке перед Мейлахом. Пока я говорю, он допивает свой коньяк, и я взглядом прошу Снежану налить ему еще. Когда я рассказываю о связи между алхимией и вампиризмом, Мейлах чуть приподнимает брови и смотрит на меня с одобрительным интересом. Я вижу, что он уже немного расслабился, успокоился, согрелся, а разговоры на близкую профессиональную тему помогают ему почувствовать себя увереннее. Наконец я умолкаю.

- Неплохо, неплохо, – говорит Мейлах.

Он снова пьет и некоторое время сидит молча, потом проводит рукой по голове, убирая со лба намоченные редкие пряди, поворачивается ко мне и смотрит строго и серьезно.

– Мне очень приятно, что кто-то еще адекватно воспринимает те вещи, которые неразумному и слепому большинству кажутся небылицами. Удивительно, насколько люди не в состоянии отличить реальность от вымысла. Хотя чему удивляться – мы уже давно живем в ситуации культурного хосписа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.